

Молодёжная волна

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

**Молодёжного отделения
Самарской областной писательской организации**

№ 21

**г. Самара
2020**

Мероприятие
«Организация и проведение VIII Всероссийского
молодёжного литературного фестиваля
имени Михаила Анищенко»
реализовано в рамках
национального проекта «Культура»

Содержание

Денис Домарёв. <i>Слово редактора</i>	4
Семинар прозы (<i>руководители – Андрей Геласимов,</i> <i>Андрей Олех</i>)	7
Алина Гребешкова. <i>Дитя самоизоляции. Рассказ</i>	9
Диана Давлетбердина. <i>Перрон-вокзал. Рассказ</i>	16
Татьяна Дёмина. <i>Сияние. Фантастическая повесть</i>	21
Владимир Калашников. <i>Питер, Петруша, Пётр. Рассказ</i>	52
Мария Ким. <i>Заметки пандемии. Рассказ</i>	65
Ирина Крупина. <i>Поклянись. Рассказ</i>	75
Елена Луновская. <i>Обочина. Рассказ</i>	79
Тамара Нуждина. <i>Обычная история. Рассказ</i>	86
Игорь Петухов. <i>Столбы. Пьеса (отрывок)</i>	91
Семинар поэзии (<i>руководители – Максим Замшев,</i> <i>Светлана Чураева, Дмитрий Мурзин</i>)	109
Вероника Баранова. <i>Стихи</i>	111
Юлия Борзова. <i>Стихи</i>	114
Никита Бунтавской. <i>Стихи</i>	116
Александр Бухарин. <i>Стихи</i>	118
Дина Дабришоте. <i>Стихи</i>	121
Наталия Забегалова. <i>Стихи</i>	123
Елена Козлова. <i>Стихи</i>	125
Оксана Косова. <i>Стихи</i>	127
Варвара Малыгина. <i>Стихи</i>	129
Даниил Ноздряков. <i>Стихи</i>	132
Евгения Решетникова. <i>Стихи</i>	134
Александра Соколенко. <i>Стихи</i>	136
Анастасия Устинова. <i>Стихи</i>	138
Екатерина Харитоновна. <i>Стихи</i>	141

Семинар прозы (<i>руководители – Александр Громов, Илья Кочергин</i>)	143
Мария Акимова. Как Ирина Семёновна с мужем прощалась. <i>Рассказ</i>	145
Анна Богомолова. Чертополох. <i>Рассказ</i>	160
Дарья Горновитова. Свободное время. <i>Глава из романа</i>	164
Ирина Дюгаева. Нетленная переменная. <i>Рассказ</i>	169
Олеся Майбах. Наталья. <i>Рассказ</i>	196
Анастасия Миронова. Ангел-хранитель. <i>Рассказ</i>	224
Ирина Михайлова. Воздушная тревога. <i>Отрывок из повести</i>	242
Олисава Тугова. Восхождение. <i>Рассказ</i>	263
Семинар поэзии (<i>руководители – Максим Амелин, Юрий Татаренко</i>).....	269
Анатолий Беляков. <i>Стихи</i>	271
Екатерина Богданова. <i>Стихи</i>	273
Дмитрий Бриккель. <i>Стихи</i>	275
Ксения Бурлак. <i>Стихи</i>	277
Дмитрий Вилков. <i>Стихи</i>	279
Мария Леонтьева. <i>Стихи</i>	282
Екатерина Макушина. <i>Стихи</i>	284
Евгений Мельников. <i>Стихи</i>	287
Надежда Новикова. <i>Стихи</i>	290
Мария Тухватулина. <i>Стихи</i>	292
Екатерина Ферафонтова. <i>Стихи</i>	294
Семинар детской литературы (<i>руководитель – Дмитрий Емец</i>).....	297
Розалия Вахитова. У меня появился жираф. <i>Рассказ</i>	299
Ксюша Вежбицкая. Мальё. <i>Главы из повести</i>	303
Яна Гальченко. Переход. <i>Рассказ</i>	318
Ира Данилова. Коленька. <i>Рассказ</i>	329
Вера Ильина. Обратная сторона сердца. <i>Глава из повести</i> ..	334
Анастасия Кальян. Чайная магия. <i>Рассказ</i>	343
Виктория Татур. Бабушкино облако. <i>Рассказ</i>	347
Анна Шайдурова. Космическая бабушка. <i>Рассказ</i>	351
Екатерина Огарёва. <i>Об опыте проведения Литературного хакатона в рамках VIII Всероссийского литературного фестиваля имени Михаила Анищенко</i>	354

Дорогие друзья!

С 18 по 20 сентября в Самарской области прошёл VIII Всероссийский литературный фестиваль имени Михаила Анищенко, который в очередной раз собрал молодых поэтов и прозаиков России под одной крышей с уже известными российскими писателями.

Организаторами фестиваля традиционно стали Самарская областная организация молодых литераторов, Самарская областная универсальная научная библиотека, Самарская областная писательская организация. Поддержку фестивалю по-прежнему оказывает Министерство культуры Самарской области.

Открыл фестиваль министр культуры Самарской области Борис Александрович Илларионов. Во время открытия руководитель Самарской областной организации молодых литераторов Денис Домарёв вручил министру только что вышедший, благодаря поддержке Правительства Самарской области, двухтомник собрания сочинений Михаила Анищенко

Основная программа этого года имела ряд отличий от своих предшественников. В команду ведущих семинаров вошли известные авторы: Максим Амелин, Андрей Геласимов, Илья Кочергин, Светлана Чураева. Они присоединились к писателям, которые уже не первый год принимают участие в фестивале: Александру Громову, Дмитрию Емцу, Максиму Замшеву, Дмитрию Мурзину, Андрею Олеху, Юрию Татаренко.

Появилась специальная программа для организаторов литературного процесса. Она включила в себя проектные школы, литературный хакатон, воркшоп и мастер-классы по подготовке и продвижению литературных проектов. Инициировали и реализовали спецпрограмму активисты Совета молодых литераторов Женя Декина, Екатерина Огарёва, Павел Сахнов и руководитель СМЛ Андрей Тимофеев.

Фестиваль в 2020 году обрёл новую прописку. На этот раз молодые писатели и их наставники разместились на полуострове Копылово, рядом с Тольятти, в учебном лагере «Раздолье», когда-то специально построенном для курсов повышения квалификации сотрудников «АвтоВАЗа» и располагающем досуговым центром для проведения занятий.

Завершился фестиваль Межрегиональным турниром для поэтов и прозаиков, участники которого состязались прочтением собственных произведений. Победители турнира Виктория Татур из Москвы (проза) и Наталия Забегалова из Нижнего Новгорода (поэзия) получили сертификаты на издание собственных книг.

Особо хочется отметить команду организаторов во главе с руководителем Центра чтения Самарской областной универсальной научной библиотеки Софьей Сыромятниковой. Это Полина Авдеева-Бедных, Александр Барвинок, Роман Бубнов, Екатерина Волкова, Егор Ликсон, Илья Крючков, Марина Рыбалко, Екатерина Рябикина, Светлана Се-

менцова, Валерий Швец. Все вместе они, как всегда, справилась со всеми трудностями и подняли планку фестиваля на новый уровень.

Литературные произведения участников фестиваля имени Михаила Анищенко, опубликованные в этом номере журнала «Молодёжная волна», были дополнены и исправлены авторами с учётом рекомендаций ведущих семинаров.

Приятного чтения!

С уважением,

Председатель Самарской областной
организации молодых литераторов,
главный редактор журнала
«Молодёжная волна»
Денис Домарёв

*Главные организаторы фестиваля
Денис Домарёв и Софья Сыромятникова*

Семинар прозы

Руководители:

Андрей ГЕЛАСИМОВ (Москва) — прозаик, педагог, доцент Литературного института им. М. Горького.

Андрей ОЛЕХ (Самара) — прозаик, журналист, номинант литературной премии «Дебют».

Андрей Геласимов:

«Уровень участников, на самом деле, очень высокий. Я бы всех ребят, которые на нашем семинаре сидят, сейчас перевёл бы в Литинститут, где преподаю литературное мастерство. Они пишут вполне себе на уровне даже не первокурсников, серьёзно. И самое главное, они очень мотивированы. Потому что проблема молодых авторов — это отсутствие мотивации. Этим ребятам прямо хочется писать, это чувствуется, они действительно горят. Тексты очень талантливые. И вот Андрей Олех сказал очень хорошо. Он сказал, что ему пришлось прочесть 300 авторов, у каждого по 10-15 страниц. Он провёл огромную работу, но смог отобрать 9 человек, которые кажутся очень перспективными. И я тоже двум ребятам уже сделал предложение, поскольку я ещё и издатель — представляю издательский дом «Городец». Думаю, что их я бы опубликовал в Москве, выпустил бы книжку. Работу одной девушки я показал своему руководству, ещё будучи в Москве. Она фельдшер скорой помощи и пишет о своих профессиональных буднях так пронзительно, как обычный писатель не напишет.

Мы даём инструментарий. Научить писать в принципе нельзя, потому что для этого прежде всего нужен талант. Когда есть данные, но человек не владеет правилами. Когда у него есть свой необычный взгляд на мир, какое-то понимание, когда он может видеть то, что мы не замечаем, но ему надо дать в руки инструмент. И вот этим, собственно, мы занимаемся

здесь, на семинарах. То есть у них есть какие-то свои уже знания композиции, но их недостаточно, явно недостаточно. Поэтому вот здесь человек опытный не помешает».

Андрей Олех:

«Всероссийский фестиваль имени Анищенко для меня уже четвёртый — я уже ветеран этого фестиваля. И мне очень приятно, что уровень участников растёт. Это дежурные слова, но это правда: у нас всё больше и больше заявок, у нас всё сильнее и сильнее авторы. И география, которая и до этого была обширной, ещё больше разрослась. Я вижу настоящих прозаиков и получаю настоящее удовольствие, когда читаю их работы. И сейчас мне очень нравится процесс семинара, нравится обсуждение. У каждого есть своё мнение, и это прекрасно. Все друг друга читали, и это замечательно. И ты разговариваешь с людьми, тебе подобными, которые пишут, хоть и не так, как ты пишешь. Они согласны и не согласны с тобой. У всего этого процесса есть смысл».

*Семинар прозы
(руководители — Андрей Геласимов и Андрей Олех)*

Алина Гребешкова

г. Нижний Новгород

Дитя самоизоляции

Рассказ

Петров получил вызов к вечеру, когда был уже не в настроении. Да и когда оно у него вообще бывало? Раздражённо позвенел мелочью в кармане. Почасовая оплата. Будто жрица трассы, крыса, был бы лучше крохобором. Ещё бывшая заладила:

— Петров, ты неудачник и эгоист! Гриша мой хоть и получает раз в десять больше тебя, но дети-то чьи?! Это что — деньги?! Потеряла лучшие годы! Ты по приставам соскучился?

По приставам Петров не скучал. Они часто заходили в гости, пили чай с малиновым вареньем, разглядывали огромные цветы на старых обоях и советовали: не копить долг, договориться с женой, ты же не пьёшь, хороший мужик, говорили они, жалели. Брат у Петрова было нечего.

Он скучал по сынишкам Мите и Вите. Но Машка, будь она не ладна, с детьми видаться не давала, только деньги тянула. Петров попытался было сунуться к сы-

новьям, подглядеть, понюхать белобрысые макушки мальчуганов, вдохнуть в себя детство и смысл жизни, зажмурившись. Но Гриша, теперешний муж Машки, схватил его крепко за воротник, встряхнул и гавкнул:

— Ещё раз появишься в нашем дворе, зубы не соберёшь! Понял?

Петров, не будь дураком, всё понял. Пожалел, что не отучился на стоматолога, проблем было бы меньше, а денег — куры не клюют.

Всё больше другое не давало ему покоя, впивалось занозой между лопаток, опускало плечи и тянуло к земле: «Зачем я? Никогда никому ничего плохого не делал, в запой не уходил, жену не бил. А может, надо было? Дети считают предателем. Жена — ничтожеством. Мама — слабаком. Будто сломался внутри какой-то механизм и не починить. Кто я?»

— Петров, двойная оплата. Вызов! Срочный!

«Точно проститутка», — подумал Петров, хотя никогда не пользовался их услугами, он вообще в этом плане был девственен.

Схватил чемоданчик и побежал, в карманах у него звенела мелочь. Запрыгнул в троллейбус, похожий на кузнечика, и тот застрекотал, задрезжал в центр города. Петров вспомнил, как когда-то украдкой целовал Машку в троллейбусе, она стеснялась, отворачивалась, прятала нос и губы в колючий шарф, а он, держа в одной руке её кроличьи варежки, другой же, убирая прядь волос, пытался поймать её смешинки ртом, чтобы спрятать в себе на долгие годы. Не схоронил. Растерял. Улетучились смешинки, будто алкогольные пары, а протрезвел в тридцать семь, и пришло тяжёлое похмелье.

— Вы билет брать будете?

— Взял уже.

— Что же вы врётё? Знаю же, что не брали!

— Брал. Вот он, — Петров потянулся в карман за мелочью, но передумал и протянул под нос кондуктору фигу. — Держи, нравится? — и вылетел мухой в открытые двери.

В двадцать, после училища, ушёл в армию, терялся и краснел в разговорах о бабах, размерах, времени, уяснив, что делать можно, а что нельзя — не по-пацански. Машка, тогда ещё влюблённая, встречала на перроне со слезами на глазах. Он слушал пьяные разговоры старых усатых родственников, которые сходились во мнении, что теперь-то Петров мужик, отслужил, бабу бы тебе хорошую в койку и на кухню.

Он увёл Машку с гулянки на заброшенный завод, чтобы сделать то, что хотелось в армии, когда являлась она к нему в свидениях, то в образе ангела, то дьяволицы.

Через полгода они поженились. Жили с её родителями.

Через три месяца родился Митька. Жили с его мамой.

Через год взяли ипотеку. Вдохнули.

Через год родился Витька.

Через семь лет выплатили ипотеку. Выдохнули.

Через полгода развелись.

— Улица Ленина, дом десять. Хозяйка себе места не находит! Петров, где шляешься?

— Еду!

Машка перевелась на заочку, университет, филологическая барышня. Её родители плакали: наша дочь подавала большие надежды, если бы не ты. Петров пошёл на завод строить корабли. Машка читала умные книги, выискивала умные цитаты и оглашала их вслух. Петров делал вид, что слушает, мыл посуду, убирал игрушки, вытирал носы мальчишкам и был счастлив. Машка решила защитить диссертацию. Петров откладывал на отпуск. Витя пришёл неожиданно, практически на защите кандидатской матери, но был интеллигентен и подождал до вечера.

— Вы на Ленина едете или нет? — раздалось вновь недовольное кудахтанье в трубке.

Петров даже увидел, как ярко накрашенные красные губы операторши Инны сворачиваются от возмущения в куриную попку.

— Там хозяйка уже с ума сходит!

— Мне нравится, что вы больны не мной. Через десять минут буду.

Потом Машка нашла Гришку. Петров даже знал когда. День рождения Мити, которому исполнилось беззубые пять лет. Решили позвать коллег с детьми, выехать семьями на природу. Петров резко ощутил разницу между собой и женой, разглядывая её коллег, которые приехали на новых иномарках и сторонились простых заводских мужиков. Откуда же деньги у обычных преподавателей? Дети играли в догонялки, громко смеялись, не замечая напряжения взрослых, они ещё не знали выражения «дать на лапу».

Гришка подошёл к Петрову, похлопал его по плечу и сказал: «Жена-то у тебя красавица, повезло». Петров посмотрел на довольную улыбку Гришки и всё понял. Сдержался, чтобы не дать в зубы у всех на глазах. А потом всё покатилося с крутой горки. Машка забрала детей, квартиру и смысл жизни.

— Петров?!

— Я на месте, кудах-кудах.

— Что? — возмутилась операторша.

Петров сбросил вызов.

— Мастера вызывали?

— Да, — женщина с гулькой на голове отошла в сторону от двери, пропуская Петрова в квартиру, — вас не дождёшься!

— Подумаешь, будто всю жизнь меня ждали. Вы не одна такая, дамочка!

— Дамочка?

— Сударыня, показывайте, что у вас случилось.

Она протянула ему бахилы и чёрную маску на резиночках, пробурчав: «Никакого воспитания». Потом уже громко Петрову: «Надевайте маску, а то задохнётесь, и проходите в зал».

Когда Петров вышел из своих мыслей, то ощутил вонь: кислые щи мешались с бычками в томате, сверху будто кто-то залил это всё керосином и поджжёг.

— Позавчера сломался, — тихо сказала хозяйка.

— Производителю звонили? — Петров задумчиво поковырял в ухе, но ничего там не нашёл.

— Где же его сейчас возьмёшь? До закрытия границ успели смыться. Служба поддержки говорит: временные трудности, временные трудности, вам нужно обнулиться и успокоиться.

— Мда.

— А как я могу успокоиться? Столько денег зря, что ли, отдала?! Безоблазие!

— Безобразия, — поправил Петров, соглашаясь. — Понимаю ваше возмущение. Инструкция есть?

— Да-да, минуточку.

Что сейчас делают Митька и Витька? Смотрят мультики или катаются на самокатах? Как они? А Машка обнимается с этим Гришкой? Я же любил тебя, эх ты, дура деревенская.

— Любил ли? — спросил голос. — Любил ли? — металлически продребезжал вновь.

— Любил! — ответил Петров, убеждая себя, нежели незнакомца.

— Любовь, любовь, как много в этом слове.

— Ты же сломался? Что тебе надо? — удивился Петров.

— Сломался, потому что закармила, тоже от любви безмерной, наверное. А мне есть не положено, но как ей объяснишь?

— Ты пробовал?

— А то! Мне по-человечески 5 лет исполнилось, я — безотцовщина, у неё — переизбыток материнских чувств. У тебя дети есть?

— Два сына.

— Любишь и на всё ради них готов?

— Конечно! К чему ты клонишь?

— Убей меня, а? Не могу больше! Тебе зачтётся. На кнопку между лопаток только нажать, будь человеком! Сам, понимаешь, дотянуться не могу. Идёт!

— Вот и инструкция, не знаю, поможет ли, она на китайском языке.

— Почему он сломался? — спросил Петров.

Женщина отвела взгляд.

— Пирожками кормили?

— И щами ещё, фрукты, сок морковный, творог. Мише витамины нужны, растущий организм, — зататорила хозяйка.

— Миша? Тёзка, значит. Ну, иди сюда, Михаил. Посмотрим, что у тебя.

Петров взял мальчика на руки, похлопал по животу, приподнял веки, перевернул на спину и оголил спину. Между лопаток под кожей нащупал маленькую кнопку.

— Надо везти на диагностику, — сдержанно сказал Петров.

— Скажите, его удастся вернуть к жизни? Мне вас порекомендовали как лучшего специалиста в городе! Я отдала за него столько денег!

— Вас предупредали, что его нельзя кормить? Это же не кот!

— Соседка кормит! И ничего. Я что, хуже неё? Беднее? Страшнее? Могу себе позволить, — она демонстративно выкатила декольте. — Хотите картофельное пюре с котлетками, сама фарш крутила, вот этими руками, — женщина показала пальцы, усеянные кольцами. — Вы же голодный, наверное. Всё равно эта гадость сломалась, а одна я столько еды не осилю.

Петров посмотрел на часы. Восемь вечера. В последний раз он ел сутки назад, армяне сдобрили пельмени кетчупом и уксусом, чтобы перебить запах тухлого мяса. Желудок предательски завыл.

— Давайте, — махнул рукой Петров и засучил рукава, — только сначала механизм прочищу, может, что-то и получится.

Он аккуратно взвалил Мишу на руки. Несмотря на небольшой размер, мальчик весил как мешок с картошкой, китайцы постарались и не пожалели для

него хорошего сплава. Сдерживая тошноту, Петров включил струю воды и положил мальчика в ванную. Тот улыбался, глядя в серый потолок. Капли, ударяясь о тело, брызгали на пол.

— Что же с тобой делать?

— Не знаю, — уныло ответил Миша. — Убей, а? Очень прошу!

— Как же она?

— А что она? Эгоистичная женщина! Манипуляторша! Проживёт и без меня.

— Тебе для чего жизнь дали, машина ты неблагодарная?

— Мужик, это жизнь, что ли? — Миша сплюнул воду.

— Михаил, у вас всё хорошо? — раздалось за дверью.

— Да, — ответил Петров и включил воду сильнее. — Почти закончил.

— Поторопитесь, я котлетки разогрела, остынут.

— Сначала она предложит тебе котлетки, потом борщ, а потом захочет от тебя ребёнка. Знаю я эту Тамару! Ты бы аккуратнее, мужик. Не успеешь опомниться, как вы едете в отпуск на море впятером.

— Муж у неё где?

— Да нет у неё никого, кроме меня. Тридцать пять годочков недавно стукнуло. Работа — дом — работа. Грустно, конечно. Сделали нас для таких одиноких женщин, а как обращаться — не научили. Дитя самоизоляции. Был бы человеком, страдал бы, наверное, а так... Я тебя в последний раз прошу, нажми кнопочку, а? — мальчик печально посмотрел на Петрова. — Представь, что я твой сын, который неизлечимо болен.

Петров взял мыло, пахло малиновым вареньем, помыл руки и выключил воду. Протёр лицо и шею чистым белым полотенцем:

— Тамара, к сожалению, ничего сделать нельзя: ремонту не подлежит. Есть очень хочется, а запах-то какой волшебный! У меня как раз в чемоданчике припасена бутылочка красного сухого.

Диана Давлетбердина

г. Мелеуз

Перрон-вокзал

Рассказ

Если долго вслушиваться в тишину — она звенит. Тишина звенела повсюду и везде. Мелкий, едва различимый звон в тиканье часов. В детстве у бабушки в серванте можно было найти морскую ракушку — взрослые говорили и верили, что, если приложить её к уху, она шумит морем, но она только звенит и всё. Резные, под старину, часы ходят только лёжа на боку: что-то с механизмом, мудрёж какой-то, никто и не помнил, сразу красивые бракованные были или упали. Нельзя, чтобы часы стояли. Вот они лежат и ходят. И в тиканье их, перемещении стрелок тоненький треск.

Перрон-вокзал. От вокзала сквозь бульвар — два шага, к дому, где часы ходят на боку и каждой ночью слышен «трёхчасовой» поезд. Поезд, на котором приехала Ксюша.

После дождя озоном пахнет, так хорошо видна Полярная, а вон ручка, вон ковш.

Звёзды хорошо видать здесь.

Звёзды очень ярко здесь, из окна комнаты с названием «зал», потому что другая — «спальня». Звёзды очень ярко здесь, с подоконника, где пять лет назад ревели Ксюша.

Мурашек — никаких.

Так и стой в оцепенении. Ни выдохнуть, ненормально как-то это все. С мамой говорили ни о чем, с сестрой — совсем ни о чём, о мелочном, кошка новая серая похожа на Леончика.

Но другая кошка.

Не скрипит больше старый пол, покрыт однотонным, скользким, нету сколупанной краски, узоров-ассоциаций — первого тренажёра воображения, срублен «сучок». Это такой ограничитель для двери, в детстве была примета, глупая примета. Если дверь открываешь, нельзя, чтоб скрипела, нехорошо. А если скрипит, то надо три раза стукнуть её об сучок. И тогда всё будет нормально: ни на пороге не спотыкнёшься, ни в левом ухе не зазвенит, не стукнет в окно птичка и уж конечно не заскрипит сверчок. Никогда не заскрипит сверчок.

И трещинок нет, и исчез сучок, и детских примет нет, и не защитит никто, никто, никто, никто невыросших. И страха нет, острого, колючего, одно липкое гнетущее, тяжёлое, тяжёлое, как продышаться-закричать? Чужое всё будто бы, и кошка чужая, серая, не жила я с ней, умерли мои коты.

Ксюша в детстве глядела на руки, когда вдруг на минуту забывала, кто она, и не могла понять, что вокруг, и всё ли точно ли не снится. Бабушка любила поговорку или это была не поговорка вовсе. «Никому не верь. Даже себе не верь, сначала пощупай — ты, не ты». Взрослым это казалось очень смешно. Ксюше это казалось тоже очень смешно — вот, дяденька подумал что-то и обнял себя, пощупал за бока. Ксюша тоже себя щупала за бока, но это ей не помогало. Надо было поглядеть на руки. Как, неужели это мои руки.

Неужели это в зеркале я, и глаза мои, и чёлка, и зуб выпавший. И ковры на стене, и кот — всё наше, и поезд едет, я его слышу. Это я. Я.

И шаги мои. И штаны в снегу болоньевые. И первый класс, и пятый, и девятый. И «она же дурочка сумасшедшая. И что, что учится хорошо, хотя дай бог, дай бог. Дай бог хоть учится, может, что-то хоть выйдет, сядет канцелярской крысой. Она ж у тебя пишет, в газетёнку, смотри, пусть готовится, да кто там жопу сдвинет хотя, забито всё, сидят, пока не сдохнут, а может, к тому моменту кто сдохнет. Ну, или на пенсию выйдет».

А не училась Ксюша, а ничего не получилось из Ксюши, а-ха-ха.

А Ксюша большая стала, а Ксюша с людьми разговаривает, научилась. А Ксюша не верит себе, никому, а Ксюшу не любит, никто, никто. А мама Ксюшу не узнаёт, а тётя Фая Ксюшу не узнаёт, а Ксюша себя не узнаёт, а Ксюша в трельяж бабушкин смотрится, а Ксюша часы на боку слышит, а Ксюша себя за бока щупает, нет, не я, не я, не я...

А Ксюше пора в жёлтый дом в Базилеевку, Ксюше.

Ну, да, ну, да, как раз в этот город, не возвращаться.

«Как же, всё ж дом твой, родина». Нет у меня места, корней, нет у меня родины. Родина — Р, пишется с большой буквы. Бог — Б, пишется с большой буквы. Страх, смерть, смелость — не пишется никогда, нет таких слов в прописи, нет в сочинении. Нет таких слов, чтобы высказать, чтоб зазвучали, чтобы избавиться, выдохнуть. Нет таких, чтоб Ксюша верила. Чтоб правда Ксюшина. Чтоб как в детстве или в одиннадцатом, до последних звонков за день, бежать по двору школьному. А там — одуванчики. А всё вокруг шашлыками пахнет из ближайшей кафешки «Русь». А мама сдала на права и радуется, хоть и машины нет, нечему. А Ксюша идёт по двору и любит. Никого именно, никого конкретного, незачем, нечего.

Неважно уже и не было. И не было, может быть. Приснилось, придумалось. Так верить хотелось, так верить.

Начнётся большая новая жизнь.

Стык, перецепка вагонов.

И школьное платье по советскому образцу, отложной воротничок пришили, из кружавчиков, и тетрадки последние — всё такое красивое.

Хочется в школу. Хочется увидеть Антонину Сергеевну. А она вышла на пенсию и живёт в Васильевке. Съездить, позвонить, узнать адрес? Пока здесь. Стрёмно что-то и зачем.

Потерялась, потерялась взрослая девочка Ксюша, на фото школьном не найти. Стала большая, кожей чистая, взглядом никакая. Как встретимся с кем-то, соврём, поднимем глаза, растянем мышцы лицевые. Как встретимся, мы, другие, большие люди, и нет обид, и ничего вообще нет.

Идти через город — мурашек больше не чувствовать. Пройти за час через весь — ничего. Вернуться, сесть в спальню, сесть в зал, на кухню — ничего. Кошка, кыс-кыс. Хоть ты на колени прыгни, поластись.

«Иду я, иду я по городу, стою в этой комнате, гляжу из окна, из окна этого — и тишина звенит...» Нет никакой тишины, люди ходят, толпа идёт-поёт вразбав Любу Успенскую, идёт с кафешки «Русь». Пол скрипит, машины ездят, тикают часы — нет тишины и нет, и нету, нет.

Это Ксюша не слышит.

Это Ксюша боится, пропасть боится, исчезнуть, совсем никогда не слышать больше, не жить и не танцевать. Не звучит мне этот город. Я не чувствую...

Сесть-засесть, остановиться. Узнать себя в зеркале старом, непокорившуюся, неизменившуюся. И пойти шагами слишком твёрдыми по полам скрипучим, и брелок заклеить скотчем, пополам подтреснутый, талисман, на память, и выкидывать жаль. И пойти напрямиком в магазин Ярмарка, в магазин Магнолия,

в киоск хлебный «Клён», и купить булку серого и молоко «Дружба».

Не звучит мне этот город. Я не чувствую...

А так идти легко хочется, так слышать, внутри себя, будто бы правильно всё, как есть, так и летит. Будто бы это твой ритм, чувствовать му-зы-ку...

Время заново начинать, время подрасти, дорасти, дожидаться, укрепить позиции, отдохнуть нервами, побереечь сердце. К маме поближе тож, все там твои, жить есть где, и родина вообще, корни. Подумаешь годик — и с новыми силами. А может, встретишь кого, замуж-ребёнок, и уезжать не захочется. Всё течёт, всё меняется. Всё меняется.

Всё меняется, Ксюша остаётся. Всё меняется, Ксюша остаётся, потому не останется: нету нигде места — и здесь тоже нет. Поедем так в неизвестность, чтоб не остаться в ней. Перрон-вокзал. Поедем так, чтоб звучало, трёхчасовой поезд, будто гудит так каждую ночь пол в доме, что стоит на бывшем торфе. Будто гудит кожа, будто дыханье в такт. И всё правильно, правильно, правильно, правильно.

А отсюда останутся яркие звёзды на подоконнике в зале и одуванчиков поле, пять лет назад, перед последним звонком бегу к школе, конечно, падаю и смеюсь, глядя на свои ободранные ладони. И так легко, и так много на вдохе, музыка есть, нет тишины, не звенит над тобой тишина.

И страх не висит в воздухе.

И завтра не кончится никогда.

Татьяна Дёмина

с. Тимашево Самарской области

Сияние

Фантастическая повесть

— Расскажите, Эля, есть ли вещи, которые вас беспокоят?

Белый врачебный кабинет был наполнен холодным рассеянным светом. Он казался совсем пустым. На станции почти каждое помещение вмещало как минимум три прибора для исследований, здесь же только чёрная кушетка для пациентов, магнитное кресло врача, письменный стол цвета венге в углу и небольшое окно.

— Я хочу, чтобы вы звали меня Эмили 3, — девушка на кушетке нервно сжала в руках подол насыщенно-синего платья в горошек. Психотерапевт тут же сделал пометки в блокноте, обратив внимание на столь обыденный жест.

— То есть вы хотите отказаться от своего имени в пользу более звучного, но не хотите отказываться от кода?

— Мне нравится цифра три. Любимое число, так почему бы его не оставить? Многие девочки на станции

стесняются кодовых имён. Я же не такая как они, — девушка улыбнулась пухлыми, намазанными красным губами. Её голубые глаза напоминали доктору глаза кукулы — те самые, что он часто видел в детстве на полках магазинов ещё на Земле. Словно стеклянные, такие же холодные и абсолютно бездушные. Но зато красивые...

Сергей сидел у изголовья кушетки, стараясь не попадать в поле зрения пациентов, однако всегда внимательно наблюдал за невербальной реакцией: за движением глаз, за жестами, даже за дыханием.

— В последнюю нашу встречу вы не были столь критичны.

— Я была ещё слишком юна, — манерно отмахнулась девушка, — восьмой класс. Одни глупости в голове, — учёный нахмурился.

— Что изменилось? Мы виделись три дня назад. Вы чувствуете, что стали другой после «Медузы»? — Сергей внимательно следил за выражением лица попыткой. Она снова улыбнулась.

— Однозначно. Я освоила девятый класс школы и выбрала несколько дополнительных модов, — девушка интуитивно потрогала приёмник в височной области, мирно плавающий под кожей.

Она поморщилась, что отразилось жирными буквами в блокноте учёного.

— Если не секрет, какие же дополнительные моды вы выбрали для установки?

— Я не знала, чего я хочу. Доктор Хуго посоветовал мод по истории.

Сергей сделал пару записей, не поднимая взгляда на девушку.

— Расскажите про это.

Эмили расслабилась, сцепив пальцы в замок и положив их на живот. Этот жест позволил учёному понять, что юной особе не интересен ни этот мод, ни этот разговор.

— Никогда не буду доверять его выбору. Передо мной «Медузу» прошла Анна. Она хотела узнать об

этом, вот старик и решил, что мне тоже может быть интересно. Теперь я знаю, как раньше проходило образование на Земле. Как людям приходилось каждый день ходить в школу, сдавать экзамены, делать контрольные. Им приходилось читать много книг — тех самых, что можно посмотреть в музее.

— А вы были там когда-нибудь?

— Конечно, — прыснула девушка с пренебрежением. — Надзирательница водила наш поток туда в прошлом году, чтобы мы «прониклись духом книги».

Сергей Витальевич отметил выражение лица девушки, когда она рассказывала об этом месте. Он даже сделал зарисовку, отметив, как быстро милые черты сменились на отталкивающую гримасу.

— Вы испытываете отвращение к книгам или к истории в целом?

— История говорит о том, что уже прошло. Зачем нам то, что уже никогда не случится? Зачем мусолить то, что уже свершилось, когда есть тема более интересная — будущее! Когда мы — и есть будущее планеты Зарины и самой Земли. Зачем знания об устаревших технологиях, когда есть «Медуза»?! Вы не хуже меня знаете, что с каждым годом система совершенствуется и получается внедрить ещё больше знаний в новые поколения «мотыльков». Кто знает, какая ступень окажется совершенной. Быть может, наша? Знания, загруженные прямиком в голову и усвоенные на сто процентов, не могут сравниться с чтением каких-то там книг. Это пройденный этап, от которого глупые люди, вроде надзирательницы, не хотят отказываться.

Доктор сжал ручку, но тут же отметил свою несдержанность и попытался расслабиться.

— А вы не задумывались, что вы, «мотыльки», лишь опытный образец. И если эксперимент признают провальным, у Земли и Зарины останется лишь прошлое?

Девушка повернулась к учёному, и красивые голубые глаза обожгли неожиданным визуальным кон-

тактом. Ряд белоснежных зубов показался из-за пухлых губ.

— Вы не поняли, доктор. Прошлого нет. Есть только мы. Сегодня наша база скрыта от общественности, но разве может так быть всегда? Не для того существует это место, чтобы всегда находиться в тени. Очень скоро о нас будут говорить все. «Мотыльки» — это Адам и Ева. Мы — совершенные люди, первооткрыватели. И сейчас лишь это важно.

Сергей сделал очередные пометки, стараясь оставаться хладнокровным. Он даже улыбнулся милостивой особе.

— И в ваших словах есть истина, Эмили З. Ответьте, пожалуйста, на последний вопрос. Что, по вашему мнению, самое страшное в жизни на Зарине?

Девушка откинулась на кушетку и ненадолго задумалась.

— Иногда меня пугает эта замкнутость. Что после купола нет ни-че-го... Ни души. Лишь безжизненная красная земля.

— А как же Мисо? Соседний отдел уже объявил, что они разумны. Мы не одни на планете.

— Смеётесь? Гуманойды? — девушка неожиданно повысила голос. — Если вдруг с куполом что-то случится, мы умрём, и кто будет знать о великом эксперименте? Гуманойды! Ха-ха, смешно, да... — её тон был оскорбительным, но доктор не придал этому никакого значения, усердно записывая что-то в блокнот. Эмили продолжала негодовать. — Никто не узнает о нашем существовании, вот что меня пугает. И всё из-за дурацкой секретности базы.

Сергей Витальевич сдержанно улыбнулся.

— Вдохни, Эмили, и медленно выдохни. С каждым разом после Медузы ты становишься более эмоциональной. Пропишу тебе магний и витамины. У тебя есть проблемы, о которых хочешь поговорить?

— Нет, — явно надулась девушка.

— Тогда можешь идти. Наш сеанс подошёл к концу. До встречи на следующей неделе.

Когда дверь за девушкой закрылась, мужчина выдохнул.

Эмили его утомляла.

Он откинулся на спинку удобного магнитного кресла. Только сейчас он вдруг задумался, что будет, если эксперимент с мотыльками пройдёт успешно? Людям начнут массово внедрять все необходимые знания в голову Медузой. Книжное и цифровое образование окончательно заменит индукционное. Ни уроков, ни домашних заданий, ни раздражающих отличниц и попыток списать. Ни гордости за то, что ты подготовил и выучил.

Можно ли считать, что будущие поколения лишатся жизни и превратятся в биокомпьютеры? И вообще, можно ли будет назвать их людьми?

А может, Сергей просто не хочет мириться с тем, что он пережиток прошлого?

— Доктор, к вам Анна 11.

От голоса искусственного интеллекта мужчина вздрогнул. Однако знакомое имя смыло все тревоги потоком самых светлых эмоций.

— Да, Элис, пусть заходит.

Сергей сел ровно и поправил халат. Усмехнулся собственной реакции, пытаясь вернуть хладнокровность.

Хрупкая русоволосая девушка в чёрной водолазке аккуратно заглянула в кабинет. В больших янтарных глазах стоял вопрос. Сергей улыбнулся, указав на кушетку. Приятная тишина висела в белом врачебном кабинете и нисколько не напрягала. Скорее убаюкивала. Ласкала.

Мотылёк проследовал на кушетку аккуратной, словно крадущейся, походкой.

Легла. Учёный чувствовал её напряжение и робость, и от этого заныло под рёбрами.

— Здравствуй, Аня, — приветливо начал врач.

— Здравствуйте, — тихо отозвалась она.

— Ты прошла Медузу?

— Мне нужно поговорить с вами, доктор. Не хочу, чтобы Элис слушала...

Сергей посмотрел на блестящий глазок камеры, висевший под потолком.

— Элис, требую доступ 154.

— Голос опознан. Подтверждаю доступ 154. Включен режим индивидуальной беседы.

Камера слилась со стеной. Сергей давно привык к фиксации искусственным интеллектом хода его работы, но после отключения кабинета от сети он чувствовал облегчение.

— У тебя проблемы, не так ли?

Анна какое-то время молчала, глядя на холодный белоснежный потолок.

— Доктор Хуго установил мне мод по истории, — девушка повернулась к собеседнику.

Сергей вновь обжётся о пристальный взгляд пациентки, но на этот раз всё было по-другому. Этот взгляд не жалил, а скорее грел своим ярким сиянием.

— Вы должны помочь мне. Я не найду в музее книг на эту тему. А если и найду, это будет скупая информация, прошу, помогите.

После того, как Эмили сказала, что Анна установила мод по истории и должна знать о традиционном обучении, доктор предполагал, что этот разговор случится.

— Зачем ты просила Хуго установить этот мод, если знала, что не найдёшь информацию в музее?

— Это произошло случайно. Мы разговаривали, и вдруг всплыл этот вопрос. Если бы я отказалась, он бы начал подозревать. Я испугалась.

Голос девушки дрожал. Сергей видел, как на больших глазах заблестели слёзы, и тут же пожалел, что задал свой вопрос.

— Ну, что ты как маленькая. Тебе шестнадцать лет. Последние три года ты умудрялась скрывать то,

что Медуза перестала действовать. Ты обвела вокруг пальца всю экспериментальную систему...

— Потому что вы помогали! — перебила девушка, пристально глядя на доктора, но Сергей не терял уверенности.

— Не я придумал воровать книги из музея, — он старался не повышать голос. Не получалось. С каждым словом тон становился всё громче и грубее, — это не я тайком читал их, стараясь влиться в общую массу мотыльков. Не я всё это время жил в страхе быть разоблачённым. Это не я учился быть нормальным в этом грёбаном обществе, Аня. Всё это провернула ты, и только ты!

Она закрыла лицо ладонями, пряча слёзы. От этого Сергею стало дурно. Он вскочил с кресла и подошёл к окну, нервно проведя ладонью по своей голове, приглаживая взъерошенные каштановые волосы. Ему тоже хотелось плакать. От ситуации, что он не мог изменить, как бы ни хотел.

— Прости, если был резок.

— Вы не должны просить прощения, доктор.

Мысли учёного путались: «Что же я делаю? Я же учёный. Изучаю страхи жизни на Зарине. Для этого я здесь. Во имя науки! А наука не терпит эмоций. Тем более к подопытным».

Он повернулся и попытался посмотреть на собеседницу как можно мягче.

— Всё будет хорошо, ты же веришь мне? — эти слова показались фальшивыми даже ему самому, но Анна кивнула, на что Сергей лишь так же фальшиво улыбнулся. — Нам пора заняться делом.

Трудно было сохранять отстранённость. Если бы он только мог не думать о её судьбе. Наслаждаться тем временем, что мог проводить рядом.

Сергей вернулся на своё место. Шурша белоснежным халатом, он устроился в кресле. Оно плавно пошатнулось в воздухе, удерживаясь силой магнитного поля.

- А программу за девятый класс ты успела освоить?
— Да.

Он всегда удивлялся её памяти. Даже больше — он восхищался ей.

Невольно окинул взглядом хрупкое создание, сжавшееся на кушетке. Он ощущал её желание исчезнуть. Ему хотелось спрятать девушку от всего мира. Прижаться как можно крепче и не отпускать. Эти странные образы не несли радости или вожделения. Они приносили боль.

Ни жестокая реальность, в которой они вынуждены существовать, ни здравый смысл, ни разница в возрасте почти в двадцать лет не могли отогнать эти навязчивые видения.

— Так, что интересного ты нашла в ворованных книгах, готовя девятый класс? — поинтересовался учёный скорее для того, чтобы отогнать собственные мысли.

Уловил, как уголки губ Анны слегка приподнялись в воздушной улыбке.

— Я прочитала работы Стругацких, — голос девушки был очень тихим и певучим, — это писатели двадцатого века.

— Да, я знаю. Мы не проходили их в школе, но я читал некоторые книги.

— Вы читали «Трудно быть богом», доктор? — девушка повернулась, и Сергея в очередной раз обожгло сияние янтарных глаз, на этот раз такое сильное, что захотелось плакать.

Хотелось кричать: «Почему мы говорим о таких неважных вещах? Нужно бежать. Спасаться! Хотя бы попытаться что-то изменить. Не верь моим словам, что всё будет хорошо, не верь мужественной улыбке. Вся помощь, что я оказываю тебе, лишь отсрочивает приговор. Мотыльку суждено сгореть в холодном пламени от рук бездушных учёных».

— Читал, — глухо ответил Сергей. Анна опустила взгляд и вновь отвернулась, сжавшись на кушетке.

Они долго обсуждали повесть. Анализировали, спорили. Нельзя сказать, что он любил эту книгу, но сама дискуссия захватила учёного. И только дурак не заметил бы, как им было хорошо в подобные минуты, как наслаждались они обычной, неинтересной на первый взгляд беседой.

— Я восхитилась главным героем — Доном Руматой, — шелестел тихий голос Анны. — Он чувствовал себя чужим в этом мире. Он страдал от того, что не мог изменить порядки и нравы целой планеты, но всё равно старался сделать чужой мир лучше. Принести свет туда, где веками царил тьма и жестокость.

— Ты считаешь, в этом основная идея книги? В борьбе одного человека против всего мира? — девушка мягко улыбнулась.

— Я думаю, основная идея заложена в названии. Человек не может быть богом. Даже если бы он мог повлиять на других людей, он мало что мог бы изменить. Человечество обречено следовать своей дорогой, тяжёлой и непредсказуемой. Нельзя перепрыгнуть тёмные времена, не неся потери. Их нужно пережить. Даже если...

Сергей задумался. А смогла бы Эмили сформулировать собственное мнение по прочитанной повести? Смогла бы спорить с ним, доказывая свою правоту, меняя отношение к прочитанному в ходе разговора, или, наоборот, с пеной у рта отстаивая правоту. Могло ли её мнение отличаться от мнения, заложенного Медузой? Ведь технология не просто закладывала знания в мотыльков, в их мозг загружались также анализы произведений. В них закладывалась модель поведения, удобная для общества и для корпорации в частности.

Порой Сергей подозревал, что с помощью этого эксперимента «большие люди» попросту пытаются вырастить людей угодных и безмолвных. С мыслями, желаниями и характерами, удобными не обществу, а в первую очередь самой корпорации, держащей этот

хрупкий мир в своих властных лапах. Эти мысли по-пахивали паранойей и пугали учёного.

Чем это может обернуться для жителей Земли?

Доктор вдруг подумал о том, что мотыльки могут потерять способность оценивать литературу самостоятельно, формировать своё мнение. Они будут опираться лишь на программу, заложенную им в пыльных кабинетах с помощью передовых технологий.

Через несколько поколений человечество превратится в бездушный механизм. Это будет мир роботов. Если у человека не будет собственного мнения и видения мира, отличающегося от других, — исчезнет культура. Люди станут не способны творить. Не будет книг, виртуальной реальности. Не будет развлечений. Останется только монотонная скучная работа на благо общества. Через несколько поколений эмоции попросту исчезнут. Люди не смогут их испытывать, научатся делать это.

Сергей понимал, что в таком мире у человечества один исход — массовый суицид. Желание убить себя перевесит желание существовать в сером и однообразном мире.

— ...Когда я читала, представляла, что Дон Румата — это вы, — Анна поёжилась, учёный вздрогнул.

— Что, прости?

— Дон Румата, — девушка повернулась, в очередной раз испепеляя доктора взглядом янтарных глаз, — он как вы.

Сергей почувствовал, как его ладони вспотели, но он не уводил взгляд. Наоборот, ему хотелось как можно дольше смотреть на милое, хоть и грустное лицо.

— Почему же? — тихо поинтересовался доктор. Анна опустила взгляд и отвернулась.

— Он интеллигентен, добр. Он пытается всем помочь и всех спасти. Его образ полон света. Он словно рыцарь из самых добрых сказок.

— Мне даже неловко. Слишком хороший образ ты ко мне...

— Я люблю вас.

Фраза, брошенная невпопад, заставила время остановиться. В белом кабинете повисла тишина.

Девушка не поворачивалась, а Сергей не знал, что ответить. В очередной раз пытался понять свои эмоции.

Эти чувства пугали.

Доктор вновь встал с кресла и подошёл к окну. Он смотрел на овальные корпуса мотыльков, на склады, на стену прозрачного купола, защищающую их от враждебной атмосферы Зарины.

Наконец Сергей решился на разговор:

— Ты никогда не задумывалась, почему у всех кодовые имена не превышают пятёрки, а твоё же имя оканчивается на индекс 11? — девушка продолжала молчать, не оглядываясь на доктора.

Сергей же пристально смотрел на здание инкубатора, вспоминая сотни колб, готовых к закладке нового материала. Мотыльки выросли, и удачные экземпляры продолжали служить под куполом.

Он продолжил:

— Одиннадцать — это номер нового эмбриона. Биоматериал, сгенерированный искусственным интеллектом, внедряется в опытный образец. Это сложная система, но ты должна понять, что сгенерирован он не просто так, поэтому каждый образец нужно изучить и суметь внедрить весь курс Медузы. Если обнаруживается отклонение, старый образец ликвидируется и в новый эмбрион закладывается тот же биоматериал. Его так же возвращают, ищут новые препараты и модификаторы, способные устранить отклонения...

— Значит, до меня было ещё десять Анн, не справившихся с задачами исследования?

Сергей молчал.

Эксперименты над мотыльками начали проводить сразу же, как появилась первая колония на Зарине. Сергей не мог знать наверняка, сколько было

подопытных Анн, но логика говорила о том, что девушка права.

— Да, — сухо отозвался доктор, пытаясь скрыть волнение в голосе. — Десять твоих точных копий было ликвидировано.

— Так, значит, я тоже бракованная, — голос Анны был тихим. Из этой спокойной интонации он понял, что девушка ни в чём его не винит. Несмотря на его напущенную отрешённость и холодность. На жестокость слов.

Сергея вновь коснулся огонь её глаз. Таких смиренных и печальных. Сияние янтаря было таким обжигающим, что, казалось, он мог ощущать его кожей.

— Из-за этого вы не можете любить меня, доктор?

Внутри учёного шла борьба, а в голове бились её слова, от которых он так упорно уводил разговор: она тоже любит!

Ладони стали мокрыми. Сердце било в грудь изнутри.

Он восхищался ей. Как хотел бы прижать её хрупкое тело к груди и просто сидеть так, вдыхая запах апельсина с её волос. Хотел бы слушать её тихий и шелестящий голос до самого утра.

Но он лишь мягко улыбнулся в ответ.

— Наше время вышло. Приходи после ужина. Скажешь Элис, что тебе тревожно и ты бы хотела поговорить со мной. Я расскажу тебе про традиционное обучение.

Девушка опустила взгляд.

— Я поняла вас.

Сергей чувствовал себя негодяем.

Анна тихо встала, натянула рукава водолазки так, чтобы спрятать кулаки полностью, и неспешно двинулась к выходу. У двери она задержалась. Девушка не обернулась. Голос её оставался спокойным и тихим:

— Простите меня, доктор. Что бы ни случилось, знайте, что я всегда была с вами искренна.

Профессор понимал, что недостоин столь чисто-

го создания. Ему было сложно найти нужные слова. Слёзы подкатывали к горлу. Ощущение собственной ничтожности душило ещё больше.

— Скажи, Анна, что, по твоему мнению, самое страшное в жизни на Зарине? — вопрос вырвался сам собой, словно заданная программа у робота. Девушка не обернулась и лишь холодно бросила через плечо единственное слово:

— Люди.

Она приложила ладонь к холодному сенсору, и дверь перед ней растворилась.

* * *

Корпус столовой напоминал муравейник. Чего нельзя отобрать у человека, так это любви к набитому животу. Как в принципе и ко всему тому, чем этот живот можно набить.

Сергей подошёл к автомату и получил свою порцию сжатого риса, заменителя котлеты, витамины и энергетик.

Он занял ближайший свободный столик, не обращая внимания на снующих надзирателей, учёных и докторов. Кто-то здоровался с ним, но Сергей их не видел. Он был занят: он думал. От этого процесса голова болела, а аппетит улетучился. Он пялился на полупустой поднос, понимая, что выглядит как дурак.

Все мысли были о ней.

За столик подсел долговязый сутулый человек — работник клининговой службы главного центра.

— Жалко выглядишь, — грубый низкий голос неприятно ударил по ушам. Сергей поднял на знакомого пустой взгляд.

— Привет, Рик.

Он знал его давно. Поначалу долговязый пугал. Он никогда не улыбался. Заострённые черты лица и жилистый угловатый подбородок отталкивали новичка-колонизатора, но Сергей с самого начала дал себе установку быть дружелюбным со всеми.

Он в первую очередь учёный и должен общаться со всеми слоями здешнего населения, а тем более для него должны быть интересны воспитанники Медузы. Те, кто прошёл её с успехом и остался служить на Зарине. Таким подопытным и являлся Рик.

Высокие потолки столовой, усыпанные световыми диодами, должны были дарить присутствующим ощущение пространства, чтобы скрыть сам факт замкнутости колонии. Чтобы присутствующие меньше думали о куполе и о смерти, что ждёт любого по ту сторону полимерной многоуровневой стены. Однако Сергея это пространство угнетало. Оно лишь в очередной раз напоминало, что он находится в далёком холодном космосе в компании не менее холодных учёных, чудаковатых мотыльков и Элис, которая являлась по своей сути набором железок и программ.

А ещё в компании кроткой Анны...

Её образ возник перед глазами так отчётливо, что, казалось, можно прикоснуться рукой, почувствовать мягкость сухих волос и вдохнуть запах апельсинов.

Долговязый уткнулся в тарелку, пытаясь рассмотреть то, что здесь называли котлетой. Сергей уловил блик на гладко выбритой коже, обтягивающей угловатый череп.

На виске отчётливо выделялся магнитный приёмник.

Он не мог унять свои мысли: «Из-за такого маленького куска металла Анна обречена на ликвидацию».

Всё вокруг наталкивало его на воспоминания о ней.

Доктор бросил вилку на поднос.

— Не могу...

Рик плавно вытянулся, поднимая взгляд на учёного, затем снова посмотрел на поднос.

— Согласен. Котлета и впрямь отвратная...

— Да я не о котлете, — доктор прикусил губу, затем опёрся локтями о стол, с надеждой глядя на со-

беседника, — ты никогда не думал, что всё это неправильно?

— Что именно?

— Да всё! Может, не зря на Земле запрещено проводить опыты над людьми? Даже выращенные в пробирках, даже изменённые на генном уровне, они всё равно остаются людьми. Вот тебе как одному из представителей мотыльков каково ощущать себя подопытной крысой?

Лысый не выражал эмоций, несмотря на острые слова доктора.

— Не понимаю твоих волнений. Благодаря колонии восемьдесят процентов комбинаций уже исследовано и внедрение прошло успешно. Ещё каких-то двадцать процентов, и можно будет внедрять Медузу на Землю.

— Но за эти «восемьдесят процентов» сколько мотыльков не spravилось? Что делают с бракованными образцами?

— Кому есть дело до отбраковки? Важны лишь результативные экземпляры.

Кулаки Сергея сжались. Он осознавал свою несдержанность и изо всех сил пытался унять ярость.

— Даже ты, посмотри на себя. Я ни разу не видел, что бы ты смеялся или хотя бы улыбался. Чёрт возьми, ты даже не разозлился на меня, неужели это не напрягает? Ты считаешь, что ты успешный плод эксперимента?

— Предыдущий психотерапевт подписал заключение, что я прошёл все тесты. Значит, эксперимент над моей комбинацией прошёл успешно, разве не так?

Сергей прикусил губу, взял вилку и принялсяковыряться в бесформенном сжатом рисе, больше походившем на пластик.

Он не понимал, что бесило сейчас его больше: твердолобость собеседника, чувства к подопытной, не дающие покоя, или ощущения собственной беспомощности.

Элис-браслет завибрировал. Сергей положил вилку и оголил запястье, тяжело вздохнув. Впервые за всю жизнь ему было совсем не до работы.

— Да, Элис, говори.

— Пришло публичное сообщение из центра управления, — учёный снова вздохнул.

— Что-то срочное?

— Письмо с пометкой: «к принудительному прочтению». Время прочтения: «сразу же после отзыва пользователя».

— Ладно, не тяни, читай вслух.

Над столом засияли огни голограммы, проецирующие образ официального письма главного центра. Из динамика раздался голос Элис:

— Под куполом возникла чрезвычайная ситуация. Всех участников эксперимента приказано в принудительном порядке вакцинировать. Вас ожидают в корпусе ВНИЗУ, кабинет один ноль четыре. Явка строго обязательна.

Огни погасли. Вакцинация в центре управления? Такого на памяти Сергея ещё не бывало. Он устало посмотрел на долговязого.

— Знаешь что-нибудь об этом?

Рик плавно отправил немного безвкусного риса в рот и тут же проглотил, не отрывая пустого взгляда от тарелки.

— Пока пытаются не афишировать, но один из мотыльков вышел из-под контроля.

Психотерапевт напрягся. Неужели всплыла какая-то брешь в его работе?

— Как вышел из-под контроля? Проявление агрессии? Почему меня не предупредили?

— Дело не в агрессии, — лысый посмотрел на собеседника. Он неспешно склонился над столом, чтобы быть ближе к доктору, — в один из образцов внедрили биоматериал из других разработок. Ты слышал, чем ещё, помимо мотыльков, занимается ВНИЗУ, не так ли?

— Ты про изучение ДНК гуманоидов?

— Внедрив фрагмент ДНК Мисо в ген человека, мы можем получить людей, способных обходиться без купола. Корпорация не особо заинтересована в этих исследованиях, но есть люди, реально увлечённые, ты же понимаешь...

Лицо Сергея вытянулось.

— Они внедрили ДНК пришельцев в эмбрион одного из мотыльков!

— Мисо всё ещё плохо изучены, но отделу удалось узнать, что общаются они, посылая и принимая мозговые импульсы, проще говоря, телепатической связью. Мы называем это сиянием из-за лёгкого свечения гуманоидов во время коммуникации. Эта способность неожиданно отразилась на подопытной. Образец обрёл способность влиять на разум. Он управлял учёными, как марионетками, заставлял делать то, что хочет. Он отключал Элис, прежде чем действовать. Ты представляешь, он лет десять дурил лучшие умы. Водил всех вокруг пальца на протяжении стольких лет. Это ж какая изворотливость должна быть. Очень хитрая тварь.

Что-то внутри доктора сжалось в предчувствии беды.

— Рик, что за образец?

Он сжал вилку с такой силой, что ладонь онемела. Почему-то он знал, что долговязый назовёт именно это имя.

— Анна.

Сергей встал и застыл. Всего четыре буквы вмиг перевернули весь его мир с ног на голову.

Лысый продолжил:

— Только не говори, что и ты поддался на её чары? Что она тебе внушила?

Сергей не слышал долговязого. Он думал о ней. Об их встречах. Вспоминал разговоры, черты лица и вечно печальный взгляд.

Вспомнил сияние.

То тепло, что проливалось горячей кровью под рёбрами, стоило только остановить на ней взгляд.

— Откуда ты знаешь всё это? — Сергей ждал ответа, но долговязый не спешил. Он поднялся, взял со стола поднос и собрался вроде бы уйти, но что-то вдруг его остановило. Он внимательно посмотрел на растерянного учёного.

— Вы правы, доктор. Я лишь подопытная крыса. Я не способен чувствовать и выражать эмоции. Во мне нет ни печали, ни радости, ни сожаления. Во мне живёт лишь стремление сделать в этом мире что-то хорошее. Я мечтаю, что когда-то человек сможет покинуть пределы купола и жить на Зарине так же, как живут Мисо. Хочу, чтобы люди были свободны. Может, на самом деле и я ошибка эксперимента, от которой нужно избавиться, но мне дали работу, и я вношу свою лепту в эксперимент.

— Ты лишь уборщик в корпусе ВНИЗУ, — прорычал Сергей, не готовый слушать исповедь долговязого.

— Всё верно, доктор. Всего лишь уборщик. Поэтому я знаю всё, что происходит вокруг. Имею доступ ко всем помещениям и могу влиять на ход событий.

И тут до Сергея дошло то, что пытался сказать ему Рик. Он поднял глаза на знакомого. Лицо долговязого не выражало эмоций.

* * *

Путь до главной лаборатории казался невыносимо долгим. Хотя Сергей и не торопился.

Он озирался по сторонам, наблюдая, как мотыльки стекают к медицинскому корпусу. Персонал же направлялся в самое сердце станции — в Ведущий Нано-Институт Земного Управления, он же — ВНИЗУ.

Главный научный сотрудник колонии — профессор Рэйн Саллен находился именно в этом здании. Сергей его никогда не видел, несмотря на столь длительное пребывание под куполом.

Да и само здание он посещал лишь в первый день после прибытия. Однако сейчас у него не было волнения или трепета, он думал об одном: Анну, скорее всего, держат здесь...

Вспомнил слова Рика. Если ей внедрили ДНК Мисо, кто знает, на что ещё она способна? Возможно, девушка владеет способностью трансмутации, которой также славятся гуманоиды. Она чудовище, рождённое изощрённым умом Рика.

В голове настойчиво бился её голос: «Вы должны помочь мне...», «...Дон Румата — это вы...», «Я люблю вас!..»

А любила ли?

Сергей помнил сияние. Знал, что оно могло означать.

Есть только один способ проверить, были ли его чувства настоящими или всё это время его дурачили, как и всех вокруг. Он не мог поверить, что его отношение к тихой девушке лишь плод стараний хитрой инопланетной твари. Не хотел верить.

Приложил ладонь к холодному сенсору входа в центр. Дверь растворилась.

Каждый шаг казался тяжёлым.

«Простите меня. Что бы ни случилось, знайте, что я всегда была с вами искренна...» — снова этот голос, снова острая боль в груди.

— Здравствуйте, — девушка в белом халате доброжелательно улыбнулась, — постановлением главного научного сотрудника, профессора Рэйна Саллена, приказано осуществить вакцинацию. Прошу проследовать со мной.

Они прошли в просторный белый кабинет, освещённый продолговатыми галакфитами, добытыми в недрах красной планеты.

Сергей вытянул правую руку, оголяя предплечье для укола. Он не смотрел на девушку в белом халате, но что-то заставило его завести разговор.

— Простите, я не знаю вашего имени.

Она улыбнулась.

— Меня зовут Рита Ян. Я младший научный сотрудник ВНИЗУ.

— Рита Ян, — зачем-то повторил доктор. Голос его был сухим, — скажите, я слышал, что подопытная Анна 11 обрела способность владеть разумом окружающих, это так?

Девушка вставила колбу с жидкостью в аппарат и посмотрела на доктора светлыми, хрустально-голубыми глазами.

— Да, случился подобный инцидент. Сейчас идут разбирательства. Виновные будут выявлены и наказаны по всей строгости. Но вы не беспокойтесь: если вы сделали что-то не по уставу под её влиянием, вас не накажут. Сила Анны велика. Вы в этом не виноваты. Если после укола вам понадобится помощь ведущего психолога, просто дайте знать Элис, она вас запишет без занесения в личное дело.

— А скажите, после вакцинации её способности точно не будут влиять на меня?

Девушка подошла с аппаратом в руках и заглянула в глаза Сергею. В этих голубых радужках он прочёл уверенность.

— Не беспокойтесь. Исследования здесь ведутся не один год. Мы знаем, что делаем. После вакцины Анна не сможет повлиять на ваш разум, как бы ни изощрялась. К тому же после её уличения многие ярые защитники мотылька приняли препарат и отметили своё «освобождение» от влияния. Они уже дали показания.

Почему-то он снова почувствовал себя негодяем. Считалось ли это предательством с его стороны? Быть может, стоило отказаться от вакцины?

Отвернулся, подставляя руку.

Холодная игла впиалась в кожу, вливая лекарство в изнурённое тело учёного.

* * *

— Вы не представляете, доктор, эта история с Анной 11 так взбудоражила всех мотыльков! Даже Боб 2, которого все называют «дохлый», взялся вести собственное расследование. — Эмили 3 повернула голову на бок, прижавшись правым ухом к кушетке, и продолжила шёпотом, кокетливо пожав плечами. — Мы с девочками подозреваем, что он влюбился, — девушка звучно хихикнула.

Сергея воротило от её присутствия, от голоса, от манер. Раньше он ни за что не допустил бы таких мыслей, но после укула что-то в нём изменилось. Он сломался, как старый пылесос, и назад его было уже не собрать.

Он не мог давать оценку подопытной. В этот раз не хотел оценивать её креативность, индивидуальность, психическую уязвимость. Не хотел лезть к ней в голову.

Он вдруг вспомнил детство. Ему всегда хотелось понять людей, их поступки, мотивы. Даже когда в пятом классе его избили семиклассники из-за брелока на портфеле, он старался посмотреть на мир через призму их восприятия, понять истинные причины их поступка.

Тогда ему разбили бровь и порезали руку осколком стекла так, что потом пришлось наложить четыре шва. Он вдруг вспомнил тёмную горячую кровь, ползущую по коже, страх в глазах обидчиков и их капитуляцию. Воспоминания были настолько явными, будто это произошло вчера.

— ...а я давно говорила, что она странная. Мотыльки должны быть идеальными людьми, иначе какой смысл?..

Доктор посмотрел на свою правую руку. Нутро его похолодело. Место, на котором должен был красоваться старый шрам, было идеально гладким и ровным.

— ...вы разве так не считаете, доктор?

— Эмили, — Сергей не поднимал на подопечную взгляд, — ты всегда отличалась от других своим самовыражением, выбором красивых платьев, хорошим вкусом. Этим ты во многом отличаешься от остальных мотыльков.

Девушка широко улыбнулась.

— Спасибо. Рада, что вы заметили.

— Скажи, Эмили, а как ты относишься к курсу литературы?

Подопытная разочарованно вздохнула и скрестила руки на груди.

— Считаю этот курс самым бесполезным. Думала, вы уже знаете моё мнение. Не вижу никакого смысла в этих выдуманных кем-то историях. Ведь всё это не происходило на самом деле. Зачем же нужно знать плод чьей-то фантазии? Какую пользу может нести выдуманная кем-то история?

Доктор отложил блокнот и уставился на девушку.

— Нужно выполнить задание, Эмили. Придумай короткую историю про маленький марсоход «Кьюрио́ сити».

— Ну... Запуск «Кьюриосити» к Марсу состоялся 26 ноября...

— Нет, Эмили 3, ты должна придумать историю! Любую, самую короткую, но история твоя не должна повторять слово в слово факты, загруженные Медузой.

Девушка задумалась.

Чем дольше доктор ждал ответа, тем больше понимал, что мотылёк не в силах выполнить такое простое, на первый взгляд, задание.

Размышления психотерапевта прервал смех Эмили.

— Извините, доктор. Я не могу заниматься такой ерундой.

Опасения Сергея подтвердились. Он лишь улыбнулся в ответ и отложил бумаги.

— Спасибо, Эмили 3. На этом наш сеанс закончен.

На этот раз путь до главной лаборатории казался лёгким и быстрым. От исследовательского института, в котором он работал, до корпуса ВНИЗУ было около десяти минут ходьбы. Мимо здания инкубатора, мимо второй казармы, огибая петлеобразное строение столовой, он шёл уверенно и старался не смотреть по сторонам. Не хотел, чтобы люди видели трепет в его глазах.

Искусственно созданный ветерок приятно ласкал щёки. Казалось, краски вокруг стали ярче. Сейчас Сергей точно знал, чего хочет: он хочет увидеть её. Хочет заглянуть в янтарные глаза и до конца осознать, что все эти чувства и навязчивые идеи лишь ошибка. Всего лишь остаточное явление после инопланетного вторжения в слабый разум.

Почему-то замешкался у входа. На самом деле ему было страшно. Страшно заглянуть в эти любимые глаза и не увидеть прежнего блеска. Страшно обрести ту мнимую свободу, которую он так желал.

Приложил ладонь к сенсору, и дверь растворилась.

Вскоре все документы были оформлены, и он получил допуск.

— Меня прислали вас сопроводить, Сергей Витальевич, — девушка мягко улыбнулась, кокетливо поджав плечи.

— О, Рита Ян, — Сергей улыбнулся в ответ и сделал шаг навстречу коллеге.

Лифт медленно полз вниз под поверхность красной планеты. Кабинка была настолько тесной, что третий человек не смог бы в неё поместиться. Рита смущённо опустила взгляд. Сергей решил завести разговор, чтобы прервать неловкую тишину:

— Когда ожидается ликвидация?

Девушка приободрилась.

— Через трое суток. Это приблизительное время, потому что для начала экземпляр нужно исследовать.

— Каким способом будут ликвидировать?

— Это не обычная ликвидация. Из материалов дела вы увидели, что подопытная наполовину не человек. После всех рентгенов и десятков биопсий в конце её привяжут к кушетке, обезболят и будут оперировать. Уже отмечены изменения в её теле, и лаборатория должна знать, как всё работает, наблюдая и экспериментируя над ещё живым телом.

Сергей старался сохранить хладнокровие.

— Ясно, — коротко ответил он, не глядя на девушку.

Двери лифта распахнулись. Учёные зашагали по узким коридорам. Рита продолжила разговор:

— Мне кажется, руководство сделало оплошность, не пригласив вас сразу. Всё-таки психологическая составляющая инопланетного создания не менее важна, чем физиологическая.

— Я давно веду наблюдение за подопытной. Мне необходима ещё одна или две встречи, чтобы познакомиться с другой стороной Анны 11. С её инопланетной сущностью, — соврал учёный.

— Нам нужно знать точное число посещений, доктор, чтобы составить её расписание.

Сергей тяжело вздохнул.

— Всё решит эта встреча, милая Рита.

Девушка смутилась и покраснелась.

Они подошли к двери с жёлто-чёрной маркировкой.

— Она здесь, доктор, допуск у вас.

Сергей молчал. Он смотрел на жёлт-чёрные полоски и понимал, что должен сделать этот шаг. Он боялся того, что ему предстояло увидеть. Боялся почувствовать разочарование. Осознать, что человека, которого он любил, просто не существует. Боялся снова ощутить пустоту...

— Доктор, с вами всё хорошо?

Учёный тряхнул головой, посмотрел на коллегу, и лёгкая улыбка скользнула по усталому лицу.

— Да, простите.

Приложил ладонь к холодному сенсору. Дверь растворилась.

Большая комната с серыми стенами была заставлена разноформенной техникой, моргающей разноцветными диодами и излучателями. Возле каждого аппарата колдовал свой специалист, не обращая внимание на вошедших. Сергей и Рита прошли вглубь.

Другая половина комнаты оказалась отгорожена многоуровневой стеной, точно такой же, что оберегала колонию от пагубного воздействия Зарины. За этой прозрачной преградой он увидел её...

Девушка сидела на полу возле самой стены. Пустой взгляд был устремлён в никуда. Она напоминала призрака. Не было и тени той миловидной кроткой Анны, которую доктор так хорошо знал.

Они подошли вплотную. Он изучал изгибы худого тела под свободной белой ночнушкой, заострившиеся черты лица, потускневшие волосы. Он старался не заикливаться на жалости, хотел понять свои чувства.

Девушка подняла на него взгляд. Узнав его, Анна встала и, приблизившись, прижала ладонь к стеклу.

Он внимательно посмотрел на неё. Это было всё то же лицо. Грустное, милое лицо той самой Анны, что приходила к нему куда чаще других. Лицо той самой кроткой стыдливой девушки, что боялась этой чертовой жизни на Зарине куда больше остальных. Той, что находила своё утешение в книгах и в долгих беседах с умным, но чёрствым психотерапевтом.

— Простите, доктор, — чуть слышно шептала она, но Сергей её слышал отчётливо. Он улавливал каждую гримасу, каждую морщинку, проявляющуюся в уголках глаз или над переносицей. Она продолжила тише, не уводя взгляд. — Я просто хотела жить, понимаете? — две большие бусины слёз прочертили полосы на бледных щеках, — и я ведь на самом деле верила, что смогу быть нормальной, смогу влиться в общую массу и продолжать своё существование рядом

с вами. Смогу беседовать, видеть вас, пусть и без малейшей надежды на хороший исход. Я знаю, что виновата. Просто простите...

Сергей ничего не ответил. По лаборатории разнёсся его смех. Открытый, счастливый. Смех, которым обладают смертельно больные люди, внезапно получившие исцеление. Слёзы подкатывали к глазам, но он не мог выпустить их наружу. После этой встречи всё изменится, теперь он решил это наверняка! Потому что в больших янтарных глазах он не увидел монстра. Он увидел сияние.

* * *

— Скажите, Анна 11, в вашей жизни произошли изменения. Бойтесь ли вы смерти?

Он сидел у изголовья кушетки, стараясь не попадать в поле зрения пациентки.

Она лежала, сжавшись и неловко пряча кулаки в вытянутых рукавах чёрной водолазки.

Белый кабинет, скрытый глазок Элис. Всё как раньше. Не хватало лишь былой простоты и теплоты в словах.

— Все боятся смерти, доктор, — сухие слова пациентки, обрывки воспоминаний, спокойствие психотерапевта.

— А если бы ты могла избежать смерти, принеся тем самым хаос и разруху, использовала бы ты свой шанс?

Анна повернулась, не в силах сдерживаться.

— Зачем это всё? Убейте меня, но не делайте вид, что ничего не произошло. Что вы не разглядели монстра во мне. Что вам не плевать.

Свет потух. За окном затрубила сирена.

Сергей встал и бросился к письменному столу. Из ящика он выудил свёрток и бросил его Анне.

— Выполняй всё, что я скажу. Быстро надевай халат и шапочку. Волосы спрячь. Пока в колонии паника, нам надо добраться до аварийных шаттлов. Я

проведу тебя к своему, активирую, и ты отправишься на Землю. В кармане документы. Изучи их. На земле тебе придётся выкручиваться самой, но ты справишься.

— Но...

— Выполний!

Время шло. Хаос под куполом лишь нарастал.

Они стояли у самой стены. План проходил идеально. Осталось лишь ввести аварийный код, посадить её в капсулу и шаттл, отсоединившись от купола, унесёт её далеко от этого ада.

— Я не хочу. Если я улечу, что станет с вами, доктор?

Приветливые двери капсулы распахнулись. Сергей отпрянул от техники и схватил девушку за руку.

— Ты должна, Анна. Я справлюсь. Со мной всё будет хорошо. Я учёный, меня не тронут! — врал. Так явно, что сам себе не верил. Слёзы снова разделили лицо мотылька на три части.

— Я не оставлю вас.

Он прижался к её губам. Просто потому, что мог поддаться этой слабости хотя бы на мгновение.

Сзади послышался голос Рика:

— Сергей, остановись!

Учёный толкнул девушку в капсулу и закрыл дверь. Он не сказал «прощай», не успел. Механизм тут же отреагировал, дав команду шаттлу.

Затрещали соединения. Вырвавшийся газ оттолкнул маленький летательный аппарат от стен купола.

К учёному подоспели надзиратели и скрутили, но он всё же мог наблюдать за отдаляющейся машиной.

— Глупо, Сергей, — раздался голос долговязого над самым ухом, — ты правда верил, что мы позволим ей так просто уйти? В ней кровь сильнейших представителей планеты. Она опасна.

— Я уже позволил ей уйти.

Около минуты долговязый молчал, всматриваясь в лицо учёного.

— Ты спрашивал, как ликвидируют бракованные образцы, — Рик указал на плывущий шаттл, который замедлился и мирно плыл вдоль красной земли, — тебя обманывали с самого начала.

Сергей смотрел на замедляющийся железный гроб. Почему-то раньше он не обращал внимания, что на шаттлах нет двигателей и баллонов с кислородом.

Грудь учёного сжало тупой болью, отчего было трудно дышать.

— Нет, вы не можете так поступить с ней. Это бесчеловечно!

— Она умрёт, так нужно.

Доктор наконец обратил внимание на долговязого. Рик смотрел на него, не выражая эмоций, как и всегда. Рука уборщика сжимала предмет, напоминающий нейтронный пистолет. Он продолжил так же сухо:

— Сергей 13, требую код один один четыре. Принудительное отключение.

Учёного трясло. Желваки напряглись, и слышен был скрежет зубов. Никогда раньше он не ощущал такой ярости.

— Да пошёл ты!

Он пытался вырваться. Тело не слушалось, но в голове билась одна простая команда — спасти Анну. Погибнуть самому, но спасти.

Он вдруг вспомнил давний диалог: «Я восхитилась главным героем — Доном Руматой. Он страдал от того, что не мог изменить порядки и нравы целой планеты, но всё равно старался сделать чужой мир лучше. Принести свет туда, где веками царила тьма и жестокость.

— Ты считаешь в этом основная идея книги? В борьбе одного человека против всего мира?

— Основная идея заложена в названии. Человек не может быть богом. Даже если бы он мог повлиять на других людей, он мало что мог бы изменить».

— Вы не имеете права удерживать меня! Вы не... не... Бесчеловечно... Вы... человек... Бесчеловечно... —

язык не слушался. Сергей упал на колени, но всё пытался перебороть своё тело.

Рука долговязого не дрогнула.

— Ты так ничего и не понял. Где шрам, Сергей? — Рик не стал объясняться. — Его нет.

Выстрел.

Долговязый убрал оружие в карман формы. Задача было выполнено быстро, однако в этот раз, не поспоришь, подопытный смог перевернуть эксперимент с ног на голову.

Лысый обратился к надзирателям:

— Тело отнесите в ВНИЗУ. Отдадите Рите Ян, она знает, что делать.

— Профессор Рик, не первый раз же, и так знаем.

— Поумничайте мне тут.

Паника под куполом угасала, пока тело Сергея несли в главную лабораторию ВНИЗУ.

* * *

В кабинете главного научного сотрудника было душно. Рик стоял возле большого письменного стола. Хоть он и был лишён эмоций, но от разговоров с самим Рэйном Салленом всегда потели ладони.

Глава колонии покачнулся на широком магнитном кресле и опёрся локтями о стол, обременённо глядя в пустой угол комнаты.

— Так, значит, он всё же научился любить, — без каких-либо эмоций констатировал мужчина. Рик коротко кивнул.

— Действия Сергея 13 были проанализированы, и результат оказался положительным. Это уже пятая эмоция, которую нам удалось вывести, сэр.

— Если мы научили робота испытывать радость, гнев, печаль, отвращение и любовь, почему до сих пор не можем научить этому мотыльков?

— Простите, сэр, мы и так хорошо продвинулись с мотыльками, но эксперимент по акклиматизации человека на Зарине продвигается куда успешнее.

— Приостановите это. Нас больше интересуют эмоции, профессор Рик. Вы же должны понимать.

Долговязый какое-то время смотрел на мрачного начальника, но всё же ответил:

— Да, сэр.

Саллен знал, что его подчинённый больше мечтает о свободе на красной планете, но верил в свою правоту. Всего десять человек в колонии знают правду. Знают, что всё происходящее под куполом, — обман. На Земле уже больше века используют Медузу. Культура и искусство мертвы. «Серые» люди живут в серых городах, рожают «серых» детей, раз за разом проживая очередной день сурка.

Саллен же был одним из немногих, кто не подвергся Медузе. Его отец был одним из акул корпорации. Был одним из богов, а боги рождены, чтобы управлять. Но, принимая решение массового внедрения Медузы для промывки мозгов обществу, корпорация не знала, как трудно быть богом. Видеть, как мир, что создали они, погибает. Люди не умирают от болезней, у человечества одна болезнь — массовый суицид. Желание убить себя перевесило желание существовать в сером и однообразном мире.

— Помни нашу задачу, — продолжил глава, — не просто одна-две эмоции, не смазливых выскочек, таких как Эмили 3, мы должны выводить, а людей мыслящих, творческих. Людей, способных созидать. Проведи лекцию с персоналом. А то иногда мне кажется, что они не осознают своей задачи.

Рик понимал, что выход из ситуации был простейшим: землянам нужно было просто отказаться от Медузы. Однако идти против системы он не смел.

— Что прикажете делать с Сергеем?

Толстяк откинулся на спинку сиденья, обдумывая.

— Продолжайте. Если уж мы железяку смогли научить чувствовать, то и Медузу научим. Баг с детскими воспоминаниями так и не удалось убрать?

— Нет.

— Ну и плевать. В этот раз продумайте программу страха. Научите его испытывать не просто страх, а истинный животный ужас. Продумайте легенду. Ты должен быть возле него и наблюдать. Всё фиксируй, каждое его движение, каждый поход в туалет. Всё должно быть в отчётах! И не облажайся, как в этот раз.

— Я не мог убедиться в его чувствах, не дав ему шанса сделать глупость...

— В итоге глупость сделал ты! — сверкнул взглядом Саллен. — Свободен, — коротко бросил начальник.

Долговязый поспешил удалиться, но у самой двери замер и повернулся.

— Простите, но сегодня, глядя на Сергея, мне вдруг пришла в голову странная мысль. Как, по-вашему, что делает человека человеком?

Саллен какое-то время молчал. Лицо его не выражало эмоций.

— Страх смерти. Тебе этого не понять, болванчик, но именно страх смерти заставляет чувствовать себя живым, отдаваться эмоциям. Вот что если Анна больше Мисо, чем человек? Что если она выживет и вернётся, чтобы отомстить? Разрушив купол, она убьёт всех нас. Меня это беспокоит, поэтому сегодня я напьюсь, приглашу несколько лаборанток в свой кабинет. Буду веселиться, бояться и страдать. Это ли не делает человека человеком? Страх, что завтра мы умрём? — на какое-то время в кабинете воцарилась тишина. — Хотя для тебя ведь это не проблема, не так ли?

Рик ничего не ответил. Он приложил ладонь к сенсору и исчез в черноте прохода.

Владимир Калашников

г. Орехово-Зуево

Питер, Петруша, Пётр

Рассказ

1698 год

— Кто бы мог думать, что подмена царственной особы — такое лёгкое дело! — канцлер поцокал языком. — Мы полагали, что возникнут проблемы со свитой.

— Лефорт давно уже наш, — воодушевлённо продолжал доклад Фо, семена подле своего покровителя, — а Возницын с Головиным молчать будут: им наглядно объяснили, что может случиться с их государем, ежели шум поднимут.

Вельможа проследил взглядом полёт сойки и спросил:

— Что ваш человек? Справляется с ролью?

— Более чем! Более чем! — воодушевлённо отвечал Фо. — Кое-кто из низших чинов посольства начал роптать. Так, представьте, при осмотре анатомического театра Боб Сингльтон приказал недовольным рвать зубами мускулы покойника! Христианнейшим людям

— и грызть холодную плоть! Ясно, у одного апоплексический удар, другой повредился в уме. А прочих Боб насильно поит водкой до полусмерти... Господин канцлер, — в глазах у Фо заплясали огоньки, — надобно позаботиться о портрете Сингльтона во всех царских регалиях, в латах. Прежде царя московитов не рисовали, поэтому первый портрет будет считаться своего рода документом, образцом внешности.

— Я сразу подумал о живописце Кнеллере. У него сейчас много заказов, но для московитского царя, — канцлер издал смешок, — конечно, найдёт час-другой. А корону на портрете мы поместим сзади, на полочку — для понимающих людей, — вельможа добродушно засмеялся, и Фо с готовностью ему вторил. Утерев наконец слезу, канцлер сказал: — Признаюсь, Фо, я не верил, что ваш план сработает. Выбрать на роль совершенно не похожего человека, старше на дюжину лет, выше ростом, отъявленного негодяя и висельника...

— Именно такой как Сингльтон и нужен, — вставил Фо. — У него достанет сил обуздать тех, кто усумнится в нём.

— Да, да, этот пират выстроит флот и ломает хребет Швеции. Чертовски удобно, когда за Англию воюет кто-то другой! Ваш план превосходен! Вам, Фо, надо писать плутовские романы, ну, знаете, — канцлер поводит в воздухе указательным пальцем, — пикарески, вроде тех, что контрабандой привозят нам от испанцев. А скажите, у пирата Боба ведь осталась жена? Наши люди за ней присматривают?

— Он женат, но... — Фо замаялся.

— Да говорите же! — одёрнул канцлер.

— Выяснилось, что его жена... Коротко говоря, годы, проведённые в открытом море, пробудили в Бобе Сингльтоне неистовую страсть оригинальничать. Со своим товарищем по походам, неким Вильямом, квакером, капитан Боб учредил клуб курильщиков трубок. Ну, вы понимаете... К счастью, этого Вильяма

вовремя схватили: он проживал при Сингльтоне в качестве лакея.

— Гм, гм, — только и сказал канцлер, глядя поверх головы Фо.

— Господин канцлер, ещё одно скромное соображение. Надобно предусмотреть запасной рычаг воздействия на Сингльтона. Держать долее москвитя в Тауэре опасно: пойдут слухи. Хорошо бы его отправить на какой-нибудь пустынный тропический остров. Если Боб Сингльтон сделается неуправляем, мы извлечём подлинного царя из шкатулки и...

— Что ж, Фо, это разумно. Думаю, мы так и поступим. Впрочем, запомните, Фо: самая лучшая узда — это женщина.

— Господин канцлер, боюсь, в случае пирата Боба это невозможно, — растерянно проговорил Фо. — Я упоминал его участие в клубе любителей трубок...

— Ах, Фо, вам ещё столькому надо научиться, — с лёгкой укоризной произнёс канцлер. — Рано или поздно в Московии появится королева, так пусть она будет нашей ставленницей. Когда Сингльтон свыкнется с ролью, подсуньте ему авантюристку из тех, что безуспешно добиваются внимания славного короля Вильгельма.

Канцлер и Фо достигли конца дорожки и повернули обратно. Медленно приближались парковые ворота, а значит, и конец аудиенции.

Фо собрался с духом:

— Ваше сиятельство, а что насчёт... моего дела?

Канцлер остановился, глубоко вздохнул и положил руку на плечо Фо:

— Трое из семи необходимых лиц согласились. Ещё двух я повидаю до конца осени. Не думаю, что они станут возражать. Возможно, заупрямится граф Монмут, ты же знаешь: подагрические старики склонны к ворчанию. В конце концов и он даст согласие. Да, мой мальчик, придётся ещё немного подождать... Впрочем оно и к лучшему. Общественное мнение

нынче солидарно в том, что сертификат выправлять... неприлично. Не поддавайся унынию, Дэнни, ты станешь Де Фо, обязательно станешь.

Фо с готовностью затряс головой.

— Напомните, Фо, к какому цеху вы приписаны?

— К мясницкому.

— К мясницкому, — вдумчиво повторил канцлер.

— Понимаете ли, Фо, не так уж трудно стать дворянином. Трудно выйти из мясницкого цеха. Впрочем могло быть и хуже. Ваш батюшка, в конце концов, не чучельщик и не золотарь.

В молчании достигли парковых ворот.

— Возьмите в подтверждение нашей благодарности за труды, — канцлер опустил на подставленную ладонь мясника туго набитый кошель. — Мне говорили, дела у вас идут неважно. Чем вы нынче торгуете, Фо?

— Табаком и вязаными изделиями, ваше сиятельство.

Канцлер пожевал губами и проговорил:

— Что ж, я слышал, в Шотландии есть спрос на такого рода товары. Поезжайте туда коммивояжёром. Заодно поспрашиваете, каковы настроения. Пересылка донесений прежним образом — с фараонитами. Ключ к шифру, — вельможа на мгновение задумался, — «Иаков сказал отцу своему: я Исав, первенец твой...»

— «...я сделал, как ты сказал мне; встань, сядь и поешь дичи моей, чтобы благословила меня душа твоя», — подхватил Фо. — Третья книга Царств.

Выйдя за ворота, Фо распустил тесёмки кошелья. Не золото оказалось там — серебро.

1702 год

В проклятый час тогда, четыре года назад, Петруша пришёл посмотреть верфь Ост-Индской компании. В трюме недостроенного фрегата русского царя скрутили. Потом была переправа в Англию в трюме корабля, несколько месяцев в каменном мешке Тау-

эра и опять плавание — на юг. Царственного узника освободили от кандалов и стали выпускать на палубу. Созвездия были незнакомые. Петруша понял, что находится далёко от Руси. На острове надзор за Петрушей вовсе сошёл на нет: бежать всё равно некуда. Пленник в одиночку гулял по песчаному берегу. Однажды подобрал оставленный на пороге кухни топор и стал обтёсывать полено.

— Питер, мин херц! — воскликнул офицер Джек, командовавший приставленной к царю стражей. — Ты удивляешь меня! Зачем тебе топор? Разве ты испытываешь к кому-то из нас неприязнь? Разве мы чем-то тебя обидели?

— Хочу дать работу рукам, — просто сказал Петруша.

— Так возьми барабан!

— Не хочу барабан, хочу плотничать, — заупрямился царь. — Вот, стол у нас невелик, трапезничаем по очереди. Сколочу большой, чтобы всех разом усадить.

— Ну, Питер, мой мальчик, бери топор, но смотри, не поранься снова! Пальцы лишними не бывают!

Петруша с трудом проглотил обиду. Стражник ведь знал, что случилось с Петрушиной рукой, но от шутки не удержался.

Вскоре Петруша выпросил у пирата тесло, скобель, стамеску и рубанок.

Стол был готов спустя неделю. Офицер остался доволен:

— Питер, мальчик мой, да ты царь-плотник!

Дополнив обстановку хижины ещё несколькими тяжеловесными предметами, Петруша принялся валить деревья дюжинами.

— Что ты задумал, мин херц? — спросил стражник.

— Живём в тесноте. Надобно избу ставить!

В джунглях Петруша расчистил площадку. Заострил верхушки брёвен и поставил частокол:

— Нарекаю сей форт Сантпитербурхом в честь своего небесного покровителя, Петра-апостола.

Внутри срубил просторную избу-четырёхстенку с подклетом.

— Питер, ты самый ухватливый из нас в обращении со всевозможным инструментом, — сердечно начал Джек. — Вынь у меня из челюсти этот проклятый зуб. Мочи нет дожидаться корабельного доктора.

Царь хмыкнул. Отчего не попробовать?

Разглядев в глубине офицерской пасти свищом прободённый мудрый зуб, Петруша стал искать пригодный инструмент. После нескольких неудачных проб, ознаменованных протяжными стонами Джека, царь понял, что удобнее всего рукоятка обыкновенной чайной ложки. Действуя ею как рычагом, Петруша скоро расшатал и извлёк зуб, сам поражаясь собственной ловкости. Державшийся за щёку Джек с трепетом рассмотрел длинные кривые корни, а потом спрятал зуб под свой тюфяк.

Раз в год корабль доставлял всё, необходимое для жизни маленькой колонии. Мешки риса, изюма и гороха, круги голландского сыра, вялёное мясо, ветчину, муку, солонину, сухари, сахар, ящики вина и рома, порох, шейные и носовые платки, чулки и сорочки шляпкой привозили на берег.

На третий год в положенный срок корабль не пришёл.

— Верно, кабинет в очередной раз рухнул, и о нас забыли, — с тоскою говорил офицер Джек, напрасно изучая горизонт.

Снабжение не возобновилось ни на пятый, ни на шестой годы. Царственный узник и стражники пообносились и оголодали.

Петруша догадался приручить водившихся на холмах коз и вернул в рацион мясо. Из козьей шкуры он сшил себе остроконечный колпак от солнца, бекешу и сапожки мехом наружу. Как-то раз заметил около мусорной кучи проросшие колоски. Через пару лет усилиями Петруши островитяне вспомнили вкус хлеба.

— Картина: один царь трёх стражников прокормил, — вымученно бормотал офицер Джек. Очевидно, эти слова заменяли в устах англичанина благодарность.

На седьмой год к острову после бури прибило разбитый барк — срубленные мачты, протекающие борта и ни единого человека команды. Петрушины стражники нашли в трюме припасы и бочонок рома. Радость их была так велика, что когда из-за горизонта посмотреть на корабль приплыли караибы, сражаться сил ни у кого уже не достало. Только Петруша, не участвовавший в празднике, подхватил фузею и скрылся в форте, из-за частокола пальнул по дикарям жеребейками, раз, другой. Уцелевшие дикари прыгали в пироги и отчаливали. Петруша вышел на берег, осмотреть поле битвы. Количество мёртвых тел внушало Петруше грусть: ему ведь хоронить. Вдруг Петруша приметил на песке связанного дикаря: должно быть, караибы взяли в полон из враждебного племени. Петруша подумал, что денщик не будет лишним. Был день накануне Страстной Пятницы, в её честь Петруша и решил назвать дикаря. Приведа Пятницу в чувство остатками рома и вытерпев поток тарабарских благодарностей, Петруша вручил дикарю заступ.

Без назойливого пригляда англичан и с трудолюбивым помощником можно было уплыть с острова.

Впрочем не обошлось без затруднений.

— Никакой ты не Пятница, — изрёк однажды Петруша, отбирая скобель у дикаря. — Тяпница ты! Всё абы как делаешь! Дай тебе топор — чего доброго, сломаешь инструмент. Иди, убогий, приготовь ужин.

Готовка дикарю удавалась, хотя он и жаловался поначалу, что привык жарить не козлятину, а иное мясо.

— Вот каков царский бот, — с гордостью произнёс Петруша спустя три года. На борту он начертал: «Фортуна».

Ещё год ушёл на то, чтобы подтащить кораблик к воде. В ожидании конца сезона дождей заготовили припасы. Наконец погрузились и с Богом отчалили.

Полтора месяца Петруша и Тяпница скитались по волнам, прежде чем их подобрало следовавшее в Нанкин португальское судно. Сошедши на берег, царь и его денщик отправились в Пекин. Не составило труда разыскать русский торговый двор и присоединиться к купеческому каравану, что возвращался на Русь. Путники выдавали себя за невезучих заготовщиков пушнины и бережно расходовали то небольшое количество золота, что перед отплытием с острова Петруша выгреб из сундучков своих стражей.

На двенадцатый день дороги Петруша обернулся на денщика, весело крикнул, раздувая ноздри:

— Чуешь, Тяпница? Русь началась!

И взаправду, сменялись Нерчинск, Еравинский острог, река Амур, Енисейск.

Ночью выпал снег. Наутро Тяпница, поёживаясь, спросил:

— Господин, что за белая гадость лежит под окном?

Восемь месяцев странникам пришлось провести в Тобольске на зимовке.

Однажды на улице какой-то старик рухнул Петруше в ноги:

— Государь!

— Чего ты, старче, чего ты, — заторопился Петруша, беспокойно оглядываясь по сторонам, — Ты, Голицын, верно, меня, калику перехожую, с кем-то спутал.

— Государь! — исступлённо повторил старик. Поймав Петрушину покалеченную руку и прижавшись к ней лицом, зашептал горячо: — Государь, я твой мизинный пальчик в ладанке ношу, на сердце.

— Замолвлю за тебя словечко перед царём, — подмигивая, произнёс Петруша, — когда в Москву вернусь.

— Теперь новая столица — Санктпитебсбурх, там самозванец сидит, в Москву и не заглядывает. В Санктпитебсбурх иди, государь, по пути скликай ополчение да грамоты окрест рассылай: раскольникам их толк обещаи разрешить, чёрному люду — подати отменить.

Много ещё наставлений дал Петруше старый верный слуга его, но Петруша решил пойти другим путём, так и сказал:

— Мы пойдём другим путём. Не хочу новой смуты, смертоубийств и разорения царства. Коль с такой лёгкостью злодеи меня подменили, не трудно будет и обратную подмену произвести.

— А кто это с тобой, на беса похожий? — вдруг насторожился Голицын.

— Папуас из Гондураса, — махнул рукой Петруша.

— Имя басурманское. Окрестить бы его, в Митьку.

— В свой срок окрестим, — заверил Петруша. — А что за листки, Голицын, у тебя из-за пазухи торчат?..

— Изволь, государь, куранты из Санктпитебсбурха. Почитай, как в твоё отсутствие с царством обходятся.

Петруша пробежал глазами бумажную полоску и ужаснулся. Исчезли трёхзубчатая «пси» и похожая на опёршегося хвостом ушастого полоза «кси». Убежали на своих трёх ножках юсы малый и великий. Укатились в неведомые дали «омега» и «ферт». Испарились все до единого надстрочные значки. Даже сделав над собою усилие, Петруша не смог прочесть документ.

— Что за письмо такое? — удивился Петруша, возвращая листок.

— Самозванец новую азбуку принял!

Петруша подумал, что пирату Сингльтону, должно быть, трудным показалось русское письмо, вот и поправил под себя.

— А что ещё самозванец учинил?

— Бороды резал, кафтаны драл, колокола перелил на пушки, — запричитал старик. — Мироед! Сынов в рекруты побрал! Стольный град на чухонском болоте воздвиг! Оморок мирской!

— Ох, набедокурил пират Боб!.. Первым делом «ферт» верну, — бормотал Петруша, трясясь в седле по ведущему на запад тракту. — Потом «ижицу». Тяпницу обласкаю: выдам рожок и трещотку, сержантом назначу, всё равно ума малого.

Близ Соликамска Петруше с Тяпницей едва удалось спастись от шайки степняков. Петруша уверился, что супротив всякой беды нет средства лучше молитвы: возносишь Славу Пресвятой Троице за-ради твёрдости руки и стреляешь из фузеи жеребейками.

А за Соликамском уже, почитай, начались родные места.

1710 год

В кабаке на окраине Сантпитерсбурха Петруша подсел к лейб-гвардейцу и завёл беседу.

— А чего государь-анператор, Пётр-то Лексеич, Бог ему здоровычка? — между прочим спросил, подливая солдатику горькую.

— Простой-простой, аки схимник. Башмаков у него две пары, да и те разбитые, стоптанные. Из дому в суконном кафтане часто выходит. Штопаные чулки носит. А блажь есть, есть. Коль на новом месте ночует, в какой хоромине, так обязательно прикажет низенько, над самой головой, парусину натянуть, чтоб казалась маленькой комнаткой, ну, как...

— Как кубрик на корабле, — подсказал Петруша.

— Во-во. И пьёт — точно матрос, — понизил голос солдатик.

— Да все мы так пьём, все, — успокоительно приговаривал Петруша, снова подливая водовки.

— А кто это с тобой? — вдруг спросил солдат, указывая подрагивающим перстом на Тяпницу. — Краснорожий, как чёрт с иконы адописной.

— Да это монгол, друг степей. Едва на свет выродился, обмёрз шибко. Так чего анпиратор?

— Баба евоная... Дер магнус матка Катеринка. Роду подлого — остзейская портомоя. Бают, умеет она...

— Ну, ну, тише, служивый, — увещал его Петруша. Несколько седмиц выслеживали Петруша с Тяпницей поддельного анпиратора и наконец выгадали удобный момент для встречи лицом к лицу.

Боб Сингльтон шагал по пустынному, ещё не закованному в гранит, берегу, позади семеняла горбатая фигурка — то ли слуга, то ли шут.

Петруша выскочил из куста и рывкнул:

— Пират Боб, тать, изувер и мошеник! Верни мою державу!

Сингльтон оглянулся и на помеченных шрамами щеках его заиграли яблочного размера желваки. Както по-особому пират повернул набалдашник трости и извлёк из деревяшки равное ей по длине стальное острие.

— Ужо тебе, — промолвил Петруша, доставая из ножен сабельку.

— Самозванцы! — загремел голос с холма. — Оба самозванцы!

Детина в русском платье сбегал на берег:

— Я — Пётр, русский государь! Что, забыл, немчин, как в Кукуевой слободе, меня умыкнув, тебя взамен подсунули?

Петруша хлопнул себя по лбу. За годы на необитаемом острове он, действительно, напрочь запамятовал о том, что происходил из знатного саксонского семейства и целых пять лет до злосчастного посольства в Голландию изображал царя Московии.

— Так я утёк из столба, куда меня замуровали, утёк, — зловеще продолжал детина, поигрывая топориком. — Ногтями за дюжину годочков проскрёб ход и утёк.

Вдруг шут улыбнулся широко, всплеснул ручками:

— Господа, вы ведь понимаете, что один из вас должен остаться целым и невредимым? Кто — для наших покровителей, в сущности, значения уже не имеет.

— Верно, герр Лакоста, кто-то ведь должен править государством, — пророкотал пират и на всякий

случай проткнул Лакосту шпагой. — Прискучил мне сей сикофант, — признался, стряхивая тело с клинка. — Конечно, из Сити нового пришлют, да когда то будет. А там кто маячит, с красной, как кирпич, рожей?

Ни Петруша, ни Пётр не отвели глаз от Боба и друг друга.

— Может быть, будем править по очереди, а, господа? — с надеждой предложил Петруша, медленно подвигаясь противникам во фланг. — А то дел столько наворочено, что в одиночку наверное трудновато.

— Я согласен, судари мои, — ощерился детина с топором, кружа вокруг Сингльтона и Петруши.

— Недурная идея, и мне облегчение от забот выйдет, — процедил пират, бросил в лицо Петру треуголку и сделал выпад. Пётр увернулся и взмахом топора наискось заставил Боба отшатнуться. Петруша хотел пнуть настоящего царя, да промахнулся.

Звенела сталь. Башмаки, меховые сапоги и яловые уминали глину. Свистела английская брань. Щёлкали немецкие чертыханья. Звучала, подобно пощёчинам, ругань по матушке.

Тяпница устало опустился на землю, скрестив ноги. Мир вокруг будто кичился странностями: уже которые сутки не наступала ночь, а по светлому небу перекатывалась луна. Трое мужчин сражались не на жизнь, а на смерть. Сильнейшему Тяпница и будет служить.

* * *

А в это время Роксана, известная в Российской Империи под именем Екатерины Алексеевны, шла раздавать милостыньку. Камер-лакей Монс нёс мешок с золотом.

— Деньги-то, деньги на ветер пускаем, — канючил Монс. — Ох, лучше б я их украл...

— Ничего эти монеты не стоят, — отрезала Роксана.

— Как не стоят? — вскричал фаворит. — Двести червонцев раздаём за раз! Как же это «ничего»?!

— Пока лежат в сундуке, всё равно что свинец, — учительно сказала Роксана. — А как попадут в горсть мужичку, солдатику, морячку, так сразу в цену входят.

— Мудра, матка Катэрин, ой мудра, — вскричал Монс. — Честно, я ничего не понял.

— Куда уж тебе, — буркнула Роксана и увидала краем глаза, как фаворит снова запускает руку в мешок. — Смотри, Виллим Иванович, как бы башку за казнокрадство не сняли.

— Коли снимут, то за иное, — весело сказал Монс и попытался ухватить Роксану за мягкое, но пальцы застряли в фижмах китового уса.

— Матка! Крёстная! Благодетельница, душа наша! — загудели ожидавшие в приёмной преображенцы и семёновцы. — Катерина Алексевна!

Государь Пётр Алексеевич не вечен, думала Роксана, раздавая золото. Когда умрёт, кто вступится за убитую горем вдову? Кто охранит для неё престол от посягательств и ков злодейских? Простые солдатики и морячки, только они.

Мария Ким

г. Тольятти

Заметки пандемии

Рассказ

Согласно этикету красной зоны, если кто-то неприлично долго вглядывается в твоё лицо, он усиленно пытается тебя узнать. Следует также пристально смотреть на него в ответ до тех пор, пока один из вас не скажет: «А, и ты здесь» — или же молча развернётся и уйдёт своей дорогой.

У индивидуальной маски, кроме непосредственного назначения и массы неудобств, есть неочевидно важное преимущество: она скрывает ровно половину ваших эмоций. Можно беззвучно смеяться над мнительным пациентом. Можно замирать с гримасой ужаса, пока руки привычно и независимо делают неуправляемое жизнеутверждающее «что-то». Но мы-то знаем, что уже давно научились поверх лица наклеивать непробиваемую физиономию — уверенную в себе и, кроме себя, никому не доверяющую. Не позволяющую себе тени улыбки и повода для паники. А если верхняя половина лица изолирована низко надви-

нутым на лоб капюшоном биологической защиты — можно наконец-то закрыть глаза.

— Нет времени объяснять! Лезь в скафандр!

Я проснулась по уши в воде. К чёрту гиперболы. Просто на носилках была лужа, и на полу была лужа, и на мне не оставалось сухого места. Вода прибывала.

— Мы упали с моста? Мы тонем?

— Конечно, тонем! Нас затопили!

— Соседи сверху? — я подняла глаза и обнаружила на потолке открытый люк и красный крест, растянутый по просвету в пасмурном небе.

— Какая-то ... уснула в салоне и проспала потоп. Догадываешься, о ком я? Лезь в скафандр!

— Мы же не в батискафе, — я соображала медленно, но аккуратно, — это всего лишь ливень.

— Всего лишь? Думаешь, ты бы проснулась, если бы тебя не снесло течением с носилок? Это катастрофа! Ты — катастрофа!

— Ага. А зачем скафандр?

— Потому что, кроме потопы, у нас ещё и моровое поветрие! Идёт вторая волна!

— Девятый вал. Разгневались силы всевышние, — я закатила глаза до потолка и снова обозрела крест на стекле, перечеркнутый остаток неба. — Так при чём тут зараза? Мы в парк ехали.

— Выгляни на улицу.

Я открыла дверь. За бортом, несмотря на бесчинство атмосферы, был вполне многолюдный парк, играла музыка, орали дети. Неподальёку дистанцировалась бомжиха обыденной наружности и среднего вида запущенности. В бомжихе я узнала клиента.

— К вам? — я рванулась с подножки.

— Не подходи! Пневмония! — замахала руками старуха.

Я захлопнула дверь.

Внимательные руки уже протягивали мне неаккуратно сложенный комбинезон.

— Опять резина, — я стянула с себя форму. — Приятно попариться.

— Просвечивает.

— Очень стесняюсь, — я задержала дыхание и нырнула в душное пространство комбинезона.

Средство индивидуальной защиты одноразового применения было неоднократно постирано и зашито в нескольких местах. Нашивку «осторожно, биологическая опасность», кажется, кто-то пытался спороть для неведомых личных нужд, но остановился ровно на середине задуманного предприятия. Я осторожно сделала вдох. В голову ударил запах термоядерной дезинфекции и пота от множества разлагавшихся в этой упаковке тел. СИЗ, как обычно, оказался на несколько размеров больше моего. Я подтянула штаны, рукава прихватила пластырем и намертво примотала к первой паре перчаток. За полгода пандемии все движения давно отработаны. Надеть вторую пару перчаток. Волосы под хирургическую шапочку. Наклеиваю на нос полоску пластыря. Первым слоем марлевая маска. Вторым — респиратор FFP2-класса из собственных запасов. Со станции респираторы пропали туда же, куда и всё, чего нет. Натягиваю капюшон, молнию заклеиваю ещё одной полоской пластыря. Поверх всех слоёв очки. Отверстия заклеиваю. Одно оставляю под конденсат. Бахилы на ноги. Провожу рукой по лицу, проверяю на герметичность швы.

— Ты со мной?

— Не пойду. Кто-то должен убрать воду.

Открываю дверь и выхожу в пространство. Детский крик внезапно прекращается. «Будешь капризничать, я тебя вон тем пришельцам отдам!» Народ разворачивается и спешит к выходу из парка. Бомжиха терпеливо ждёт. Очки мгновенно запотевают. Звучки снаружи продираются через два слоя изоляции. Маска прилипает к носу и не даёт сделать полный вдох. В глазах темнеет. Сейчас все пройдёт.

— Где вы живёте?

- Да здесь же!
- И давно?
- Лет тридцать.
- Сколько дней температура?
- Три дня.
- А кашель?
- Неделю мокрота отходит.
- Кто заразил?
- А кто же их на скамейке...

Обзор постепенно возвращается. Буквы в карте вызова всё ещё плывут. Просто запиши данные. Просто набери лекарство и сделай укол. Это задница, мимо неё сложно промахнуться. Сними кардиограмму, измерь температуру, послушай лёгкие, посмотри горло. Не трогай лицо. Не трогай очки. Не снимай маску. Не падай.

- Поехали в СОКБ.

В ковидном приемнике, как обычно, очередь. Конечно, не такая, как в начале пандемии. Лучше не стало, просто мы разобрались, что к чему, и стали работать с тем, что есть. «Космонавты» отдыхают на крыльце красной зоны. Водители спят за штурвалами карет в ожидании дезинфекции. В кабинете томографии окно открыто настежь. «Вдохнуть и не дышать. Свободны. Следующий». После ливня атмосфера нисколько не разрядилась. Дышать нечем. Хочется спать. Я снова укладываюсь на носилки. Чем меньше двигаешься, тем меньше тебе нужно кислорода. Газообмен снова выравнивается. Темно.

- А кто это у нас тут спит?
- Ваше тело? Потыкайте её стойкой от капельницы, может, живая.
- Не надо меня ничем тыкать.

По высоким бахилам и небрежно натянутому на нос респиратору узнаю сотрудника стационара. Запаханный в ламинат бейдж крупными буквами сообщает, что передо мной врач одной из ковидных специальностей, тут же и фото лица крупным планом для тех, кому оно интересно.

— У бабушки вашей 5 % поражения, высокая вероятность ковида. Лечение на дому, контроль термометрии, вот рецепт на антибиотики.

— У нашей бабушки нет денег на антибиотики. И термометра дома нет. И дома тоже.

— Это уже не наши проблемы, — я привычно тянусь руками к лицу и так же привычно обрываю движение.

— Это наши проблемы, Маш. Мы же люди.

— Я — существо разумное прямоходящее. Хочу есть, спать и писать. И дышать. Вот прям очень. Бабуля, слышали, что врач сказал? Вы амбулаторный пациент! Получите рецепт и отправляйтесь к себе на лавочку.

Старуха отмахивается от рецепта, стреляет сигарету у одного из космонавтов и ковыляет к выходу с больничной территории.

— Маш, я убью тебя. Беги за ней и верни! В каком стационаре остались места?

— ЦРБ Дубовый. Давайте показания к госпитализации вам напишу, — врач что-то быстро рисует в сопроводительном талоне и уходит в сторону очереди на «вдохнуть и не дышать».

Пока Оля вызванивает центр насчёт свободных мест, я быстро направляюсь ко второму от моечной зоны окну. Внутри у персонала стационара, кажется, что-то вроде нелегальной курилки. Каждую смену здесь стоят космонавты в высоких бахилах с торчачими из фильтров респираторов сигаретами. Мой уже ждёт. Я прикладываю раскрытую ладонь к стеклу, Маска с фильтром и сигарета без фильтра приветственно и важно кивают в ответ. Я ни разу не видела его лица. Общее телосложение указывало на то, что он — это действительно он, однако скафандр скрадывает даже очертания фигуры. Я прикладываю вторую ладонь ко стеклу, он ободряюще поднимает палец вверх. Тушит сигарету об металл стационарного кислородного баллона и уходит в глубину красной зоны.

До ЦРБ ехать 40 минут. Окно приходится закрыть: бабулю знобит. Я фотографирую на телефон карту

вызова. Когда заболею, надо будет доказать. И надо бы ещё списать антибиотики: в аптеках с поставками беда, а болеть я без них не планирую. Фонари на трассе сливаются в сплошную линию.

* * *

Добравшись до подстанции, я первым делом бегу к туалету. 4 часа в СИЗе и физиологические потребности. У туалета очередь.

- И кто там книжки читает?
- У Санька несварение.
- Немытым арбузом пациенты угостили?
- Реакция на антибиотики.

Санёк уже переболел. Этажом выше из кабинета старшего фельдшера слышен характерный сухой кашель.

- И давно этот концерт продолжается?
- У неё пневмония. Вчера вызов на неё делали. А сегодня опять на работу пришла.

* * *

«Боль в груди, в анамнезе ИБС».

— Что болит? Где болит? Как болит? А так не болит? А вот так? А температуры не было? Врёте, что же вы такой горячий у меня? Градусник поставьте. Горло покажите. Рубашку поднимите. Насыщение кислородом крови у вас страдает, видите, прибору моему не нравится. Ложитесь на кардиограмму. Градусник покажите. 37,3. Вот. Пневмония у вас. Предлагаю прокатиться до больнички на томографию. Собирайте вещи, а мы пока документы заполним.

- Оля, бежим отсюда.
- Куда?
- Одеваться. Забыла, что мы здесь в одних трусах? Точнее, в одной маске.
- Ой, все там окажемся. Я уже переболела.
- Оля, я хочу жить!
- Ну, беги, живи.

На клумбе под окном общежития пышным цветом раскинулись хризантемы и анемоны.

— Там что, пожар? — лениво интересуется командир из-за штурвала. К пожару он морально готов, а к очагу инфекции не то чтобы да — захлопывает дверь в кабину и закрывает окно. Отверстия вентиляции с начала пандемии плотно герметизированы скотчем. Наряжаюсь в защиту, выбираюсь на свежий воздух.

— А где док?

— Там.

Оля заставляет ждать до того момента, когда рациональная мысль «она ненормальная» раскручивается до паранойи «она уже заразилась и лежит рядом с дедом, беззвучно хлопая распавшимися лёгкими».

— Доставай маскарадный костюмчик. И что это за оптимистичная ядовитая расцветка? Белых не осталось?

— Жёлтый тебе идёт.

— Определённо, это повод для фотосессии. Боже, какая прелесть! Гортензия и хризантемы!

Я напоминаю, что вчера бригаду оштрафовали на 10 баллов из-за доклада бдительных граждан о том, что врачи фотографируются у машины, пока люди мрут, как мухи.

— Именно потому, что люди и мухи умирают каждый день, мы просто обязаны остановиться и уделить минутку прекрасному. Вы же не против?

Дед отрицательно мотает головой и причмокивает посиневшими губами.

— Толик, не мог бы ты пока подключить кислород? Толя, открой дверь! Толян! Ты же не собираешься провести здесь свою молодость? Мы всё равно тебя достанем!

Оля с трудом упаковывает свои габариты в цыплячий комбинезон.

— Определённо после стирки эта материя села.

— Может, кое-кому просто пора сесть на диету?

— Ни в коем случае! Когда мы перестанем влезать в скафандры, нас перестанут отправлять на ковидные вызовы!

И проломилась в самую гущу растительности.

— Скорее фотографируй, пока дед не задохнулся! Толик, ты трус и предатель! Вставай, вставай сюда, я тоже тебя сфоткаю!

Она прокладывает себе дорогу обратно в машину, я тороплюсь следом.

— Цыплёнок жареный, цыпленок пареный, пошёл по улицам гулять...

Мотор заведен, карета гаражами выползает на пустую рассветную улицу. Сатурация 90 % и продолжает падать.

— Оля, мы не заправили кислород!

— Сколько?

— 25 %!

— Запасных баллонов нет на станции! Ковидные выдышали! 3 литра в минуту!

— Сатурацию не держит! Ставлю пять!

— Четыре! Поставь четыре!

«Цыплёнок жареный... пошёл по улицам гулять».

— Четыре не держит! Ставлю пять! 18 %!

— Толик, включай дискотеку-аварию!

— Сатурация 92!

— Верни четыре!

— Четыре не держит!

— Толик, ты там заснул, что ли? Сирена, люстра, светомузыка, матюгальник!

«Его поймали, арестовали, велели паспорт показать».

— Дедуля, как дела? Дедуля, живи пока. Оля, что делать?

— Ты умеешь делать фотосинтез? Тогда ничего!

— Резервный баллон в хвосте! Подвинься!

— Толик, тебе что сказали! Пробки, заборы, ДТП — мне плевать, как ты доедешь!

Дорога до хвоста салона кажется неприлично длинной. Всего два метра, и неповоротливый скафандр, и машину заносит на виражах, и горизонт то падает, то взлетает. «Цыплёнок жареный, цыплёнок пареный, цыплёнки тоже хотят жить».

- Оля, баллон пустой!
- Быть такого не может, манометр косячный!
- Я уже скрутила манометр, свежим воздухом не тянет!

12, 11, 10. Сатурация 92. Губы порозовели, впрочем за кислородной маской лицо плохо видно. Машина влетает на территорию СОКБ. Оля выгружает деда на коляску, я подхватываю баллон. В приёмнике красной зоны стационарные точки кислорода в каждом углу. Подключаем деда к ближайшему свободному крану. Снимаю инфицированную маску, конец шланга подношу к запаянному СИЗОм лицу, делаю несколько вдохов через фильтр. Последние литры растворяются в воздухе.

На улице пустынно и тихо. На площадке за время сдачи-приёма пациента прибавилась только одна машина. Денис и Геля сидят в обнимку на импровизированной лавочке-доске. Из защиты на обоих только маски.

— Я не поняла, это что за стриптиз? Штраф получить хотите?

— А мы сейчас пациенты, нам можно! — хихикает Геля.

— С какой это радости?

— Вчера на адрес залетели голые, а там пневмония, диспетчер, п...р, СИЗ забыл написать. Сегодня вот кашляем и температурим. Бабку на КЭТэ отвезли и за компанию сами решили откататься. А у вас как?

— А мы тоже на пневмонию... в чём мать родила.

— Ковидные обнимашки! — Геля бросается на меня, плечом смахивая очки.

— Дура! — я судорожно возвращаю очки на место.

— Кваску? — Денис делает большой глоток и протягивает мне бутылку.

— Дурак.

Смех Гели переходит в сухой кашель, она оседает на картонку и обхватывает себя за плечи.

— У меня в нижней доле затемнение. Назначили антибиотики. Цефтриаксона нет в аптеке.

— Подойдёшь ко мне на станции, я тебе дам.

— А что у нас начальство говорит про кислород и респираторы?

— Так пандемия закончилась. Мы же победили!

Со стороны служебного выхода мимо нас проезжает процессия из каталок, груженных чёрными продолговатыми мешками.

— Ой, Денис, смотри, белочка!

Фельдшера уходят в глубину больничного сквера. Сзади незаметно подкрадывается рентгенолог.

— У вашего деда 40 % поражения и страшный ХОБЛ. А где эти везунчики?

— Белочку пошли смотреть. Что у них?

— А вы им кто?

— Троюродная медсестра. Так что?

— У парня ОРВИ, а девчонка, как и говорили, поражение левого лёгкого.

— Оставьте мне выписку, я им передам. Кстати, у вас заболевшие кто-нибудь что-нибудь получил?

— Звездюлей за нарушение техники безопасности. Вчера санитарку положили, ничего доказать не смогла.

— Понятно.

Я снова направляюсь к окну возле моечной. Он уже ждёт. Жестом спрашивает, как дела. Задираю подбородок, провожу рукой по горлу, наклоняю голову набок, складываю пальцы домиком, вмещая в набор незамысловатых жестов историю про легкомысленных диспетчеров, жареного цыпленка, клумбу с анемонами и гонку на кислороде. Смеётся одними пальцами. Подходит Оля.

— Ты мыться пойдёшь? — тянет в сторону палатки с баками дезраствора и горой грязных СИЗов. — А, у вас свидание?

— Да я его в глаза не видела. Просто он каждую смену здесь. Уже второй месяц общаемся.

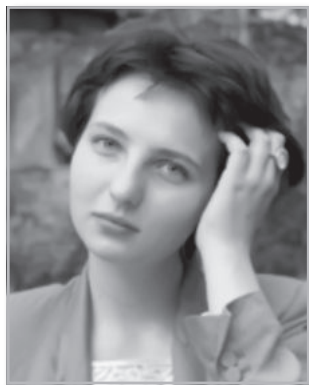
Глаза Ольги за очками приобретают странное выражение.

— Ты же понимаешь, что это всё время разные люди?

— Да.

Ирина Крупина

г. Феодосия

Поклянись

Рассказ

Когда она с ним и его друзьями уезжала на шашлыки, я звонила ей после каждого сделанного урока, каждого просмотренного мультика, с разных номеров: то с бабушкиного, то со своего. Чтобы она точно взяла и я убедилась, что она — моя мама — жива.

Когда они оставались одни дома и она не отвечала, бабушка быстро одевала меня, тащила к ним и всю дорогу бормотала: «Убил мать, убил, вот увидишь — убил». Когда мы неслись туда, я ногтем раздирала кожу на своём большом пальце, а около их дома у меня начинала течь кровь. Я высасывала её губами, думая о том, что ей — больше и крови у неё больше, настолько больше, что всю её не высосать. И начинала ковырять другой палец.

Мы боялись стучать в дверь, поэтому сначала заглядывали в окна, в каждую комнату, начиная с прихожей. Если везде было темно или жалюзи были опущены так, что не оставалось даже щёлочки, мы

стучались в окошко туалета: раз-два, раз-два-три, раз-два-три-четыре, раз. В таких случаях чаще всего она была в туалете: её тошнило, и мы надеялись, что она узнает нас и даст нам какой-то сигнал. Хотя бы отчаянное «пять-шесть».

Дима бил её, когда она напивалась. А она не умела пить и не напиваться. После двух бокалов вина она начинала хрюкать — не смеяться, не говорить, а хрюкать. Когда они были с друзьями, она позорила его, и он хватал её за руки, отводил куда-нибудь подальше и бил по голове. А если они были вдвоём, тут уже он себя не сдерживал: он работал в прокуратуре, и у него был пистолет, лежал в самом большом ящике рабочего стола — он доставал его, подносил к её телу и рычал.

Ты что, совсем страх потеряла.

Как-то она вернулась домой выпившей, упала на кровать в одежде и ботинках. Это его разозлило, он ударил её пистолетом и сломал ей нос. Утром она пришла к нам с красно-синим лицом, опухшими разбитыми губами, с большой сумкой, сказала, что уходит от него, напишет заявление в милицию, устроится на новую работу. И жизнь начнётся другая — хорошая жизнь.

Я долго не входила в комнату, где она говорила с бабушкой, а только подслушивала. Мне казалось, что мама — вся чёрная, как рука моего умершего дедушки: она долго свисала, и туда перетекло много крови. После того как ко мне подошла разноцветная мама, я видела только белый унитаз. Меня тошнило.

Через несколько дней она сложила свои вещи в большую сумку и вернулась к Диме. Они пообещали друг другу: он больше не кладёт пистолет в свой большой ящик, а она больше не пьёт.

В первый вечер я не могла делать даже уроки, и, чтобы мама почаще выходила со мной на связь, я сказала ей, что отравилась несвежим йогуртом. Она мне звонила, говорила членораздельно, не хрюкала,

Дима не кричал и не рычал. Во второй вечер я вернулась к урокам, а в третий — даже к телевизору. Прошло какое-то время, пока они мирно жили, а потом наступил день рождения Димы. Это означало, что они устроят вечеринку.

- Я тебе обещаю не пить.
- Клянись.
- Клянусь.
- Своим здоровьем клянись.

Поклялась.

Я очень боюсь, что он тебя может убить.

Вечеринка у них начиналась, как полагается, вечером, и весь день я пыталась спать, чтобы не думать об этом. Спать не получалось, и я решила расспросить бабушку, что со мной случится, если я убью Диму, и как нужно убить, чтобы ничего не случилось.

Проси у Господа прощения за такие слова.

Господи, если ты есть, если ты хочешь, чтобы я в тебя поверила, сделай так, чтобы она перестала пить.

В этот вечер я опять раздирала пальцы, а заметила это, когда увидела наши телефоны. Я их отключила. Свой и бабушкин. Перед сном ей нужно было завести будильник — она залезла в него и увидела несколько пропущенных от Димы. Через полчаса мы были у их окон.

Она лежала на полу, вся чёрная: в чёрной короткой юбке, задранной так, что я видела её трусы, чёрных капроновых колготках, чёрной блузке, с чёрным лицом: у неё всегда размазывался макияж, когда она напивалась. Только шея была красной — от аллергии на вино.

Бездыханная лежит. Убил.

Я подлетела к двери и громко сделала своё «раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь». Он открыл, и я быстро проскочила к маме. Упала к ней, трогала её лицо, трясла её, кричала: «Мама, мама!» Она не реагировала.

Мне казалось, что всё содержимое моего желудка мгновенно взлетело к горлу, а из него — в голову. Казалось, что всё оно прямо сейчас выльется из моего лица. Из глаз, из носа, из ушей.

Я наклонилась к ней, чтобы почувствовать её дыхание, а почувствовала запах рвоты.

Оставь её, свинью, пусть проспится.

Я вскочила, сжала руки в кулаки и прорычала, что сейчас убью его.

Уйди, дура.

А потом ещё раз, только громче. Это была мама.

Она продолжала лежать на полу, бабушка обливала её водой, а Дима смотрел телевизор.

— Ты её бил?

— Нет.

— Почему ты её не бросишь?

Я зашла в его кабинет и села в огромное мягкое кресло. Меня больше не тошнило, и я перестала раздирать кожу на пальцах. Я взяла лист бумаги, холодную металлическую ручку и написала записку. Оставила её в большом ящике, где всё так же лежал пистолет.

В ней было:

ДИМА УБЕЙ МАМУ

Я БОЛЬШЕ ТАК НЕ МОГУ!!!

Елена Луновская

г. Уфа

Обочина

Рассказ

1

Скрипят качели вдалеке. В глубине доковских* дворов, на перекладине с выщербленной краской так хорошо присесть и задуматься... Весеннее солнце, ещё совсем юное, гладит нежно. Ася прячет лицо, не желая его прикосновений, досадливо надвигает на глаза кепку. Выходной день...

Каждая суббота заманчива карнавально-театральными красками, аурой тяжёлого рока. Брожениями по улицам центра в приятной компании знакомого поэта, долгими-долгими беседами, что прерываются полным прыжком в один из последних автобусов, а он увлекает Асю на уфимский Док... И снова воскресенье — момент истины, пробуждение и одиночество на окраине города. Она просыпается в квартире, где снимает комнату. Готовит яичницу, делает бутербро-

* ДОК, или Деревообрабатывающий комбинат — название одного из уфимских микрорайонов.

ды, чай с лимоном и, захватив яства, шагает по длинному коридору к себе. Там, расположив тарелки на компьютерном столе, неторопливо вкушает, смакуя каждый кусочек и рассеянно прикидывая, чем займётся сегодня. Время Асю не торопит. Оно заволашевающе медленно ведёт свой отсчёт.

Сегодня тёплый день. В комнате душно... Покончив с завтраком, девушка идёт на улицу и в общем-то оказывается в этих самых дворах, где слышится скрип качелей...

В отличие от Черниковки, другого района города, где она жила раньше, Док не кажется ей сиротливым или маргинальным; он навевает мираж новизны, благополучия, да и какими могут быть ещё ощущения, когда кругом заливистый смех детворы, шуршат своими шинами авто и велосипеды, а люди постоянно снуют туда-сюда: Док совсем молодой, но, кажется, всё движение, все жители этого отшиба сосредоточились на его улицах... Зимой здесь как будто светлее и нет зовущей и притягательной страшной тайны, которая мерещится в маленьких улочках Черниковки.

Док... Новенькие высотки, что торчат кругом, похожи на крепости, ограждения, что усиливают чувство одиночества. Ветер доносит смесь пыли и песка — у жителей Дока она всегда скрипит на зубах — райончик словно здороваётся так. Маленький и симпатичный, существующий сам по себе. Он обочина Асиного бытия; не целая жизнь, но всё же значимая её деталь, место обитания. Почему она забрела сюда, на окраины?..

2

Ася мечтала оказаться в безопасном, тихом месте, где смогла бы закончить любой комикс, любую свою творческую работу спокойно. Тяжёлая домашняя атмосфера с постоянными воплями, делёжкой территории, ссорами мешала ей думать. Когда у людей есть целая большая квартира с несколькими комнатами — это сводит их с ума, делает слепонесчастными. Они видят

счастье в разделении; они заставляют страдать другого, полагая, что он виноват в их надуманной притеснённости. Они хотят больше. Они устраивают междоусобицу...

Ася совсем юная, рисует комиксы, поёт и хочет свободы. Для неё ещё нет слова «недвижимость», есть слова «уголок, каморка». Когда «теснота» подобралась и к ней, не давая работать и лишая сна, внутренняя паника отрастила крылья, и они забились где-то внутри: «Выпусти меня, выпусти наружу...»

В тот же день, когда Ася почувствовала это, пришла домой раньше всех домочадцев, побросала вещи в массивную спортивную сумку и ушла. Так началось внутригородское путешествие — от района к району, от дома — к дому. Импульс, отчаянный рывок — уход куда угодно — повлёк за собой цепочку открытий. Иногда довольно занятных.

Домашняя атмосфера душила — крики с утра, алкоголизм, наркологи, затишье, затем — всё с начала... «Зачем люди кричат, зачем поднимают шум по мелочам, пьют, отравляя жизнь другим?» — думала девушка, разглядывая привычный натюрморт на столе: бутылки, рюмки, смятые упаковки из-под сока, надкусанные огрызки колбасы, хлеба, пробки, лужицы всё того же сока...

...Ася переехала в первую же попавшуюся квартиру — к ровеснице, которая жила одна с двумя обаятельными толстяками — скотиш-фолдами. В трёхкомнатной квартире в многоэтажке было так безмолвно... Пустыня... Очень тихо. Здесь беглянка обрела крепкий сон и возможность заниматься творчеством. Квартира на Доке стала верным укрытием. Адрес, который не узнает никто.

3

Глядя на условия, комнату, где ей предстояло жить, Ася попутно с любопытством изучала и хозяйку. Лиана оказалась приветливой девушкой. В ней чувствовалась уверенность и вместе с ней было и ещё

кое-что. Самодостаточность. Она на пару лет младше Аси. Тем не менее её зрелость и деловитость поразили последнюю: редко встречались такие серьёзные и самостоятельные ровесники. Здесь ощущалось хладнокровие человека, привыкшего трудиться и полагаться только на себя, — очень близкий Асе настрой.

Беглянка осталась у Лианы, проникшись уютной атмосферой квартиры. Довольно быстро у Аси сложилась присказка: «Не может быть плохим человек, у которого есть кот», — а доковская хозяйка с её мурчащими хитрюгами явно подпадала под категорию «хороший человек».

Ася прониклась симпатией к Лиане: трудолюбивая и сосредоточенная на своей жизни соседка не обращала внимания на чужую жизнь, а Асе только это и надо было. Будучи затворницей и самоуглублённой интроверткой, Ася не могла нарадоваться: никаких типичных бытовых склок в духе «эй, ты обронила свой волос на мой безупречный пол» или «драй квартиру немедленно». В общем, жили девушки в полном согласии и друг другу не мешали.

4

В первую же ночь Ася осталась в квартире одна. Хозяйка оставила ключ и, пояснив, что погостит у родителей пару дней, удалилась.

— А может, останешься? — Асе было страшно ночевать в квартире одной.

Лиана точно прочитала её мысли и улыбнулась:

— Не бойсь. У тебя есть коты!

«Ну, что ж, коты — это уже что-то!» — утешилась Ася, оставив дверь в комнату открытой. Красивые здоровяки скотиш-фолды не заставили себя ждать. Сперва деловито прошествовал в комнату грациозный чёрный Магомед. Хитрые его глаза, больше напоминающие глаза пантеры, нежели домашнего питомца, с известной кошачьей ленцой вперились в девушку. Ася прибрала кота к себе на диван, стала его гладить...

Вслед за Магомедом, вперевалочку, вошёл котик Дюк. Подозрительно осматриваясь по сторонам, он шевелил своими купированными ушами и брезгливо потряс мордой, когда Ася и его затащила в постельку. Потрясающе красивый, с необычным мраморным окрасом, Дюк казался бесформенным, как мешок с водой, и был более неуклюжим, чем его галантный друг. Позднее, при кормёжке, Ася заметила, что наглый Магомед, ворующий со стола всё, что плохо лежит, удивительно уступчив по отношению к Дюку: половина его порции всегда съедалась жадным красавцем...

5

Наверное, следовало догадаться, что у красивой (а она таковой была) девушки, имеющей всё — хорошую работу, большую квартиру и машину, — должна быть хотя бы одна червоточина, тёмная сторона... У Лианы, казалось, недостатков нет.

Чего нельзя было сказать о молодом человеке хозяйки — Артёме. При всей холодной отчуждённости и самопогружённости Ася не могла не обращать внимания на жизнь пылкой парочки. Как ни старалась девушка ничего не слышать, всё равно становилась невольным свидетелем чужих драм.

Лиана ругалась с Артёмом как по расписанию — каждые субботу или воскресенье. То ли у них не совпадали места встреч по выходным и они гуляли по отдельности (хотя договаривались об обратном), то ли у неё была особая неприязнь к его окружению; в любом случае все ссоры становились бурным итогом ситуаций, всегда примерно одинаковых.

Артём беглянке не нравился. Ей было непонятно, почему вообще Лиана уцепилась за него. Конечно, парень красив — высокий, голубоглазый, русоволосый... Но на том и всё. Достоинства значительно уступали прочим, не лучшим, качествам. Артём поселился здесь недели через две, как переехала Ася. Полгода кряду он блаженно бездельничал: играл в приставку,

трескал чипсы, обильно запивая пивом, и закатывал истерику всякий раз, когда: «пришла с работы слишком поздно»; не выполнил (он!) обещание, которое сам же ей накануне дал; ревновал девушку к её телефону или котам...

Асе, с её простодушием и неискuschenностью в отношениях, думалось: «И в чём проблема: если у людей регулярные ссоры — можно ведь и расстаться!» А, выходило, в жизни всё сложнее...

Артём вдобавок ко всем своим прелестям характера изрядно злоупотреблял. У кого рыльце в пушку, тот больше и орёт, обвиняя другого во всех своих бедах, — закономерность.

Лиана не выдерживала. Раз в месяц сердито вытаскивала его вещи в коридор, со слезами, горячо бросала Асе на ходу: «Пусть уходит, будем теперь вдвоём жить!» Но проходил день, за ним два... На третий молодой человек уже заслуживал прощения, возвращался и, точно провинившийся пёс, становился смиренным... Надолго его не хватало: снова выходной, и парочка громко выясняет отношения — кто с кем куда пошёл и кто кому не ответил на звонок.

...Однажды Ася рисовала очередного лохматого пришельца, закутанного в шарф и с выпученными глазами. На языке уже вертелось название «Крокозябр в ожидании тепла», и вот-вот рука бы вывела его в уголке альбомного листа, но тут послышались горькие всхлипы в ванной и песня «Лейла-лэй-ла-ло», играющая на смартфоне. Внутри Аси что-то сжалось. Рука зависла над листом. Чувство острое, словно личная обида, невозвратно накрыло девушку...

Есть такое пожирающее состояние — эмпатия называется. Именно она не давала Асе порой покоя — рвалась наружу, стремилась о себе заявить. Это ощущение не подчиняется представлению о том, что уместно, а что нет. Оно полностью стихийно и однозначно.

Вот и в текущей ситуации эмпатия пыталась проявиться: слышит Ася из своей комнаты, как Лиана

плачет, и у самой сердце не на месте: охота ободрить или просто предложить выговориться...

«У Лианы и без меня есть кому послушать да утешить... и потом, вряд ли ей необходимо моё сочувствие», — отговаривала себя беглянка. И не лезла с утешениями. Асе казалось — бестактно приставать к человеку в такие моменты. Если бы Лиана хотела излить душу, она звонила бы подругам... Но она не принимала попыток их к себе позвать для поддержки, как это делали некоторые Асины знакомые, когда им становилось худо. Ася задавалась вопросом: а есть ли на самом деле у Лианы подруги? С виду были. Приходили в гости. Весело пили пиво, смеялись, о чём-то щебетали. Но все ли девушки делятся болью с другими?

Однажды Ася решила съехать. Не из-за скандалов парочки: ей было хорошо на Доке. Но вся её рабочая и творческая жизнь протекала в центре, и усталость от постоянных поездок с одного конца города в другой давала о себе знать. Едва нашла подходящий вариант жилья, стала собираться в путь, ещё не зная, что её ждёт...

Жизнь у Лианы была в целом такой, какая нужна затворнику: Ася забыла о всех своих тревогах, о том, как совершала нервически втихомолку побег из дома, к ней никто не лез с вечными «ну-у-у, сходим за опохмелом», не нарушал пространство... Только однажды какой-то гоповатый друг Артёма на кухне неожиданно грозно надвинулся на неё и вдруг робким голоском спросил:

— Извини, пожалуйста, а где здесь вилки?

...Ася отдохнула от всего, что душило. Коты хозяйки навещали — они были тёплые и смешные. Молодые люди приходили домой поздним вечером, и Ася, появлявшаяся там раньше, чувствовала себя радостным подростком, чьих родителей нет дома: полная свобода. А как крепко и сладко она спала!..

Уезжала с сожалением. И не встречала больше столь простых хозяек. До сих пор иногда вспоминается ей квартирка на обочине города и думается: обретёт ли Лиана счастье?

Тамара Нуждина

г. Самара

Обычная история

Рассказ

Была полночь, и на пороге небольшой однокомнатной квартиры шумно прощались трое молодых людей.

Холодный ветер проникал через открытую форточку и нервно трепал тюль, вышитую геометрическими узорами.

Прощание грозило затянуться. Михаил, высокий красивый парень, стоял, приобняв свою жену, Лизу, полную молодую девушку, которая сейчас улыбалась стоящей напротив подруге.

— Оль, так не хочется тебя отпускать домой, ты так редко бываешь у нас. Мы с Мишей так по тебе соску-у-у-училились, — протянула Лиза нараспев.

— Я тоже соскучилась, я бы осталась с удовольствием, но не могу, вы же знаете, мне завтра отводить Сашку в садик.

— Ответственный ты наш человек! — констатировала раскрасневшаяся Лиза.

— Да, а кто, если не мы, — Ольга неловко застёгивала сапоги: ей мешала висевшая через плечо сумка, всё пытаясь соскользнуть вниз. Оля так привыкла к её весу, что, когда периодически её перебирала, вытаскивая ненужное, потом долго ещё ходила с чувством, что чего-то не хватает. То оказывались в сумке сразу две расчёски, то книга, которую Оля всё пыталась дочитать по дороге с работы.

— Миш, ну, ты хоть Олю-то проводи! — Лиза привыкла к своей значительности, и ей было необходимо всё контролировать. Как Оля привыкла к своей сумке, так Лиза — влиянию на окружающих её людей, и им уже измеряла свою жизнь.

— Легко! — Мишка начал обувать свои модные кроссовки. Весь вечер он хвалился ими и своими новыми джинсами «Levi's».

Вообще-то вся эта погоня за трендом ужасно раздражала Лизу, потому что сама она не привыкла одеваться красиво и дорого, и эти «мужнины» траты казались ей мальчишеской забавой.

«У него вещей полный шкаф, — сокрушалась Лиза, — так что он буквально мне дорог», — Лиза хоть и подшучивала, но всё же немного обижалась, и эти обиды выливались то без потерь, в частых звонках подругам, то в сверхдорогие сапоги на шпильке.

* * *

Оля была у них нечасто: ей всё ещё невыносимо было видеть пары, но Лиза всегда выручала её, то тёплым шарфом в прошлом месяце, а то и просто до зарплаты, высказывала ей, конечно, что, мол, сами концы еле сводим, но выручала. Оля была бы и рада не брать в долг совсем, но Сашке нужны были то новые тёплые штанишки, то нужно было сдать деньги в садик, так что Оля и к высказываниям привыкла как к неприятному дополнению, и уже почти не обращала на них внимания.

Пока Оля и Миша ждали лифт, Лиза стояла в дверях и перебрасывалась ещё с ними незначительными шуточками, которые всегда играют значительную роль в любых приятельских отношениях.

«Миш, смотри мне, подругу доставь целой до остановки и, как машину поймаешь, номер запомни!»

«Оль, ты там за моим тоже присмотри, чтоб ненадоком в магазин на шоппинг не зашёл!»

* * *

Миша всю дорогу от дома до остановки общественного транспорта балагурил. Вообще, он вёл себя всегда так, потому что знал: юмор — его конёк. Когда Миша особенно был в ударе, окружающим его людям тоже начинало казаться, что они немного лучше, поэтому Миша считал себя украшением любой компании, для него это было естественно, чем он и был ещё более притягателен.

— Оля, ты в некотором смысле хранительница нашего с Лизой очага. Ты вдохновляешь меня, раньше я таким не был.

— Каким? — смутилась Оля.

— Целеустремлённым, — улыбнулся Миша.

Оля давно уже не могла себе позволить быть безработной и юной. Часто ей вспоминались школьные годы, кажется, в классе пятом, её посадили за парту с хулиганом и двоечником. Он бессовестно списывал у Оли диктанты, а взамен иногда смешил её и даже пару раз не давал в обиду, а однажды принёс ей шоколадку, после успешно написанной контрольной. Оля надеялась, что одноклассник вот-вот возьмётся за ум, ей было его жаль, он просто не понимал того, что понимала она.

— Миш, ну, что ты, это совсем не моя заслуга, ты преувеличиваешь. Я просто советую вам о ребёнке с Лизой подумать, пока вы молоды.

— Оль, двое детей в доме — это перебор, — рассмеялся Мишка и неожиданно взял Олю за руку, и остановился. Оля по инерции тоже остановилась.

— Оля, я должен тебе сказать... — он стоял и слово пытался подобрать слова или делал вид, что пытается.

Стоял острый запах мокрой листвы и древесины. Звёзд не было, только окна ближайших домов бессмысленно вливали желтизну в тень двора.

* * *

— Да, Миш, что случилось? — Оля стала вмиг серьёзнее, чем была минуту назад.

— Я. Хочу. Тебя. Поцеловать, — сказал он, разделяя слова паузами в секунду длиной, и сделал шаг ей навстречу.

Поцелуй был влажным, и Оле вмиг стало жарко и как-то нехорошо. Окна домов сейчас же свернулись единой стеной, наконец, она сделала над собой усилие и с трудом оттолкнула Михаила.

— Ты сошёл с ума! — негодовала Оля громким шёпотом. — Как же Лиза, ты о ней подумал?! Она сейчас ждёт тебя, а ты...

Михаил изучал её спокойно, немного прищурив глаза.

— Оля, я знаю, что я делаю, — Михаил снова попытался приблизиться к Ольге, но она сделала шаг назад, и сейчас они оба стояли в небольшой луже, разлитой по щербатому асфальту.

— Нет! Я не могу так! Я не предательница! Она моя лучшая подруга, Миш! Прекрати! — и она побежала от него прочь в сторону дороги, сердце бешено колотилось.

Михаил, подходя к дому, постоял ещё минут десять у подъезда, проверяя электронную почту на телефоне, и, написав кому-то сообщение, убрал его в карман.

— Ещё не вечер, ещё не все погасли краски дня, — зачем-то вслух произнёс он.

* * *

Лиза засыпала, обняв мужа. После душа он вкусно и хорошо пах, и теперь тоже спал, раскинувшись на постели.

Оля тоже была уже дома. Она отправила сообщение Лизе ещё полчаса назад, что с ней всё хорошо, доехала быстро, и ей казалось, что написала она его Мише.

«Ребёнка им надо, — подумала Оля, наконец засыпая, — в следующий раз с Сашкой к ним поеду».

Ночное небо постепенно прояснялось россыпью мелких звёзд.

Игорь Петухов

г. Тольятти

Столбы

Пьеса (отрывок)

Действующие лица:

ГАЛАКТИОН СТАРЦЕВ — актёр, по возрасту 45 лет, выработал свою практическую философию, основанную на «разумной лести» и «взаимовыгодном сотрудничестве».

КАТЯ СТАРЦЕВА — жена Галактиона, ей около 40 лет, по призванию декабристка.

ДАНИЛ ВИШНИЦКИЙ — свободный художник, ему примерно 30 лет, не женат.

ИНСПЕКТОР — проверяющий на столбах, ему около 35 лет, голос у него монотонный, а движения и манеры скованные, «заблокированные», но при этом уверенные.

НАДЯ — гражданская жена Инспектора, ей примерно 30 лет.

ДРУЗЬЯ ИНСПЕКТОРА — два похожих друг на друга, по-деловому одетых человека лет 45, помогли

Инспектору занять его нынешнюю должность; все реплики произносят хором.

СОБЕСЕДНИК ИНСПЕКТОРА — должностное лицо, беседует с инспектором по телефону.

СТАРИК И СТАРУХА — живут в доме рядом со столбами.

Действие происходит в дачном посёлке.

ДЕЙСТВИЕ I

Картина первая

Начало осени, едва начинающиеся сумерки, неровная просёлочная дорога между дачными домами старого типа, многим из которых больше ста лет.

Три старых деревянных столба, через которые проходят электрические провода, стоят вдоль двух видимых зрителям домов. Четвёртый столб (слева от зрителей) толще других и бетонный.

Между столбами трава, кустарники.

Зритель видит эту дорогу «в профиль» (оттуда, где должны быть дома по другой стороне улицы).

Справа появляются Старцев и Вишницкий.

Старцев в плаще, в начале сцены и иногда далее он часто дышит, торопится.

Вишницкий явно более спокоен; в начале сцены он осматривает столбы, кустарники, заборы, медленно переводя взгляд; он в ветровке и в кепке.

СТАРЦЕВ. Вот здесь. Наверное, вот здесь. Если на этом столбе написано... (*подходит близко к первому столбу, ищет табличку*) если написано: «Шестьдесят три ноль четыре», — то...

ВИШНИЦКИЙ (*перебивая*). А что за улица-то? Тоже писателя какого-то?

СТАРЦЕВ. Улица одного из писателей, да.

ВИШНИЦКИЙ. Оруэлл, наверно. Или Кафка.

СТАРЦЕВ. Не знаю, тут все наши вроде должны быть. (*Найдя табличку и читая по ней*). Смотри: «Шестьдесят три ноль пять» — уже. Мой столб следующий, значит — ноль шестой.

ВИШНИЦКИЙ. А меня куда заслали? Я уже забыл.
СТАРЦЕВ. Ноль седьмой у тебя, у меня ноль шестой.

Старцев проходит ко второму столбу, проверяет цифры и останавливается рядом с ним. Он засовывает свои руки в карманы плаща и вздыхает, успокаивается, Вишницкий мимо него начинает не спеша проходить к третьему столбу, осматриваясь по сторонам.

ВИШНИЦКИЙ. Это надолго всё, Галактион? Ты же был уже один раз.

СТАРЦЕВ. Как повезёт. Бывает, и сутки стоишь, всё ждёшь. Бывает, сразу приходят. По-разному. Вставай вон там, как я, и стой.

Вишницкий проходит к своему столбу, осматривает его, засовывает руки в карман своей ветровки, но затем вынимает их, поправляет козырёк своей кепки и опирается правым плечом на свой столб.

Старцев и Вишницкий стоят примерно в четырёх метрах друг от друга.

СТАРЦЕВ. В конце каждого часа пять минут перерыв на свои потребности. В крайнем случае десять, но рискованно.

ВИШНИЦКИЙ. Да, ты говорил.

СТАРЦЕВ. И лучше не опирайся.

ВИШНИЦКИЙ. Почему?

СТАРЦЕВ. Нежелательно: скажут, много себе позволяешь. И оставят ещё стоять или пропишут общественные работы, или штрафами по инспекциям загоняют.

Вишницкий перестаёт опираться, делает два небольших шага от столба, расстёгивает молнию на своей ветровке.

СТАРЦЕВ. У нас, кстати, неплохой инспектор. Ответственный, серьёзный, только приходит обычно не сразу. Я у него в прошлый раз был — год назад.

ВИШНИЦКИЙ. А что, если не стоять у столбов?

СТАРЦЕВ. Не получится: увидят, вызовут на допрос, что-нибудь сделают за произвол, за прогул. Инспектор ходит, осматривает столбы, общается, надо тут стоять и ждать его.

ВИШНИЦКИЙ. Правильный ты, Галактион. Человек системы. Как же ты сюда попал? Да ещё второй раз.

СТАРЦЕВ. Не тому лизнул, не то сказал, не так подстелил. Бывают ошибки. Ты сам-то как, Даня?

ВИШНИЦКИЙ (*пару секунд смотрит на Старцева, затем отворачивается от него*). Тоже бывают ошибки. Понять бы вот только какие. Потому что я точно не мог кому-то лизнуть, да ещё и не так подстелить, а потом из-за этого стоять тут.

СТАРЦЕВ. Эти законы давнишние, они передаются из души в душу, одни люди наверху, другие внизу, иногда они меняются ролями, но законы остаются: кто ниже, тот слушайся, исполняй. Ты не до конца понимаешь мир, в котором живёшь.

ВИШНИЦКИЙ. А ты, я смотрю, вылитый Кусто: познал мир в глубину и даже по дну стучал. Океанограф человеческих душ.

СТАРЦЕВ (*вынув руки из карманов и начиная немного двигаться у своего столба*). Я считаю так, Даня. Нами правят люди, а каждый человек по-своему бракованный. И каждый требует, чтобы ему его брак лопухом прикрыли. Тебя вот поставь инспектором — гнилья из тебя выйдет много, ведь работа не сахар, быстро сдашься. И кто тебя будет поддерживать? Столбы? Они уже держат провода. Люди тебя будут поддерживать! И ты будешь им за это благодарен. Это разумная лесь, это взаимовыгодное сотрудничество.

ВИШНИЦКИЙ (*засунув руки в карманы ветровки и тоже начиная немного прохаживаться взад-вперёд*). А я и не сомневаюсь. Поэтому в такую профессию и не полезу. Тут нужно либо новый мир строить, либо достраивать ваш старый. Для нового мира я силы коплю, а старый меня утопит своей подкупностью и заберёт мои силы. Поэтому я свободный художник.

СТАРЦЕВ. Потому ты и обречён стоять у столба, Даня. (*Отворачивается от него, затем вновь пово-*

рачивается). Я знаю, почему ты тут. Из-за честности. Но ты не понимаешь: твоя честность эгоистична, чересчур упёрта, от неё нет проку ни другим, ни тебе. Ты человек, ты изначально совокупность недостатков. И другие тоже люди, и у них то же самое.

ВИШНИЦКИЙ. Твою скользкую правду понять тяжело, Галактион. А тем более принять. А вот честность понять очень просто.

Старцев сам вдруг опирается локтем и коленом на свой столб. И немного отворачивается от Вишницкого.

Вишницкий смотрит на него.

ВИШНИЦКИЙ. Галактион, ты же опираешься на столб. Инспектор увидит.

СТАРЦЕВ. А я не в первый раз, инспектор меня наверняка помнит. Если он придёт и увидит, что я опираюсь на столб, он сделает вид, что не замечает этого. Я помню, он закрыл тогда глаза на то, что я подебоширил на площадке на съёмках. Поговорили, и он даже без штрафа отпустил. Год назад.

ВИШНИЦКИЙ. А, ты же киноактёр, ты говорил. А кого ты играешь? Какое у тебя амплуа?

СТАРЦЕВ. Роли разные, бывают и второплановые, но в основном эпизодические, отрицательные.

ВИШНИЦКИЙ. Отрицательные? Например?

СТАРЦЕВ (*поворачивается к Вишницкому*). Бандиты, воры, жулики, алкаши, прохвосты. Без работы не сажу.

Вишницкий, вначале пытаюсь сдержаться, всё-таки начинает смеяться. Старцев, перестав опираться на столб, делает шаг к Вишницкому и наблюдает за ним.

СТАРЦЕВ (*слегка распалившись*). Смешно тебе, Даня? Ты далёк от этой профессии, ты не знаешь, сколько людей стоят на морозе и на жаре по 12 часов за тысячу рублей, играя роли прохожих, чтобы им потом — может быть, и когда-нибудь — достался эпизод в большой картине!

Вишницкий перестаёт смеяться.

СТАРЦЕВ (*продолжая*). Чтобы им досталась какая-нибудь роль с одной фразой, пусть это будет даже последний спекулянт, которого пнут из кадра на десятой секунде после его появления. А ведь я был целый год таким прохожим, прежде чем мне стали что-то предлагать.

ВИШНИЦКИЙ (*серьёзно*). Прошу прощения, конечно. Я сочувствую этим людям. Плохо, что места для исполнения мечты хватает не на всех. А ты смог, ты молодец.

СТАРЦЕВ (*продолжая более спокойно*). Они живут надеждой, которая у меня теперь стабильно есть два-три раза в месяц. Я семью кормлю, Даня, а ты-то вон свободный художник. У тебя жены и то нет. Не накопил, не заработал...

ВИШНИЦКИЙ. Да, у меня пока нет семьи, но я бы не стал на неё специально копить и зарабатывать, семья это же не автомобиль какой-нибудь.

СТАРЦЕВ. Ты среди людей живёшь, а тут свои стандарты. Если тут тяжело, то что сказать... Живи в лесу филином, угадай на луну, грейся у костра и спи на ветке до обеда.

ВИШНИЦКИЙ (*смотрит налево, в сторону Старцева*). Вон старик идёт какой-то.

СТАРЦЕВ. Местный житель, наверное.

Старик в рабочей одежде появляется справа, откуда заходили Старцев и Вишницкий. Он тянет за собой повозку на колёсиках и не обращает внимания на обоих, проходя мимо. Но в один момент он оборачивается на Вишницкого.

СТАРИК. Крепостные?

ВИШНИЦКИЙ. Мы не крепостные.

СТАРИК. А кто же?

СТАРЦЕВ (*Старику*). Крепостные мы.

СТАРИК. Ну, порядки помните, не буяньте, не бунтуйте.

СТАРЦЕВ. Мы дело своё знаем.

СТАРИК. Вот и хорошо. У нас тут всё тихо. Кругом лес, природа. Дышите, о плохом не думайте. Можете

к нам со старухой зайти. Хоть каждый час на пять минут забегайте, мы не против.

СТАРЦЕВ. Спасибо.

СТАРИК. Всё дадим, что нужно. Так что можете.

СТАРЦЕВ. Благодарим.

Старик проходит несколько шагов дальше и, завернув у бетонированного столба на узкую дорожку, входит через калитку к себе на участок, где виднеется чуть дальше узорчатый дом.

ВИШНИЦКИЙ. Почему мы крепостные-то?

СТАРЦЕВ. Потому что скоро мы обретём свободу. Я-то точно обрету, но и ты не оплошай. Инспектор придёт: отвечаешь как положено, лишнего не болтаешь. Что он скажет — делаешь.

ВИШНИЦКИЙ. Если мы крепостные, то инспектор — это вроде того помещик?

СТАРЦЕВ. Помещик, да. Государь, можно сказать. Как Александр II Освободитель.

ВИШНИЦКИЙ. Как генерал калитки скорее. Государь столбов.

СТАРЦЕВ. Вот смеёшься, а он услышит, придёт...

ВИШНИЦКИЙ. И посмеётся последним?

СТАРЦЕВ. А он не будет смеяться.

Картина вторая

Дом Инспектора. Большая зала, освещённая несколькими канделябрами и светом из двух окон, высотой каждое примерно в два метра. Горят и трещат поленья в деревянном камине, встроенном в стену. Около него — серые диван и кресла, в углу секретер с книгами на полках. У одного окна в пиджачной паре стоит

Инспектор и смотрит на длинную дорогу, уходящую к виднеющейся вдали церкви.

В большинстве случаев инспектор сдержанно-однотонен, а сейчас он начинает говорить хоть и негромко, но пафосно, патетично, акцентированно. Если он так говорит, то: делает паузы, а глазами, мимикой старается выразить все оттенки эмоций, так как голосом владеет слабее.

ИНСПЕКТОР (*смотря вдаль*). Это страна, где будешь жить ты, где будут жить твоя семья, твои друзья. Это страна, которой ты будешь гордиться. Это страна, в которой твои враги попадут прямиком в ад, а твои действия будут выражением желаний всего народа. Все твои решения будут правильными, все твои помыслы будут чистыми. А кто попытается тебе помешать, тот ничего не сможет сделать. И все, кто будут против тебя, будут предатели.

Звонит телефон. Инспектор засовывает руку внутрь пиджака и достаёт трубку с антенной.

ИНСПЕКТОР. Да, слушаю.

СОБЕСЕДНИК ИНСПЕКТОРА. Антон, двое тебя сегодня ждут, столбы ноль шесть и ноль семь.

ИНСПЕКТОР. Ноль шесть и ноль семь, принято. Справки-отчёты по ним готовы?

СОБЕСЕДНИК ИНСПЕКТОРА. Формируем, к тебе курьер скоро зайдёт, занесёт. Пока всё.

Инспектор засовывает телефонную трубку обратно в карман, прохаживается по комнате.

Входит Надя.

НАДЯ. А что делает мой инспектор?

ИНСПЕКТОР (*доброжелательно*). Надя, я должен побыть один ещё минут пять.

НАДЯ (*подходя к инспектору и обнимая его*). А я уже сейчас хочу побыть с тобой.

ИНСПЕКТОР (*отвечая на обнимания*). Я слышал твой звонок час назад, ты что-то заказала?

НАДЯ. Да, я через телемагазин заказала два инновационных препарата каких-то. Один лечит стрессы электроимпульсами, другой тоже какой-то такой...

ИНСПЕКТОР. Поднимает настроение.

НАДЯ. Да, что-то такое. У тебя вот очень часто хмурое настроение, Антош. Сейчас ты опять хмурый, серьёзный, ещё стоишь тут, разговариваешь сам с собой.

ИНСПЕКТОР. Ты же знаешь. Я пытаюсь сосредоточиться. Настроиться. Это самонастрой.

Инспектор подходит к секретеру с книгами, переводит взгляд с одной книги на другую.

Надя остаётся на месте.

НАДЯ. И последние полгода самонастрой один и тот же. Сколько столбов нужно будет обойти, кого нужно будет отпустить, а кого — задержать.

ИНСПЕКТОР. Сегодня я брал ноты выше.

НАДЯ. Иногда у этих столбов стоят люди, которые хотят послушать точку зрения недовольных, но их уже в предательстве подозревают.

ИНСПЕКТОР. Система несовершенна, и таких, о которых ты говоришь, я отпускаю сразу же.

Инспектор подходит к окну и смотрит оттуда вдаль.

НАДЯ. Твоя работа... какая она неправильная, вьедливая, душная.

ИНСПЕКТОР. Моя работа, при всех её недостатках, интересна, она очень сложна. Как я тебе уже говорил, если я продолжу делать всё гладко и не совершу ошибок, меня повысят до координатора или даже до зама по области, нам подарят коттедж, в котором мы сейчас живём, мне будут платить больше, у нас будут привилегии.

НАДЯ. Это будет здорово! Но не нравится мне, что этих людей называют крепостными. И все эти столбы, у которых они стоят...

ИНСПЕКТОР. Мы все люди, но когда они у столбов стоят, то они крепостные, а я для них инспектор. А это большая разница. *(Вглядываясь в низ окна).* Смотри: идут мои друзья. Открой им.

НАДЯ. Хорошо.

Надя уходит.

Слышен звук открывающейся металлической двери.

ГОЛОС ДРУЗЕЙ ИНСПЕКТОРА. Надя, здравствуй!

ГОЛОС НАДИ. Здравствуйте, здравствуйте! Проходите! Он в зале с камином, вон там, как обычно.

Слышны шаги. В залу входят друзья инспектора — два похожих друг на друга полноватых человека в пиджачных парах.

ДРУЗЬЯ ИНСПЕКТОРА (*здороваясь за руку с инспектором*). Ну, как работа?

ИНСПЕКТОР (*натужно и хитро улыбаясь*). Работа прекрасна.

Инспектор жестом приглашает своих друзей сесть на кресла близ камина. Они садятся, инспектор располагается на диване напротив них.

Зрители видят всех троих в профиль.

Друзья инспектора во время разговора большей частью широко и самодовольно улыбаются.

ДРУЗЬЯ ИНСПЕКТОРА. Как настроение? Как личная жизнь?

ИНСПЕКТОР. Как на службе. Вся жизнь — служба долгу.

ДРУЗЬЯ ИНСПЕКТОРА. Ты всегда был наш человек. Хорош во всём.

ИНСПЕКТОР. Я несовершенен, но учусь на своих ошибках.

ДРУЗЬЯ ИНСПЕКТОРА. И скромнен в меру. Устраиваешь всех. Почти.

ИНСПЕКТОР. Кто-то мной недоволен?

ДРУЗЬЯ ИНСПЕКТОРА. Есть люди, которые не понимают, откуда ты взялся, они чувствуют страх неизвестности. Ты же знаешь: наша корпорация — это один большой междусобойчик, а ты для многих чёрт знает откуда.

ИНСПЕКТОР. Я всегда много работал, это ценили.

ДРУЗЬЯ ИНСПЕКТОРА. Через месяц встреча будет, можем похлопотать о твоём повышении. Но нужно будет заплатить одной морде, его величество высоко сидит, ничего не делает и хочет много денег, ему всегда мало.

ИНСПЕКТОР. Кто таков?

ДРУЗЬЯ ИНСПЕКТОРА. Бывший полковник, мы ему помогли подняться как-то, а он собственного веса не выдержал. И теперь это пьяная жирная морда. Тратит на охрану, на машины, пиры у него каждую неделю, налево-направо раздаёт желающим должности. Не бесплатно раздаёт.

ИНСПЕКТОР. Я не буду рисковать своей репутацией. Лучше подождём, чем с этим отшельником связываться. Мне пока и так хорошо.

ДРУЗЬЯ ИНСПЕКТОРА. И то верно, инспектор... можно и подождать. Тебе виднее, ты у нас самый-самый. Кто ещё, как не ты.

ИНСПЕКТОР (*натужно и хитро улыбаясь*). Ещё есть мои друзья. Без них нет инспектора.

Инспектор и друзья инспектора улыбаются друг другу, друзья инспектора чуть-чуть посмеиваются.

Картина третья

Старцев и Вишницкий там же. Темнеет на улице, сумерки. Вишницкий спиной прислонился к столбу с невидимой зрителям стороны — и видны лишь его стопы, щиколотки, локти и часть кепки.

Старцев медленно прохаживается по кругу вокруг своего столба, держа руки за спиной.

СТАРЦЕВ (*остановившись и посмотрев на Вишницкого*). Не заснул там? А то ведь уснёшь, упадёшь, разобьёшься, рассыплешься. Кто будет подметать?

ВИШНИЦКИЙ. Нет. Не заснул.

СТАРЦЕВ. Спать нельзя. Придёт инспектор...

ВИШНИЦКИЙ. Знаю. Придёт и отругает, и выпишет штраф. Тошно всё это слушать, Галактион.

СТАРЦЕВ. Ладно, я знаю, ты другой, наивный ещё.

ВИШНИЦКИЙ. Пусть так.

СТАРЦЕВ. Ты ведь от меня отвернулся?

ВИШНИЦКИЙ. Нет, конечно. Я на красивый дом смотрю, в котором тот старик живёт. Потом по памяти постараюсь нарисовать.

СТАРЦЕВ. А, ты же художник. Ты меня про ампула спрашивал, а сам в каком стиле рисуешь? И что рисуешь?

ВИШНИЦКИЙ. Импрессионизм, реализм. Просто рисую как есть: людей, природу...

СТАРЦЕВ (*останавливается и прислоняется к столбу*). А почему картины Ван Гога так ценятся?

ВИШНИЦКИЙ. А что не «Чёрный квадрат» Малевича сразу? Спроси сразу про него.

СТАРЦЕВ. А это не импрессионизм.

ВИШНИЦКИЙ. Разбираешься немного, значит.

СТАРЦЕВ. В картинах Ван Гога что-то есть, но я не могу понять, что именно.

ВИШНИЦКИЙ. Но ты и не художник, тебе и не нужно.

СТАРЦЕВ. Почему? Нужно. Для саморазвития. Я актёр, мне ремесло художника близко. Мой товарищ начнёт играть Ван Гога через месяц в сериале, а я — Гогена.

ВИШНИЦКИЙ (*переходя на лицевую сторону и вновь прислоняясь спиной к столбу*). Ван Гог был трудоголиком, самым настоящим. Рисовал он вначале посредственно, а затем сам родил и развил свой художественный талант, выйдя из плохих картин на шедевры.

СТАРЦЕВ. Он мне уже нравится. Прямо завтра с Катей схожу в музей, где висят оригиналы Ван Гога.

ВИШНИЦКИЙ. Вскоре у него стали получаться уникальные картины. Он научился передавать впечатление так, как никто другой. Он смог передавать в статичной картине подвижность и яркость того, что изображал. Понимаешь?

СТАРЦЕВ. Почти понимаю. Я помню «Пшеничное поле с воронами», чем-то запало мне в душу.

ВИШНИЦКИЙ. Многие художники лгут, хитрят, обманывают, когда рисуют, придумывают несуществующий пафос, не до конца понимают мир, который они изображают. А Ван Гог родил собственный стиль, который был свежим, очень точным по передаче впечатления, очень поэтичным и одновременно простым, и это был его собственный мир.

СТАРЦЕВ. Это почти я. Где-то рядом. Только я ещё не выработал свой стиль.

ВИШНИЦКИЙ. Это не ты, Галактион. Во-первых, ты адепт собственного течения скользкой правды

и разумной лести, при таком раскладе искусства не жди. Во-вторых, есть созидательная работа, а есть «на-месте-стоятельная». Учитывая твои жизненные принципы, ты выполняешь ту, которая ближе ко второй. Когда ты работаешь над собой в поте лица — ты углубляешься в то, чтобы никуда не двигаться, ни вперёд, ни назад. В итоге ты ни рыба, ни мясо, и собственное предназначение в жизни то ли выполняешь, то ли нет.

СТАРЦЕВ. А, вон как. Развёрнутая оценка моей личности, спасибо, очень смело. А Ван Гог, оказывается, был чист, как младенец, и поступками, и мыслями. И отрезанное ухо, и попытки самоубийства, и его психозы — это всё было созидание, значит?

ВИШНИЦКИЙ. Его мозг и душа обнажались и бушевали. А у тебя бушует мелкая часть твоей натуры, бездуховно-бытовая, и она не даёт твоей творческой части хоть как-то проявиться. Если бы она проявилась, не играл бы ты ни алкашей, ни прохвостов. Тебя бы уговаривали Ивана Грозного играть.

СТАРЦЕВ (*перестаёт опираться, делает два шага от Вишницкого*). В облаках ты витаешь, художник. Меня бы никогда не уговаривали играть Ивана Грозного, потому что я бы сразу согласился.

Где-то далеко раздаётся женский голос: «Галактион!»
Вишницкий и Старцев поворачивают головы налево от себя.

ВИШНИЦКИЙ. Жена?

СТАРЦЕВ. Да. Катя, жена моя. Бежит. Поди, еду какую-нибудь несёт, но мне не до еды сейчас. От кого узнала, что я тут? Я же спрятал повестку.

Входит Катя Старцева: у неё доброе простое лицо,
голова окутана платком.

С собой у неё толстая вязаная сумка.

КАТЯ СТАРЦЕВА (*Старцеву*). Ну, как же так? И не предупредил. И ты считаешь, это нормально, да? Что тебя вызвали на столбы, и ты тайком уходишь? Галактион!

СТАРЦЕВ. Катя, ты же знаешь, столбы или что ещё — я из любых ситуаций выкручусь, ещё и магарыч дадут, и визитку возьмут, и спасибо скажут.

КАТЯ СТАРЦЕВА *(пытается его обнять)*. Ой, дай обниму тебя!

СТАРЦЕВ *(делает предупреждающий жест рукой)*. Нельзя, столбы же.

Катя останавливается в метре от мужа.

КАТЯ СТАРЦЕВА. Да, точно.

СТАРЦЕВ. Тебе ведь и находиться тут нежелательно. Десять минут можно, и то если причина есть. Ведь смотрят на нас, камера тут записывает.

КАТЯ СТАРЦЕВА. Ладно, поняла. Ну, как так, скажи? Что тебе вменяют-то? Где ты что натворил?

СТАРЦЕВ. Не написали, как и в прошлый раз. Стою, жду, гадаю. Но всё несерьёзно, какой-то пустяк. Что я мог натворить-то? Ерунда.

ВИШНИЦКИЙ. Здравствуйте.

КАТЯ СТАРЦЕВА. Ой, здравствуйте, молодой человек. А я увлеклась. А мне сказал наш сосед, который собаку свою на болотах выгуливал, что с вами Галактион ушёл. Вы же недалеко от нас где-то живёте, да? Данил вы, по-моему?

ВИШНИЦКИЙ. Да, я Данил. Недавно в ваш посёлок переселился, у нас с Галактионом повестка на одно время и на одно место, вместе шли пешком. А как раз на болотах пересеклись.

СТАРЦЕВ. К одному времени пунктуально шли и встретились.

КАТЯ СТАРЦЕВА. Ой! Сок! Яблочный. Так, быстренько. И бананы, и хлеб с ветчиной, и филе я положила покушать. И вилочки, и тарелочки.

Катя стелет клеёнку между двумя столбами, где стоят мужчины, на неё она торопливо выкладывает продукты, завернутые в пакеты. Кладёт также две бутылочки яблочного сока.

КАТЯ СТАРЦЕВА. Быстренько. По одному подходите, рассовывайте по карманам, а в перерыве будете

кушать. Кушайте обязательно. Инспектор-то, может, к ночи придёт, а то и под утро даже.

СТАРЦЕВ. Сок из анисовых яблок?

КАТЯ СТАРЦЕВА. Да. Из твоих любимых.

Вишницкий подходит, берёт бутылочку с соком, один банан и кладёт в свою ветровку.

КАТЯ СТАРЦЕВА. В какую-нибудь избу-то, может, пустят разок? По надобности хотя бы, знают ведь, кто вы...

СТАРЦЕВ. Да пустят, сами даже предложили, всё тут как по маслу идёт.

Старцев берёт остальные продукты и рассовывает в плащ.

ВИШНИЦКИЙ (*Kame*). Спасибо вам.

КАТЯ СТАРЦЕВА. Да что вы. Конечно. Не люблю, когда мужчины голодны.

СТАРЦЕВ. Если до ночи не приду, значит, утром буду. Корми собаку, ложись и не думай ни о чём.

КАТЯ СТАРЦЕВА. Ладно-ладно, дай ещё минутку хоть постою, посмотрю на вас, позорников.

СТАРЦЕВ. А почему позорники? Не тюрьма же. Постоял, подумал о жизни, ушёл. Молодец, что пришла, Катя. Но ты иди, а то ведь выпишут лишний штраф.

КАТЯ СТАРЦЕВА. Ладно-ладно. Ну, держитесь тут. Всё, я клеёнку забираю. (*Сворачивает клеёнку и кладёт в свою сумку*).

СТАРЦЕВ. Иди, Кать, и не беспокойся.

Катя Старцева уходит.

ВИШНИЦКИЙ. А целый багаж у тебя, Галактион. И жена есть, и актёром стал, и убеждения какие-никакие наскрёб. И дети тоже есть?

СТАРЦЕВ. Двое, в школу ходят.

ВИШНИЦКИЙ. Молодец.

Из калитки выходят старик со старухой и начинают проходить мимо мужчин.

СТАРУХА (*глядя то на одного, то на другого*). Ребятки, мы про вас помним, калитка не заперта. Можете заходить. А мы к ночи придём, мы к соседям.

СТАРИК. Уж скоро без пяти семь будет. Зашли — посидели, на столе еда есть. Ваши законные пять минут.

СТАРЦЕВ. Спасибо. Нам только что принесли еды немного, жена моя приходила. Но мы зайдём, наверно, раз можно за стол сесть.

СТАРИК. Заходите, конечно.

СТАРЦЕВ. Потом специально приду к вам, как освободят, занесу гостинцев.

СТАРИК. А вы так приходите.

СТАРУХА. Приходите без гостинцев, у нас детей нет, внуков нет, мы одни.

СТАРЦЕВ. Обязательно зайдём! Может, на днях зайдём.

СТАРУХА. Ну и хорошо. Удачной вам встречи с инспектором!

СТАРЦЕВ. Уж и вы удачи желаете. Значит, всё хорошо пройдёт.

СТАРИК. Ну, с богом!

Старик и старуха проходят дальше (вправо от зрителя) и исчезают за сценой. Старцев засовывает руки в карманы, смотрит вверх.

СТАРЦЕВ. А вон и звёзды уже виднеются чуть-чуть. Чистое небо. И луна полная.

ВИШНИЦКИЙ. И крепостные у столбов стоят. Сами не зная зачем.

СТАРЦЕВ. Это ничего, скоро узнаем. Придут. Скажут.

Картина четвёртая

Зала в доме инспектора. Инспектор переворачивает кочергой поленья в камине, затем садится на диван и нажимает на пульт красную кнопку.

Включается экран на стене над камином (в виде изображения с проектора).

С правой части экрана входят Старцев и Вишницкий.

Инспектор немного перематывает, затем останавливает перематку.

СТАРЦЕВ. Лучше не опирайся.

ВИШНИЦКИЙ. Почему?

СТАРЦЕВ. Нежелательно: скажут, много себе позволяешь...

Инспектор ставит на паузу, берёт трубку телефона, набирает номер и подносит трубку к уху.

ИНСПЕКТОР. Занято. Ладно, посмотрим пока чуть-чуть.

Инспектор немного перематывает и нажимает на пульте «воспроизвести».

ВИШНИЦКИЙ. Тоже бывают ошибки. Понять бы вот только какие. Потому что я точно не мог кому-то лизнуть, да ещё и не так подстелить, а потом из-за этого стоять тут.

Инспектор вновь перематывает и в один момент нажимает «воспроизвести».

ВИШНИЦКИЙ. Для нового мира я силы коплю, а старый меня утопит своей подкупностью и заберёт мои силы. Поэтому я свободный художник.

Звонит телефонный звонок. Инспектор берёт из кармана трубку и прикладывает её к уху.

СОБЕСЕДНИК ИНСПЕКТОРА. Антон?

ИНСПЕКТОР. Да.

СОБЕСЕДНИК ИНСПЕКТОРА. Смотри, там такую фразу он произносит, говорит в шутку, что ты генерал столбов. У него интонация тут повышается, и он мне кое-кого напомнил и в этом моменте, и косвенно в других. Возможно, это наш копатель, который компроматы роет и протесты устраивает. Его все наши знают, ты же ведь тоже в курсе?

ИНСПЕКТОР. Я в курсе. Мы потеряли его след полгода назад, но копать он продолжил и сам себя закопал глубоко ото всех, на это у него талант.

СОБЕСЕДНИК ИНСПЕКТОРА. Да. Мы до сих пор не знаем, как он выглядит, но зато имеем его голос. Очень похоже, что это он, и если это так, то это здорово. В справке у тебя есть информация по нему и по

второму — формально они по мелким нарушениям там, особенно ноль шестой. Во-первых, прослушай первые полчаса запись, чтоб представлять в первую очередь этого ноль седьмого. Во-вторых, приходишь, говоришь с ними, всё формально делаешь, отпускаешь ноль шестого, говоришь, чтобы шёл и не ждал. А потом ноль седьмого расспрашиваешь побольше, тоже отправляешь, мы онлайн смотреть-слушать будем. Ноль седьмой пусть в поле идёт, откуда пришёл.

ИНСПЕКТОР. Всё понял.

Инспектор отматывает запись назад и нажимает «воспроизвести». Он кладёт вытянутую руку с пультом вдоль спинки дивана. Старцев и Вишницкий появляются с правой части экрана.

СТАРЦЕВ. Вот здесь. Наверное, вот здесь. Если на этом столбе написано... *(Подходит близко к первому столбу, ищет табличку)*. Если написано «шестьдесят три ноль четыре»...

ВИШНИЦКИЙ. А что за улица-то? Тоже писателя какого-то?

СТАРЦЕВ. Улица одного из писателей, да.

ВИШНИЦКИЙ. Оруэлл, наверно. Или Кафка.

СТАРЦЕВ. Не знаю, тут все наши вроде должны быть...

Конец первого действия

Семинар поэзии

Руководители:

Максим ЗАМШЕВ (г. Москва) — поэт, писатель, главный редактор «Литературной газеты».

Светлана ЧУРАЕВА (г. Уфа) — прозаик, публицист, поэт, переводчик.

Дмитрий МУРЗИН (г. Кемерово) — поэт, журналист, ответственный секретарь журнала «Огни Кузбасса».

Максим Замшев:

«Фестиваль сейчас — важнейшее условие литературной жизни, поскольку для писателя очень важна среда. Мало кто развивается сейчас в силу глобализма, энтропии: в крупных городах, мегаполисах, нет этой среды. Из-за отсутствия передвижения, отсутствия каких-то средовых мест всё пришло в интернет, а он эту среду, к сожалению, не компенсирует. И момент личного общения, встречи с мастерами, знакомства друг с другом, протягивание каких-то нитей на всю дальнейшую жизнь, дружбы и каких-то творческих содружеств — всё это происходит именно на таких фестивалях. Я считаю, что фестиваль Анищенко решает эту задачу в общем-то сполна.

Удовольствие от того, что твоё дело не будет потеряно после твоего ухода. Что есть поколение, которое тоже занимается этим бесполезным и безнадёжным делом — литературой. И, наверное, всё-таки это знамя не упадёт. Приезжают молодые и образованные люди, которые хотят заниматься литературой, хотят её знать и хотят, чтобы Россия занимала то место, которое достойна занимать.

*Семинар поэзии
(руководители – Максим Замиев,
Светлана Чураева и Дмитрий Мурзин)*

Вероника Баранова

пос. Пригородный Саратовской области

Фототропия

Я не понял ещё, чем я вырасту в мире этом,
А молочная память зерна с каждым днём туманней.
Всё, что знаю пока я: что жизнь — это тяга к свету,
И уж в этом никто никогда меня не обманет.

Раз из почвы я вышел — я вышел за светом выше,
Раз прорвался из холода — лучше сгорю в пожаре.
Солнце! Ради тебя и с тобой я не тот, кто дышит,
Как другие, земные, обычные дышат твари.

Но за каждым закатом ползут над землёю тени,
Паутинные коконы страхов тревожа старых,
И слепые голодные черви ночных сомнений
Заставляют побег извиваться в тугих кошмарах.

И глотаю я воздух, как звери, — прошу, хватило б —
Потеряв направление, готов я сорваться с корня:
Может, это не ночь наступила, а я не в силах
Стал добраться до света — и следует быть упорней?

Может быть, мне тебя заслонили... Но жизни хватит
До тебя дотянуться из чащи других растений:

Я готов оттеснять, обвивать их и убивать их,
Мне любое препятствие станет к тебе ступенью.

Я не знаю, как выгнется стебель, как извернётся
Каждый лист каждой жилкою в воздухе несогретом
До секунды, когда я поймаю твой первый отсвет,
Только — разве уродовать может стремленье к свету?

Я не знаю, чем буду, и некому мне пророчить,
Я не помню, чем должен был стать я, но, мне сдаётся,
То, во что превращаюсь я с каждой кошмарной ночью, —
То, на что я готов ради права тянуться к солнцу.

* * *

Когда мне было лет — и дней — ещё нисколько,
Я задержался, лишь достиг упрямой грани.
Но смог вернуть не душу мне — дыханье только —
Обычный смертный: в этот миг Творец был занят.

Дождём ноябрьская гроза чернила дали.
Стал кожи тон слегка теплей пустого бланка,
Открылись тёмные глаза — в них отражалось
Всё так же ярко, как в стекле с глухой изнанкой.

Не подходи на лишний шаг — и не заметишь...
Я сам не видел до поры, я сам не слышал,
Пока не понял, что дышать и видеть в цвете
Могу, лишь слыша, как в других живое дышит,

Что только истинный мотив поймав случайно
В холодной пёстрой кутерьме мелодий зыбких,
Я запою — и буду жив, и стану тайной,
Как свет, что выслежу во тьме я без ошибки.

Но много тьмы. Так много тьмы, так мало места —
И слишком много голосов взывает к небу.
Как не прочесть в глазах немых дурные вести:
Что и с душой, в конце концов, я нужен не был?

Что я порочное звено в цепи порочной,
Что я не стоил ночи мук — и даже часа?
Не знаю, честно. Но одно я знаю точно:
Я выжил только потому, что мир прекрасен.

* * *

Я приду к тебе под окна, в чуткий сон ночного сада,
Разодрав рукав рубашки о забор и ежевику,
И в венки моих сонетов невзначай вплету баллады,
Альбы, гимны и рондели, и мотив какой-то дикий.

Я сейчас крылат бесстыдно. У меня такие крылья!
Тонкий звон, витражный парус...

Вряд ли кто добьётся толку,
Мне сказав, что я придумал их стеклянное веселье,
И, быть может, до рассвета я проснусь на их осколках.

А они вопьются в плечи, отрезвляем изувечив,
Доберутся и до сердца, что давно стучит неровно,
И забьётся чувство в мути обесцвеченных наречий
(Только жаль, я не в прошедшем «безнадёжно»
и «безмолвно»...) —

Так в коробке, где, как надо, мотыльки застыли рядом,
Вдруг живой зачем-то бьётся — с крыльев сыплется
сиянье...

И таких видений тени не залить пьянящим ядом?
Я и так давно отравлен, хуже мне уже не станет.

Я приду к тебе под окна, я легко и без опаски
Упаду в росистый стрёкот, в листьев пёстрое мерцанье,
Я такие сны увижу, сочиню такие сказки!
Расскажу себе про шёпот и про робкое дыханье,

Расскажу, что в окнах видел тёплый круг свечного
света...

Звёзды слепы, ночь сырая дышит запахом эфира,
Ты не слышишь, ты не дома, я давно не знаю, где ты,
Но приду к тебе под окна и усну в обнимку с миром.

Юлия Борзова

г. Фокино Приморского края

Небо заболело

Небо заболело... Простудилось —
 Кашляет седыми облаками.
 Мелкая серебряная сырость
 Пробралась с осенними ветрами.

Небу в помощь спешают клёны —
 Вяжут шарф оранжевою ниткой.
 Хвойный лес иголкой зелёной
 Дошивает мягкую накидку.

Отблеск лунный молоком топлёным
 Наполняет Озерные чаши,
 Торопливо розы куст медовый
 Сыплет лист в тумана простоквашу.

Жаркое небесное светило
 Наливает в кувшинёк из злата
 Небу, что под осень простудилось,
 Тёплый чай с малиновым закатом.

Юный капитан

Бушуют огромные волны,
Кипит седой океан,
А парус причудливой формы
Всё рвётся к другим берегам.

Он гордо встречается с бурей,
Он верит в победу свою —
Летит остроносою пулей,
Сражаясь в неравном бою.

И силы уже покидают,
Но вот, на последней волне
Стремительно парус взлетает
Навстречу к далёкой луне:

Ей шлёт своё дерзкое сердце
И мысленный тёплый привет.
Луна океанскую бурю
Усмиряет ему в ответ.

Теперь к берегам далёким
Открылся серебряный путь
И парус по водам глубоким
Несётся, расправив грудь.

И пусть буря страшная — ванна,
А пена с водой — океан,
Пусть мама любимая знает:
Растёт у неё капитан!

Никита Бунтавской

г. Санкт-Петербург

Городской фронт

Бойцы — домой! Все с фронта ждут вагоны.
Полки построены в парадный ровный ряд —
Зубов неточеных — в улыбке батальоны
На бастион толпы накинуться хотят.

Полковник отставной от армии свободен.
Свобода топчется на нём. Мундир весь смят.
Он воевал в метро, он прорывал кордоны.
И часовым не спал, пока другие спят.

Был ранен трижды. В голову и сердце.
Смеясь над лёгкими, травил угарный газ.
За эти подвиги был награждён надеждой,
Что луч надежды вовсе не угас.

Ему топтали ноги гусеницы-туфли
И близ ушей неслись то пули, то слова.
Бредёт домой. В дом инвалидов. Рухлядь,
А никакой уже не бравый, не солдат.

Отечество не помнит, не тревожит
своих сынов.

Домашний генерал
Всё спит и видит сон, где столько прожил.
Сегодня он своё отвоевал!

В чём секрет скорби кота Бориса?

Для кота Бориса
Недоступен Вискас,
Ведь у брэнда Вискас
Есть своя артистка —

Это Бетти киска
(Та эквилибристка).
Ей продюсер — кис-кис!
До смерти затискал.

Но коту Борису
Не до Бетти киски.
Виски скисли в миске,
Мышь сосиску сгрызла.

Платят только кормом —
Китикетом вздорным.
Клок подходит к горлу;
Жизнь — кошачье порно.

Все дурные мысли
На усах повисли.
И вообще, Борис ли
В кадре так неистов?

Или каскадёром
Был вполне матёрым?
Лжеборису в пору
Шкура гастролёра.

Вот кошачье горе!
Сил не будет вскоре.
Помни, помни, Боря,
Стой, memento mori.

Александр Бухарин

г. Ульяновск

* * *

*В моей руке — какое чудо! —
Твоя рука
А.А.Фет*

Я к морю вышел за ворота.
Шаги легки.
Зажег в тумане звезды кто-то
И маяки.

Печальный крик над ширью зыбкой-
То чаек крик.
Мне руку протянул с улыбкой
Слепой старик.

Кружатся пары. Платья, фраки-
Как мотыльки.
Огни судов близки во мраке
И далеки.

Мну травы ярче изумруда-
Земли шелка.
В моей руке — какое чудо!
Твоя рука.

* * *

Утро. Травы в инее
В плен заключены,
Хмурым небо синее
Стало до весны.

Звонок лес охотою,
Гулок стук подков
В листьях с позолотою
Звук твоих шагов.

Поднят зверь визгливыми
Голосами псов,
Гонят с переливами
В поле из лесов.

В воздухе расколотом
Съёжились дома —
То пугает холодом
Близкая зима.

* * *

В.М.

Как волны рвут на части сушу,
Как зверь, оскалась и хрипя,
Так я в пути преграды рушу,
Спеша скорей обнять тебя.

Как всадник хмурый, бросив стремя,
С конём, в лесною глубине
Я и безжалостное время
Остались вновь наедине.

Леса одеты в сотню масок,
Поля — пустынный циферблат,
Глядят вослед герои сказок
Из малахитовых палат.

Как птица в клетке ждёт свободы,
 Как зелень жаждет света дня,
 Как косарь в поле ждёт погоды —
 Так ты, друг милый, ждёшь меня.

* * *

Стемнело. Еле уловимы
 В окошке ельник, хмурый плёс.
 Мгновенье — и проходит мимо
 Вагон под мерный стук колёс.

Горячий шёпот за стеною
 «Люблю!» — неведомо кому.
 Пространство делится луною
 На полусвет и полутьму.

Дерев мелькающие плечи,
 Игра теней под потолком,
 Пустые, тягостные встречи
 И мысли всеу ни о ком.

* * *

Л.М. Безденежных

Грохочет гром. Вскочить с постели
 И распахнуть окошко в сад,
 Где из небесной колыбели
 К земле седой стремится град.

Удар раскатный за ударом,
 Горошком на тропинках лёд
 Земля, иссушенная жаром,
 Губами жадно воду пьёт.

Но вот стихает. Беспорядок
 Царит в растрёпанном саду.
 Лежат, побитые, меж грядок
 Цветы, не ждавшие беду.

Дина Дабришюте

г. Псков

* * *

1

Влюблённые в молодость,
если не выходить из комнаты,
то не дышишь солнцем — спасёшься,
останешься независим.
Вдохнул — и уже болен.
Потому что дышать нужно только парами.
Только две пары танцоров в груди
у каждого.
Танцуйте вчетвером.

2

рубашечки в клеточку
любовь к Дэвиду Боуи
бесконечно влюблённые в молодость
только в молодость

3

сидеть на земле в апреле не холодно
 голые шеи с рябиновыми следами
 тепло и молодо
 молодо и голодно
 голодно и похотливо

О.Б.А.

Ночь. Час, два, три.
 Сквозь штору — фикус
 Слоном Сальвадора Дали.
 Причины бессонницы образцово не новы,
 О них где угодно послушать, прочесть
 (и шёпотом:
 Если бы
 Если бы
 Если бы ты только знала,
 Сколько
 Сигарет выкурено в твою честь).

Лирический герой(-иня), моё искомое «Ты»,
 Несуществующий образ того, что принято — счастьем.
 Да, на самом деле мне нравилась только ты,
 В каждой предыдущей кошке(собаке) подруге твои
 черты и страсти.

На каком языке и о чём допьяна говорю?
 Всё теряюсь, всё млею,
 Девчонкой иду, истуканом смотрю и немею,
 Послезавтра все сегодня вчерашнюю встречу тороплю.

Начинается жизнь, когда знаешь наперекор:
 всё случится
 В этом доме, городе, мире — наверняка.
 Минимально ещё раз три мне придётся родиться,
 Чтобы слушать твой голос, доставая звезду с потолка.

Наталья Забегалова

г. Нижний Новгород

* * *

пытаюсь отмыть свою чашку от чая в пакетиках,
кипит электрический ч — в проводах вода.
сухие по стенам развешаны травы в букетиках:
ромашка, крапива и сорная лебеда.

лежит пыль на полке и старой избитой столешнице,
смахну рукавом воскресенья, задумаюсь в пол.
проснётся унынием в теме забытая грешница
и запричитает, замнёт разноцветный подол.

а чайник остынет секундой до бледной сукропости,
засветится утро за серостью облаков,
и мир обретёт очертания в кубиках громкости,
что сахаром тают в горячности кипятков.

* * *

пошла носом кровь — в голове слышен звон
колокольчиков,
разжала рука — заметутся осколки потом,

блесна потянулась из глаз, заколола игольчато,
зардели ожоги рябиновым спелым кустом.

и горько так вспомнились смерть и печали забытые,
саднящие свежими строчными и ломотой.
внутри тянет важное, ломкое, жадное, битое:
рассудок и чувства явились со всей прямотой.

положены силы на вос- и другое питание,
мораль по копирке обводит прошедшее лет,

сбежала...
от пристального
«внимания»,

достала по средствам, увы, несчастливый билет.

а после боялась быть с кем-то, не в одиночестве,
на перекрёстках не ссыпали фонарей,
и я сочиняла бессолнечные пророчества,
без тела и возраста
старых,
мужчин,
детей.

рождаются в муках, уходят в не менее, далее
по крышам болезни, законам — и что? — любви.
но в памяти не затираются все страдания,
тверды и черны в нас простые карандаши.

тверды и черны в нас простые карандаши.

Елена Козлова

г. Самара

* * *

Пропал закат в лазури неба,
И смыт дождём суровый зной,
И в Волге тонут до рассвета
Печали, смытые волной.

Тоска печёт, тоска не дремлет
И жжёт сплетение в груди,
Предвидя вечные проблемы,
Что осень сулит впереди.

Предвидя тёмные мгновенья
Сквозь золото осени поры,
Отсрочить сладкое мученье
Душа сегодня не спешит.

* * *

Я не раз очарованный странник,
 Всё бреду по дорогам судьбы,
 Я богов никудышный посланник,
 Что о благе совсем не трубит.

Я брожу по дорогам пустынным,
 Одинокó тушуюсь в толпе.
 Пролетают по пробкам машины,
 Говоря мне, что я не в себе.

Замирая в едином мгновенье:
 Быль и небыль, что здесь и сейчас.
 Лишь момент может быть откровенным,
 Лишь для смелых. А может, для нас.

* * *

Мы всю жизнь спешим куда-то,
 Мы всю жизнь бежим... бежим...
 Свет души своей не тратя,
 Мы скорее жить спешим.

Куча целей, дел и планов,
 Сердце, как секундомер,
 Отмеряет аккуратно
 Свой отчаянный предел.

Мы спешим, бежим и злимся,
 Что-то в жизни не успеv.
 Только смерти не боимся.
 Даже сильно поседев.

Оксана Косова

г. Барнаул

Романс

Приснись мне, милая, — тебя я поцелую,
В объятиях пламенных сожму и прошепчу:
«Как розу красную, волнующе живую,
Тебя от напастей, невзгод я сберегу».

Начнёшь петь песни ласковым, лиричным,
Протяжным и высоким голоском —
Внимать смиренно буду и ритмично
Я подпевать махровым, льющимся баском.

Случится, что цветок мой начнёт вянуть,
Страсть постепенно станет угасать,
Поставлю в вазу я три розы алых
С цветком увядшим, чтоб былое вспоминать...

Аромат пиона

Аромат пиона — пьяный до зари!
Я горю неистовым пламенем любви.
Прикоснусь губами к лепестку цветка,
А пион, ласкаясь, напоит слегка

Сладким ароматом, запахом весны
 Нежным и приятным, словно мои сны...
 Аромат пиона... Обожгусь глотком
 Жгучего нектара, каждым лепестком.

Пьяный, одурманенный, весь в песке, в пыли,
 Я стремиться буду к краю той земли,
 Где растёшь, дитя моё, одиноко ты
 И стоишь уныло, ждёшь своей весны.

«Я иду, ты слышишь? Я ищу тебя!
 Облетел планеты, обогнул моря.
 Я искал повсюду чудный образ твой,
 Ласковый и нежный, и такой родной!»

Но в ответ молчанье. Только иногда
 Чудится сиянье моего цветка...

Аромат пиона, пьяный до зари,
 Век мани, дурмань ты пламенем любви!

* * *

Вечер. Тускло горят фонари,
 И крылом своим бархатным чёрным
 Все луга и поля, и сады
 Ворон зоркий накрыл до восхода.

Засыпает живое кругом,
 Но кукушка-гадалка не дремлет.
 Всё считает года и тайком
 Отмеряет нам жизнь безвременно.

А в сторожке дед Пётр живёт
 И «кукует» себе понемногу.
 Только глух он и нем навек,
 И не слышит «ку-ку», Слава Богу!

Варвара Малыгина

г. Уфа

* * *

Пройти, хоть, боюсь, нескоро
Душа прекратит болеть,
По улице, по которой
Ходила так много лет.

И вроде не стоит плакать:
Второй на подходе март.
Вот памятный супермаркет,
Который любила мать.

И будто бы чужестранка,
Я мимо иду — зачем? —
Ближайшего к дому банка.
Тут — школа, а там — мечеть.

Прямая дорога между
Напомнит о лучших днях.
Здесь всё точно так, как прежде,
Но только здесь нет меня.

Вернуться мечтать не вредно,
Но лучшая жизни часть

Закончилась — снова еду
Туда, где живу сейчас.

Свою всё имеет цену,
Через жизнь пролегла межа...
Так долго катить до центра,
Что лучше не выезжать.

Зато — красота пейзажа
(Да ближе небес лазурь)
И крыш девятиэтажек,
Что там, далеко внизу.

Простёрлись огни промзоны
И вышек её, и труб
До самого горизонта.
Над этим всем на ветру

Стоять с непривычки страшно,
Но в прошлом те времена.
Здесь выше всего две башни —
Моя и ещё одна.

И ниже, чем мы, салюты
Сверкали на Новый год.
Но тихо здесь абсолютно
Внутри, что важней всего.

Опять засиделась. Поздно.
Лишь где-то вдали в ночи
Собака залает, поезд
Колёсами простучит.

Да в вытяжке ветер воет
И бьётся в моё окно.
Ищу или нет покоя,
Всё ж лучше здесь жить одной.

Однажды мне станет легче.
Забудь то, что было до,
Не выйдет, но сей скворечник
Теперь навсегда мой дом.

И пусть выбираться в город
Не хочется каждый раз:
И до остановки — в гору,
И с той стороны гора.

Окраина, дом в низине —
Похоже, моя судьба.
Здесь тоже есть магазины,
Здесь тоже есть рядом банк.

Она

Она захотела тебя, как вещь,
Что хочешь ты, позабыв спросить.
Был безразличен бы твой ответ,
К цели стремясь, не жалела сил.

Она украла тебя, как вещь,
Выложив фото с тобой в сетях,
Чтоб видел каждый, теперь ты весь
Только её, только с ней. Хотя

Жаждала их показать кому?
Вряд ли подругам и вряд ли мне.
Это, скорей, чтобы бывший муж,
Их увидав, пожалел о ней.

Да, я, наверное, всё пойму,
Тут на вопросы ответ простой —
Я не спрошу тебя «почему?»
Я не спрошу у тебя «за что?»

Нам больше не о чем говорить,
Ясно и так: разошлись пути.
Она получила тебя, как приз.
Только она тебя не простит.

Ты ей заплатишь за всё, поверь,
Позже тебе отомстит она.
Не бросит, выбросит, будто вещь,
Которая больше ей не нужна.

Даниил Ноздряков

г. Ульяновск

* * *

девочки ждали мальчиков в гости
 стекляшками нарезали млечные стебли осота
 на большой лопух положили жаркое
 из песка, украшенное цветком одуванчика
 лена принесла бокалы из дома
 коктейль из дождевой воды
 соломинки цикория

в шалаше у дальней помойки
 возле трансформаторной будки
 праздновали примирение инны и сени
 семейные будни

*я хочу, чтобы он принёс мне букет красивых цветов
 он не обещал, но я надеюсь, что догадается
 меня в семье называют барышней-крестьянкой
 за мою любовь к полевым цветам*

полетели бокалы в стену
 расплескалась дождевая вода
 на песчаное жаркое

другая вода потекла по розовому лицу инны
лена не ругалась за разбитые бокалы
солидарность

как он смог принести букет из крапивы?
это наши отношения, он говорил, жгут и нежные
на вид

я хотела просто полевых цветов

кто же поймёт этих женщин
мне бы лучше мячик
лучше велосипед

Денискины рассказы

утром

дымчатая кошка сидела на половике
перед железной дверью
в квартиру

в обед

дымчатая кошка сидела в коробке из-под обуви
— коробка красная —
коробка стояла на половике
перед железной дверью
в квартиру

вечером

коробка из-под обуви сидела на
половике перед железной дверью
в квартиру

вывод средневековых алхимиков

так и напрашивается
кошка впиталась внутрь коробки
из-под обуви
на половике перед
железной
дверью в квартиру

так ли это?

ведь она живая и светится

Евгения Решетникова

пос. Гашун, Калмыкия

* * *

Бытовая уютная развязная
телесность
побеждает
цветаевскую психею.
И, быть может, любить бы Парнок,
Пастернака, быть музой,
женой невечерней,
рождать бы лишь гениев,
их же казнить непомерно —
только
телесность.
В любви
к стирке, мытью посуды,
к предсказуемости
подзаконной,
к нежеланию войн, революций
и толп разъярённых идейных —
телесность.

Греховность трусости.
Ева, сорвавшая плод,
отдавшая мужу.
Смирение и принятие
плоти.
Чело-
вечности

* * *

Котёнок когтистыми пальчиками
играет моим крестом.
Как делал бы это, наверное,
новорождённый сын.
Целый триместр белого шума.
Рассылка во все соцсети.
Поставьте лайк, подпишитесь.
За-ре-гис-три-руй-тесь на нашем канале.
Свайп влево. Свайп вправо. Побег
гиперссылкой на новый слой.

Котёнок уснул.
Скользит по горилла гласс
натруженный палец, наверно, без
отпечатков.
Регис-трация. Радио. Вцио... Эмм.
Это не спам.
Это не спам
Это не...

Александра Соколенко

г. Майкоп

Домик у моря

Давай купим домик у моря?
Уютный и окнами в сад,
цветут вдоль забора левкой,
беседку оплёл виноград...

Состаримся, станем свободны
от дел, от забот и от бед
и с бризом приморским холодным
встречать часто станем рассвет.

Нам будет уютно с тобою
вдали от больших городов;
тебя в кресле пледом укурю,
ты скажешь мне: «Кофе готов».

Я буду тебе вечерами
подолгу негромко читать,
построим фрегат с парусами
размером с большую тетрадь.

Ты будешь счастливым и мудрым,
я стану смелей и добрей;

мы станем спокойны, как Будда,
на склоне оставшихся дней.

Мы будем гулять по причалу,
на море считать паруса;
печаль навсегда замолчала,
блаженство парит в небесах.

Ожидание

Закаты болью красны,
Сентябрь сквозь сердце пророс,
А твоего мне — лишь сны
Да серебро средь волос.

А мне теперь только ждать
Среди бескрайних дождей
И, как молитву, шептать:
«Ты скоро будешь ничьей».

Не вспомнить да не прочесть
Чужое имя твоё;
А ты вернёшься? Бог весть,
А за окном — вороньё...

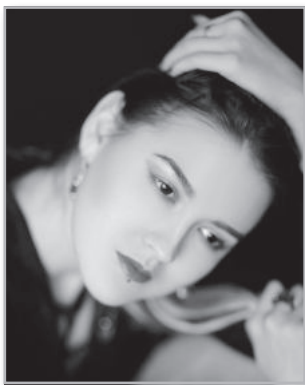
И чешуя облаков,
И все дворцы — из песка,
И бастион страшных снов...
И по быломu — тоска.

А в тех краях — хорошо,
Свободно, тихо, светло,
И хорошо, что ушёл:
Тебе там будет легко.

Я, как всегда, буду ждать
Перед открытым окном
И лишь тебя вспоминать...
Покойно думать о том.

Анастасия Устинова

г. Оренбург

Изыск

Наши чертоги без окон.
 Наши бои без агрессий.
 Наши диоды без тока.
 Наши пластинки без песен.

Наш коматоз без видений.
 Наши пейзажи без красок.
 Наши мечты без забвений.
 Наши обличья без масок.

Там на рассвете пламя.
 Там на закате осень.
 Там под ногами знамя.
 Там не таких возносят.

Будней пустая рутина.
 Свет, что ведёт во тьму.
 Сто и одна причина,
 Чтобы побыть одному.

Каждый твой вдох — провокация
Либо смертельный риск.
Только не надо оваций
За шутовской мой изыск.

Там за родным порогом
Вотчины горький дым.
Каждый стоит перед Богом
За целый свет один.

* * *

Разве свыше выводят истории наших болезней?
Сами себя создаем, спасаем, увечим.
Счастья рецепт? Разве может быть что бесполезней?
Мне бы хотелось утешить тебя, только нечем.

Слогом классическим души да будут излечены,
Что паутиной абсурда опутаны и обесточены.
Дерзость храни, ведь, по сути, терять-то нам нечего.
Знаком вопроса смири умозрительное многоточие.

Мы с тобой режиссёры, ни разу нигде не актёрки.
Всяк по прихоти жаждет стать лучшим и первым,
и самым.

Под прицелом партера и пристальным взглядом
галёрки
Воплощая вселенную сердца в провинциальную драму.

Улыбка

Вдохновенье нежданно-негаданно явится ночью,
Сядет на подоконник и скажет: «Я на минутку!»
Любоваться будет, как рву я бумагу в клочья,
Будет нагло стебаться и сыпать свои прибаутки.

В полнолуние бумага белей и черней чернила.
Вдохновенье болтает чушь и болтает ногами.

Я вообще-то его не ждала, приходить не просила.
 Если вспомнить, последний раз мы расстались
 врагами.

Но оно откровенно глядит на меня с улыбкой.
 Ох уж эта улыбка! Так смотрят на приговорённых.
 Я ему говорю: «Уходи! Наша встреча была ошибкой!»
 А оно отвечает: «Невинная ссора влюблённых!»

Нет, оно не уйдёт и пробудет со мной до рассвета.
 А под утро строка потечёт-побежит на бумагу.
 Я себя ненавижу, а его обожаю за эту
 Непослушную и неподвластную мне отвагу.

* * *

Между бедой и счастьем вечный маятник.
 Измаявшийся интеллектуал,
 Тебе я возвожу при жизни памятник
 И воздвигаю гордый пьедестал.

Я одному тебе навек обязана
 Страданьем, экзальтацией, тоской,
 Предательством, наветами, отказами,
 Паскудной скукой, зябкой клеветой.

Луна над Волгой лыбится злорадная,
 А душу бьёт чумная лихорадь.
 Тебя я так хотела — только надо ли? —
 У всех отнять, обнять, расцеловать.

Я принимаю радость, как страдание,
 Мой интеллектуальный чародей,
 Скажи, чем заслужила я изгнание
 Из жизни перепутанной твоей.

Сыпь пепел мне на голову Везувия —
 Усваивай полученный урок.
 А я пошлю к чертям благоразумие
 И сердце уроню на твой порог.

Екатерина Харитонова

г. Москва

* * *

Кто разлил по комнате золотое молоко?
Никто! Никто!
Это солнце льёт через окно.
Это солнце затопило июлем город.
Эй, прохожий в пальто,
опустите ворот. Тепло!

В шифоновых лодках,
в прозрачных колготках,
расправив ключицы
и вывернув рёбра наружу,
от скулы до брови
накрасив ресницы,
плывут вереницей
звонкие птицы,
из перьев и кружева
сотканы,
в полдень разбужена
вздохом без имени,
ветку полыни

в книге старой
нашла меж страниц.

Тишина.

Только солнце льётся.
Утекает со светом
комната,
растворяются шторы,
расщепляется шифоньер,
мы с тобой
и не вспомним,
кто из нас был поломанным,
кто помилован,
кто не выговаривал Р.

комната утекает,
а мы остаёмся.
континуум изгибается в ладони
краковской колбасой.
омертвевшие клетки времени
оседают на рукаве.

по волглой траве сейчас
хорошо бы бежать босой,
выдохнуться и упасть,
пятку дедушкиной
распоров блесной

Семинар прозы

Руководители:

Александр ГРОМОВ (г. Самара) — прозаик, главный редактор журнала «Русское эхо», председатель Самарского отделения Союза писателей России.

Илья КОЧЕРГИН (г. Москва) — прозаик.

Александр Громов:

«Фестиваль памяти Михаила Анищенко проходит уже 8 раз, и я помню то время, когда всё зарождалось, когда у нас была небольшая группа, когда мы собирали людей по Самаре и Самарской области. А сейчас фестиваль уже дорос до всероссийского уровня, и последние 4 года к нам приезжают участники со всей России. И очень отраднo, что именно в этом году фестиваль получил президентский грант, то есть он уже поднялся на федеральный уровень — признанный не только участниками фестиваля, но и руководством страны. И мы очень рады тому, растёт уровень участников. Я занимаюсь прозой и могу сказать, что если сравнивать то, что было 5 лет назад и сейчас, — участники поднялись на очень высокий уровень. В этом году, к сожалению, некоторые участники не смогли приехать из-за пандемии.

Некоторые работы мы отбираем для публикации в журнале «Русское эхо». В прошлом году у нас получилось так, что не все работы мы смогли внести в журнал и уже потом допечатавали авторов. Они — это действительно страницы русской литературы! Очень хорошие работы».

Илья Кочергин:

«Фестиваль — это всегда творческая кухня, где всё варится, булькает, кипит. Классно, хоть ты этим занимаешься или не занимаешься — в любом случае, ты присутствуешь там, где всякие идеи витают, желания,

глаза горят. И это всегда приятно, ты подзаряжаешься, как от батарейки. А к тому же это интересно, если это происходит не в Москве. У нас большая страна, очень большая. И я, например, был в Хабаровске и чувствовал себя немножко странно: они будто отрезанные, в стороне находятся. Плохо, если всё происходит всегда в одном месте.

Я в восторге от ребят. Они кажутся в сто раз умнее, начитаннее, культурнее. В моё время нормальное общение было обычно очень сильно разбавлено алкоголем. А чтобы все прочитали всех участников... Такого не было практически. Сейчас уровень другой. Все так по делу говорят, у всех глаза умные, интересные. Я в восторге! И даже иногда чувствую себя каким-то немножечко из варварских времён».

*Семинар прозы
(руководители — Илья Кочергин и Александр Громов)*

Мария Акимова

г. Тольятти

Как Ирина Семёновна с мужем прощалась

Рассказ

1

Не успел человек представиться — этот явился.

Ирина Семёновна даже днём к двери не подходила, а тут среди ночи открыла, не спросив, кто там и зачем пожаловал.

Незванный гость переступил через порог. Долго-долго стучал тяжёлыми подошвами об пол. На коврик летели комья грязного снега. Посетитель снял куртку, отряхнул её и повесил у входа. На соседних крючках оказались его шапка и шарф. Из портфельчика, то ли тёмно-коричневого, то ли чёрного цвета, он достал бахилы. Нацепил их на сапоги, прыгая на левой и правой ноге поочерёдно. Всё это проделывалось молча. Ирина Семёновна, может, и сама обратилась бы к незнакомцу, но завязать разговор не получалось из-за липкого кома в горле.

Гость уверенно направился в зал. «Как у себя дома, ей-богу», — подивилась хозяйка. Миновал кособокое трюмо и сервант с посудой. Прошёл мимо кухни. Там, на полу, рядом с чудом уцелевшей тарелкой, в луже супа лежал Геннадий Васильевич. «Как живой!» — любят причитать бабки на похоронах. А тут... Взглянешь на него, и сразу понятно — мёртвый. Оттого Ирина Семёновна старалась на своего Генку не смотреть. Опустив глаза, поспешила за гостем.

Посетитель удобно устроился в кресле. Это было любимое Генино место в квартире, и занимать его Ирине Семёновне не разрешалось. Как-то раз муж ушёл на кладбище, где сторожем работал. Вернулся, а дырок в обивке нет — заштопала. Прибежал на кухню, слюной брызжет: «Уууууу! Дура! Лучше б ты себе рот зашила». Эх, как ей тогда досталось. Бить-то Гена её никогда не бил, но обматюгать мог. Да с такими вывертами, что Ирина Семёновна вместо того, чтоб обидеться, — заслушивалась. К старости всяких причуд у Геннадия Васильевича прибавилось, но супруга старалась к ним относиться с пониманием.

Год назад был случай: домой пришёл поздно, хотя смена у него ещё утром кончилась. Топтался в дверях, сам бледный и трезвый. Мялся-мялся, ничего не хотел рассказывать, но Ирина Семёновна всё же вытянула из него признание: «Сегодня начальник получку принёс. Как и надо по календарю, без задержек. Дай, думаю, и пенсию заберу. В банке выдали всё как полагается. Я те и эти деньги вместе сложил, а пачку, с ноготок толщиной, в конверт сунул. Иду домой — в боку закололо, да сильно так, аж в глазах темно. Сел на ближайшую лавку. Когда в себя пришёл, решил деньги пересчитать. Только начал вроде, они уж и кончились. У подъезда нашего скумекал: в конверт-то я их сунул обратно, а вот в карман — забыл. Прибёг к лавочке, а там... шиш».

Случилось это совсем некстати. Ирине Семёновне зарплату только в конце месяца выдавали, она работа-

ла вахтёром в элитной многоэтажке. Пенсия и общие сбережения на лечение вышли: её мучили приступы кашля, а сиропы, выписанные врачом городской больницы, не помогали. Дошло до воспаления лёгких. Полтора месяца Ирина Семёновна лежала в частной клинике, еле выкарабкалась.

Чтобы с голода не умереть, пришлось продать серебряный крестик и иконы с драгоценными окладами. Образа достались Ирине Семёновне от бабки, а той — от прабабки. За женины сокровища Гене удалось выручить небольшие деньги.

Ещё, бывало, мороз стоит такой, что все школы в округе закрыты, а Геннадий Васильевич на кладбище идёт без тулупа. Потом забоялся, что голова простынет. Раз шапку нацепил и больше никогда не снимал. Вон, даже сейчас на кухне в ней лежит. Сказал, в шкафу нашёл. Откуда она там, одному Богу известно: Гена до того головных уборов не носил, Ирина Семёновна зимой волосы пуховым платком покрывала, а вещи единственного сына давно раздала: ему только исполнилось двадцать, когда в аварии разбился. То кладбище, где Матвеюшка похоронен, и сторожил Геннадий Васильевич.

«Совсем я одна осталась!» — подумала Ирина Семёновна. Из глаз брызнуло, и тотчас перед её носом нарисовалась рука с платком. Так гость хотел услужить вдове и заодно напомнить о своём присутствии. «Тряпочка-то влажная. Видно, я не одна в неё сегодня плакалась», — решила Ирина Семёновна, возвращая платок владельцу. Немного успокоившись, она принялась разглядывать посетителя. Звали его то ли Вадиком, то ли Владиком. Был он не толстым и не тонким. Говорил не тихо и не громко. Волосы — серые, глаза — блеклые, лицо — невзрачное. На такого можно три часа неотрывно смотреть, но стоит ему выйти из комнаты, внешность его сразу забывается. Ирина Семёновна покосилась в ту сторону, где стояла

рождественская ель: хотела убедиться, что посетитель ей не чудится и отражается в зеркальной поверхности шаров.

Смысл произносимых им фраз ускользал от Ирины Семёновны. Она никак не могла сосредоточиться. Поняла, что перед ней — ритуальный агент. Он обещал облегчить подготовку похорон, с бесстрастным лицом сыпал словами «участие», «чуткость», «уважение». Потом бережно достал из портфельчика цветной каталог с гробами и лентами. Показал те позиции, которые отличались от прочих приличным качеством и выгодной ценой, наконец, протянул Ирине Семёновне договор и ручку.

Она уж было поставила подпись, но в дверь позвонили. Приехала скорая, с ней — полиция. Пока не кончилась суета, Ирина Семёновна пряталась за холодильником — тихонько сидела на табуретке и ждала. Всем распоряжался то ли Вадик, то ли Владик. Он предложил полицейскому чай, толковал про какие-то проценты и просил не обделять наводками в такое золотое для ритуальных агентов время, как новогодние праздники.

Специалисты констатировали смерть, накрыли Гену простынёй и увезли.

Снова перед лицом Ирины Семёновны возникла рука — на этот раз вместо платка пальцы сжимали договор. Строчки на бумаге слились в одну большую кляксу. От чернильного пятна отделились цифры и выстроились в шестизначное число. Вдова схватилась за сердце: это ведь все её сбережения! Ритуальный агент принялся успокаивать женщину, сказал, что незначительную часть суммы покроет государственная выплата. Да и гроб с венком можно заказать попроще. На том сошлись.

Невзрачный посетитель забрал деньги и растворился в темноте лестничной клетки.

Остаток ночи Ирина Семёновна провела в коридоре: лежала на полу, уткнувшись носом в старенький коврик. Из забытья её вывел телефонный звонок. Кряхтя, она поднялась, ощупала лицо, мокрое от слёз, и побежала в ванную умываться. Дзынь-дзынь! Настойчиво дребезжал телефон, призывая хозяйку оставить прочие дела.

Когда Ирина Семёновна подняла трубку, к ней обратился ласковый женский голос:

— Здравствуйте, это вас из морга беспокоят. Вчера к нам привезли... Мм... Геннадия Васильевича Тетёхина, оставили ваши контакты.

— Да. Я его жена, — пролепетала Ирина Семёновна.

— Тело нужно подготовить к похоронам. Обмыть, одеть, причесать. Принесите сегодня до обеда одежду и белые тапочки... Бальзамировать будете?

— Я... Не знаю даже... А нужно?

— Конечно, так тело дольше сохранится. Но данная услуга не входит в перечень бесплатных. Она стоит ...надцать тысяч рублей.

— Сколько? — ахнула Ирина Семёновна. Женщина на том конце провода повторила сумму и продолжила:

— Чтобы ваш родственник в гробу выглядел презентабельно, надо нанести грим. За это тоже придётся заплатить. Ну и поймите, мы тут зашиваемся. В новогодние праздники в морг в два раза больше трупов поступает: у нас в стране отдых не отдых без летального исхода. Внесите... пожертвование на нужды санитаров, пару тысяч, и мужа вам выдадут вне очереди. Если, конечно, на третий день похоронить хотите. А если нет — ждите до конца праздников. Но там ему грим уже вряд ли поможет.

Как быть с моргом, Ирина Семёновна не знала: «Мне хотя б на кутью деньги наскрести, какие ещё дополнительные услуги... Лучше с Вадиком — тьфу! — с Владиком посоветуюсь». Она набрала номер, указанный ручкой на первой странице договора.

Абонент недоступен.

Эту фразу механический голос на том конце провода чеканил снова и снова.

Ирина Семёновна не смогла дозвониться и до ритуального агентства «Аид», которое в документе значилось исполнителем. Тот же голос твердил, что номер набран неправильно.

«Уууууу! Дура!» — обругала себя Тетёхина словами покойного мужа. Теперь она поняла, что её надули.

3

На обмороки и причитания времени не было.

Ирина Семёновна оделась потеплее, прихватила пакет с вещами покойного и отправилась к элитной многоэтажке, где работала вахтёром. «В полицию обращаться нет смысла, — рассуждала она. — Эти мошенники заодно».

Пришлось сесть за руль Гениных «Жигулей», чтобы успеть к половине десятого. В это время из единственного в доме подъезда должен был выйти молодой депутат Ефим Обещалов. Он собирался посетить сиротский приют и вручить детям подарки. О намерениях чиновника Ирина Семёновна узнала от его водителя. Тот любил почесать языком, дожидаясь начальника у служебного лексуса. Стоило депутатскому носу показаться на улице, шофёр умолкал и нёсся к задней пассажирской двери. Услужливо улыбался, хвалил погоду, а когда Обещалов уж сидел в салоне, поправлял полы его пальто, чтобы не защемить.

В этот раз у подъезда развернулась совсем другая сцена.

В миллиметре от депутатской машины, скрипя тормозами, встали дряхлые «Жигули». Недовольным фырчанием «копейка» давала понять: будь её воля, она хорошенько намяла бы бока лексусу — в отместку за хамское поведение его собратьев на дорогах.

Вместо того, чтобы поприветствовать начальника заискивающей улыбкой, водитель вплотную прибли-

зился к «Жигулям» и затарабанил костяшками пальцев по стеклу, отделявшему его от Тетёхиной: «Семёновна! Глаза разуй! В морду чуть не въехала. Совсем обалдела баба», — надрывался шофёр. Она резко открыла дверь, отпихнув тем самым ошарашенного водителя, и вывалилась из «копейки» — прямо под ноги депутату.

На его ботинки, начищенные до зеркального блеска, попало немного снега.

Фигура Обещалова уже начала расти вширь, наметилось пузо. Этот недостаток народный избранник скрывал под строгими костюмами: пиджаки, отглаженные брюки, галстуки стали его второй кожей. Пуговицы пальто пока без труда сходились с петлями, но оно всё равно носилось нараспашку. На холоде депутат не задерживался: из тёплых комнат он попадал в прогретый салон автомобиля, а оттуда — снова в отапливаемое помещение.

Выражение депутатского лица всегда соответствовало ситуации: на заседаниях думы оно было сосредоточенным, когда произносилась речь со сцены — торжественным, на встречах с общественностью — участливым. Особенность физиономии помогла Обещалову прослыть чиновником, неравнодушным к проблемам избирателей. С такой характеристикой Ирина Семёновна охотно соглашалась: депутат всегда говорил ей «Здравствуйте!» и «До свидания!», даже, бывало, справлялся о здоровье.

Вот и теперь, помогая подняться, спросил, всё ли в порядке.

Тут-то женщина разревелась. Рассказала о смерти мужа, ритуальном агенте, пожертвованиях для морга. Обещалов внимательно слушал и понимающе кивал.

Разговор пора было сворачивать, дабы успеть к началу рождественского утренника. Чиновник велел вдове идти в морг, отдать вещи мужа, как просили санитары, и больше ни о чём не беспокоиться. Организацию погребения он обещал взять на себя.

4

Как и положено, Геннадия Васильевича хоронили на третий день после смерти. Был сочельник.

В траурном зале морга собралась тьма народу. Приехал Обещалов с помощниками, репортёры. Из близких покойного присутствовала только Ирина Семёновна — остальные либо сами померли, либо находились далеко и явиться не смогли. На вопросы журналистов она отвечала скомканно, только и делала, что лепетала благодарности депутату: «Если б не он, я и мужа не похоронила бы, и сама по миру пошла...»

Началось отпевание. Батюшка семенил вокруг гроба, что-то бормотал, крестился слева направо. Возмущённая Ирина Семёновна потребовала остановить святотатство: обряд проводил ряженный.

В рясу облачился выпускник местного театрального института. Как-то в студенчестве он сыграл священнослужителя. Да так хорошо, что сделал это своим основным способом заработка. Никто, кроме Ирины Семёновны, до сих пор подделку не распознал.

Самозванца увели прочь.

Оправившись после конфуза, траурная процессия двинулась на кладбище, где Геннадий Васильевич столько лет проработал сторожем и в конечном счёте должен был обрести покой. За катафалком следовал депутатский лексус, далее автомобили с логотипами газет и телеканалов. Замыкала колонну «копейка». Она едва поспевала за шустрыми иномарками.

Вот и ворота кладбища. Среди памятников и крестов Ирина Семёновна с трудом разглядела сыновью могилу, куда планировалось подхоронить Геннадия Васильевича. Площадку должны были подготовить заблаговременно, до появления траурного шествия. Но вместо ямы участники процессии обнаружили снежную выпуклину.

Прямо на ней стояли мужчины в чёрных куртках. Лиц не видеть, скрыты капюшонами. Неизвестные люди не давали копщикам работать — выбивали лопаты из рук грубыми ботинками.

Завязалась драка.

Массивное тело рухнуло на крест с фотографией Матвея. Топтали не могилу, это сердце Ирины Семёновны давили-давили-давили подошвами.

Женщина упала на колени, взмолилась: «Прекратите, сволочи! Мужа схоронить не даёте по-человечески, так хотя бы сына, Матвеюшку моего, не трогайте. Я в гроб к мужу лягу, в землю с ним пойду, чтоб не видеть, как вы...» Вдова сбилась. Её окружили люди с камерами. Снимали крупным планом влажность глаз, дрожание губ.

Тут выступил Обещалов. Он требовал объяснений.

От группы тяжело дышавших мужчин отделился главный. На глаза надвинут капюшон. Под носом — усы. Сказал депутату: при камерах общаться не будет. отошли в сторону. Долго говорили вполголоса. С каждой фразой, произнесённой усатым, строгость сходила с физиономии чиновника. Потом и вовсе возникла какая-то ласковость.

Разговор закрутился рукопожатием.

Все разом засобирались.

Уехал катафалк на другой заказ. Затем Обещалов с помощниками. Следом репортёры.

Исчезли здоровяки в куртках.

Остались мятый снег, покосившийся крест и семья Тетёхиных.

5

Темнота густела. Когда солнце совсем скрылось за кладбищенским забором, пошёл снег. Ирина Семёновна сидела прямо на мёрзлой земле, облокотившись спиной о гроб. Она не замечала ни мрачного пейзажа, ни крепкого мороза, ни нового сторожа, который прибежал уже несколько раз, чтобы предупре-

дить: кладбище закроется в семь, и к этому времени ни вдовы, ни гроба тут быть не должно.

Она никак не могла поверить, что их с мужем бросили, словно ненужные вещи. Горе, притупленное дневными хлопотами, обступало её, ложилось на плечи, сжимало горло. В голове роились мысли-снежинки: «Завтра Рождество, хоронить не положено. Везти Гену обратно в морг — значит, заказывать ещё один катафалк. Где взять деньги? Найти лопату, рыть яму самой... Даже до утра не управлюсь, да и сторож не даст самовольничать. Хоть бы насмерть замёрзнуть, и конец мучениям...»

Вдруг впереди обозначилось какое-то шевеление. Ирина Семёновна пригляделась: то, что поначалу она приняла за могильный памятник, оказалось чьей-то спиной. Заморгала, может, от нервов почудилось? Что за чёрт!

И, правда, он самый.

Потихоньку крался на своих копытцах.

Пятачок, козлиная борода, рожки. Как с картинки сошёл.

Протянул лохматую лапу, а в кулаке — золотые зубы:

— Вот, у мужа твоего в морге вытащили. Я забрал, — подмигнул чёрт. — Люди обыкновенно думают, что с мёртвого взять? А ведь нынче человеческое тело — ценный товар. Яички не принёс. Противно.

— Какие ещё яички? — подскочила Ирина Семёновна.

— Какие-какие. Мужнины. Студенты-медики теперь по ним учить анатомию будут.

— Так почему ж меня не спросили? — продолжала удивляться вдова.

— Им не нужны разрешения, — сказал бес, обнажая клыки. Смешно ему, какая Тетёхина тёмная. — По закону будущий покойник ещё до смерти должен к нотариусу сходить и бумажку на неприкосновенность тела заверить. Документа нет, и яичек нет.

Ирина Семёновна не нашлась, что ответить.

— Да ты не горюй, они ему столько лет были без надобности. Зато глазные яблоки оставили. Тут тонкий расчёт, — принялся разъяснять рогатый. — Родные же в рот и в штаны мертвецу не полезут. Вот и обдирают его санитары как липку... Ну, что ты вздыхаешь? Сама мужа убила, за то тебе и мучения.

— Не убивала я его! — возмутилась Тетёхина и плюнула в свиное рыло.

Чёрт прихватил лапой снег. Не торопясь, отёрся:

— Вот это зря. Я же с тобой по-хорошему.

Помолчали.

— Семёновна, ты из чего суп варила?

— Так Гена не от отравления помер. Сердечный приступ.

— Приступ, как же. Из чего суп был, спрашиваю? — не унималась морда.

— Куриный вроде.

— А вода? Её ты где взяла? У вас же в кранах из-за аварии пусто было.

— Так у меня осталась пара баклажек в кладовке.

По недоумённому выражению лица Ирины Семёновны чёрт понял, хватит с неё намёков:

— Ты ж бутылки перепутала. Взяла ту, что со святой водой. Это мужа твоего и убило. Тьфу! — сплюнул чёрт. — Слушай внимательно. Полтора года назад Гена подкараулил меня ночью на кладбище. Схватил за хвост и силком потащил в сторожку. Посадил за стол, налил водки. Стали пить. Первый стакан, второй, третий. Мне хоть бы хны. На него смотрю — глаза уж мутные. Чего ты меня приволок-то сюда, спрашиваю. У него язык заплетается. За годы работы на кладбище, мол, уйму денег скопил: творилось тут всякое, и разные личности за молчание платили пачечками. Очередную получит и в кресле прячет, чтоб ни ты, ни домушники не нашли. Говорит, всё отдам, только сына моего с того света вытащи. Я аж водкой поперхнулся. Кашлял-кашлял, потом ответил: «Извини, но это не в моей компетенции. Да и не нужны мне деньги. Для

нас, бесов, главный товар — человеческая душа». Он взъерепенился. В потолок пальцем тычет: «А в чьей компетенции? А-а-а-а? Егошней, что ли?! Так он же сам... Са-а-а-а-ам! Сына у меня отнял!» Всё рыло мне слюной забрызгал. Вдруг умолк. Выпили ещё. Тут-то Василич и ляпнул, мол, будь он в моей шкуре, вернул бы сына обратно. Я говорю, ну, воля твоя. Он тогда до того упился — уснул мордой в стол. Только захрапел, я и дал дёру. Утром твой Гена очнулся, а он уж никакой не Гена, а чёрт. Как заказывал.

— Чёрт?! — не поверила своим ушам Ирина Семёновна.

— Не совсем. Обращение требует времени. Может год длиться, а может — десятилетия. Всё зависит от самого человека. Некоторые до того прогнили, что и без свиного рыла — бесы. Твой, например, долго сопротивлялся. Даже пачечки брать перестал. Но рога всё равно полезли. Вот он и нацепил шапку.

— А в морге как же, рогов не заметили?

— Туда, Семёновна, и не таких привозят. Санитары ко всему привыкли, — ослабилась черт. — Ну, ты слушай. Скоро Василич понял, что при виде святых ликов ему худо делается. Иконы твои в гараж снёс, а тебе наплёл, что продал. Церкви за километр стал обходить. Ночами по кладбищу шастал: меня искал, чтоб отменить обращение. Но я уж наученный, больше ему на глаза не попадался. Да и не в моих это силах. Со дня на день у него должны были копытца отрасти. Не успели. Ты супчиком покормила, он и помер.

Ирина Семёновна хлопала глазами. Не знала, верить черту или нет. Одно его присутствие допускало, что сказанное им было правдой.

Вдова обернулась к гробу, отодвинула крышку: ладно, не заколотили. На красном атласе белело не лицо — застывшая маска. В сумме лба, век, опущенных уголков губ читалась отрешённость и нездешняя успокоенность. Женщина провела рукой по макушке мужа. Пальцы нащупали остатки спиленных рогов.

«Сама что угодно бы сделала, чтоб сына вернуть», — подумала Ирина Семёновна. Вслух сказала:

— Мне плевать, что он чертом стал. Лопаты достать сможешь?

— Вот ещё, руки марать, — скривился бес. — Лучше отвезём гроб к зданию правительства — губернатору под нос, пусть разбирается.

Ирина Семёновна устала на черта. Может, ослышалась?

— Давай сами тихонько схороним... Устала я горе напоказ выставлять. Да и как мы в «Жигули» целый гроб уместим? Ещё и ехать до другого города часа два, не меньше. Ночью на трассе боязно, я за рулём столько лет не сидела.

Проваливаясь тоненькими ножками в снег, чёрт подошёл к гробу. Ввалил его на спину, побряхтел:

— Ух, тяжело. Но ради благого дела, так и быть, потерплю. Садись, Семёновна, в своё корыто и езжай за мной.

6

«Фыр-фыр!» — фырчала «копейка», таким образом давая понять хозяйке, что считает эту затею сомнительной. Тетёхина мысленно соглашалась с автомобилем: «С чего я, дура, вообще чёрту поверила? Может, он не помочь мне хочет, а в могилу свести».

Подозрения крепили из-за разыгравшейся непогоды. Бес бежал, часто-часто переставляя копытца, оттого поднялась метель. Снег носился вокруг «Жигулей»: залеплял зеркала, издевался над метавшимися туда-сюда дворниками. Пространство утратило цвета, кроме чёрного и белого. Зато переполнилось шумами. К дребезжанию стёкол добавился неотвязный звук «уу-уу». Ветер выл с такой силой, словно разом решил выплеснуть накопившуюся во вселенной тоску.

Невозможно было понять, где небо, а где земля, едет автомобиль по дороге или завис над пропастью.

В этом ином мире единственным ориентиром оставался маячивший впереди гроб на ножках.

На подъезде к большому городу ветер утих. Улицы слепили яркими гирляндами. Тысячи лампочек подмигивали прохожим, торопившимся на рождественскую всеобщую. Деревянные двухэтажки, зажатые между стеклянными исполинами, походили на пряничные домики. С неба на их худые крыши сыпался снежный сахар.

Несмотря на поздний час, на главной площади было многолюдно. Горожане стекались к храму, стоявшему возле правительственного здания. Они беспокойно оглядывались на женщину и гроб, которые вдруг возникли у дверей белого дома. Одни доставали телефоны, чтобы запечатлеть странную картину, другие опускали головы и ускоряли шаг. Вскоре вокруг Ирины Семёновны образовалась толпа.

Губернатор в ту ночь так и не попал на церковную службу — пришлось созывать срочное совещание по поводу вопиющего случая. О скандале узнали в Москве. Было велено в кратчайшие сроки распутать таинственный клубок.

Ритуального агента поймали. С ним угодили в тюрьму и его сообщники. Та же участь ждала санитаров, вымогавших взятки. Чуть не сел за мошенничество выпускник театрального института, но он быстренько принял священный сан, и получилось, что вроде и не было никакого обмана.

Дошло даже — трудно поверить — до передела ритуального бизнеса. Оказалось, что в маленьком городе, где жили Тетёхины, на этом рынке значились два главных игрока — предприниматель Трупов, выбравший род деятельности, созвучный фамилии, и влиятельный депутат Моржов, точнее его жена. К первому и обратился Ефим Обещалов, когда решил помочь отчаявшейся вахтёрше. Моржову это, разумеется, не понравилось, и он направил своих людей на кладби-

ще, чтобы подпортить конкуренту и молодому коллеге похоронную пиар-акцию. Когда Обещалов узнал, кому перешёл дорогу, мигом бросил свою затею и поехал в светлые кабинеты мириться.

После этой истории Моржов почти весь свой капитал потратил на откуп от проверок, коими его завалили сверху. Ему даже пришлось отказаться от строительства церкви на кладбище, которое чёрт избрал для ночных прогулок. На то рогатый и рассчитывал.

Геннадия Васильевича похоронили на следующий день после Рождества. Таких почестей не удоставались даже самые видные горожане. Погребением руководил обходительный церемониймейстер, гроб опускали в яму на специальном лифте, а вместо могильной плиты установили внушительный бюст. В то время было модно украшать площадки перед входом в образовательные учреждения бронзовыми Ломоносовыми, а Тетёхин уж очень на него походил. Один такой образец пылился в мастерской местного скульптора. Ему потребовались сутки, чтобы превратить известного учёного в кладбищенского сторожа. Крест с фотографией Матвея, пострадавший от стычки с капюшоноловыми, заменили на добротную мраморную плиту.

После похорон вдова вернулась в квартиру и выпотрошила кресло. Миллионы, хранившиеся под мягкой обивкой, она употребила на покупку дома на берегу Чёрного моря.

От мягкого климата и сама Ирина Семёновна стала мягче, раздобрела. Дни свои занимала солнечными ваннами и продолжительными купаниями.

Когда кончался сезон — приезжала в родной городок. Навещала родственную могилу: оттирала от бюста Ломоносова-Тетёхина белые следы, оставленные птицами, припадала губами к изображению сына на мраморной плите. Подолгу плакала.

На груди её красовался внушительных размеров золотой крест. Его отлили из мужниных коронок.

Наверное, потому черти и обходили женщину стороной.

Анна Богомолова

г. Самара

Чертополох

Рассказ

Запах — самый хороший проводник времени. Иногда бывает, что нос только уловит еле чуемый аромат, а в сознании уже всплывают картинки из далёкого и, казалось, забытого прошлого.

Запах старого деревенского дома вихрем ворвался в мысли Степана и погрузил в детские воспоминания. Ещё час назад он сворачивал с городской трассы, мысленно обсуждая итоги последней конференции и переживая, что оставил Найду одну в квартире. Собака жила с ним уже три года, была страшно привязана к хозяину, обожала его всем своим собачьим сердцем и по-человечески скучала, когда он надолго уезжал. В этот раз, увидев дорожную сумку, она радостно заскулила, предвкушая очередной поход, но хозяин, потрепав её за ухом, оставил дома, бормоча под нос что-то про «очень далеко ехать». А ехать и правда пришлось далеко... далеко в детство...

В доме было много людей, но Стёпа сразу поймал взгляд сестры. Пахло свечами и свежеиспечёнными пирогами, и этот знакомый с детства запах казался сейчас неуместным. Степан вздохнул то ли с досадой, то ли с печалью и прошёл в дальнюю комнату.

Кладбище было недалеко от дома. Стёпка и его деревенские друзья бегали мимо него по десять раз на дню. И где-то тут у ограды должен быть маленький холмик, Стёпка хорошо помнил его, потому что каждую весну он упорно подсыпал землю, чтобы маленький холмик совсем не исчез.

Здесь они с бабушкой похоронили щенка, которого случайно задавила машина. Стёпка рыдал, говорил бабушке, что у него никогда больше не будет собаки, потому что этот щенок был самый лучший. Она тихо кивала и гладила его по голове. Потом он ещё долго считал её предательницей, потому что вскоре бабуля принесла домой тощего котёнка с перебитой лапой. Бабушка долго выхаживала его, отпаивая молоком, и котёнок превратился в изящную кошку — отличную мышеловку.

Крысы и мыши частенько досаждали дому, грызли продукты и вещи. Маленький Стёпка боялся засыпать ночью из-за мышей. И однажды бабушка за вечерним чаем рассказала ему историю о волшебной мышке, живущей в погребке, которая умеет приносить золотые конфеты. Но в обмен на кусочек хлеба. С тех пор каждый вечер Стёпка тихонько прихватывал маленькую корочку или огрызок и клал на стульчик у кровати. Утром чудесным образом на стуле оказывалась конфета в золотистой обёртке. Каждую ночь он пытался выследить волшебную мышь, но чем сильнее старался не спать, тем быстрее засыпал. Как-то он нашёл в сумке у матери, приехавшей из города, пакет с такими же конфетами. Лёгкое подозрение, смешанное с зарождающимся скептицизмом взрослеющего ребёнка, мелькнуло в голове у мальчика. Но детская необходимость в чудесах быстро победила и оставила

«волшебную мышку» в живых. С тех пор она приносила ещё немало конфет.

Детям так нужно верить в чудо.

Бабушка часто приносила из леса разные травы, кипятила их, заваривала ароматный чай, делали настои. Но одно растение она приносила без практической цели. Сколько себя помнил Стёпка, в их доме всегда был чертополох. В бутылочках, баночках, привязанный над кроватью, засунутый под зеркало. «От глаза защищает», — говорила бабушка, ставя очередную веточку перед иконой.

Икон у неё было много. Самая большая и самая ценная была Икона Богородицы — очень старая, ещё дореволюционная, непонятно как оказавшаяся в их семье. Её бабушка больше всех хранила и большинство утренних и вечерних молитв обращала именно к ней. Стёпке не нравились эти ежедневные ритуалы с бормотанием и целованием иконы. А сама Божья Мать казалась пугающей и неестественной, но чем-то она его манила, и иногда в отсутствии бабушки он долго всматривался в её лицо, разглядывал большие глаза и тонкие губы, иногда трогал пальцами старое дерево и мутное стекло со следами от губ.

Ещё чуть повзрослев, он стал посмеиваться над странным соседством. «Баушк, вот ты в Бога веришь?» — «Верю». — «А если Бог нас всех оберегает и защищает, зачем ему в помощь чертополох, а?» — язвительно спрашивал Стёпка. Бабушка улыбалась и тихо качала головой. И по праву последней реплики Стёпка всегда выходил победителем в этом споре.

Правда однажды Стёпке этот чертополох пригодился. Сестра собиралась на своё первое взрослое свидание, долго наряжалась, причёсывала красивые длинные волосы. Стёпке было скучно, развлечься дома было нечем, и тогда он втихаря прицепил к волосам сестры сухие кусочки. Когда это заметили, шёлковые локоны уже превратились в мочалку. В итоге весь вечер вместо свидания сестра плакала, а бабуля

вычѣсывала «этот чѣртов чертполох». Стѣпка же как ни в чём не бывало заявил: «Ну, ты же сама говорила, что он от сглаза защищает, что ставить чертополох — это хорошая примета. Так ведь?»

После окончания 7-го класса Степан приехал на лето к бабушке уже совсем взрослым. Он также носился по дворам, прыгал с сараев, уплетал бабушкины пироги. Но деревянный дом уже казался пыльным и ветхим, старая кровать перестала быть мягкой и уютной, а бабушкины рассказы уже не увлекали, как раньше, в мир фантазий. Тем более в школе Степан всерьѣз увлѣкся историей и предпочитал вечерами изучать происхождение славян, интриги Смутного времени и становление династии Романовых.

Сейчас, стоя на пороге дома, он вспоминал, когда последний раз был здесь. Казалось, что целую жизнь назад. Он смотрел на старую неубранную листву у дома и думал, что это осколки детства, такие хрупкие, выцветшие, втоптаные в землю тяжѣлой поступью времени.

Он тихо зашѣл в родной дом. Сестра сидела перед иконой, той самой, старой, которая непонятно как оказалась в их семье. Рядом горела свеча, стояла фотография бабушки. Стѣпка сел рядом, протянул сестре колючие веточки: «Поставь рядом. Говорят, от сглаза защищает...»

Взрослым так нужно верить в чудо...

Дарья Горновитова

г. Самара

Свободное время

Глава из романа

Я уже сбился со счёта, какой это день. Ясно одно: главным визионером оказался Уэльбек. Весь мир демонстрирует покорность. Всю планету поставили раком, ничего толком не объяснили. Тысячи лет была традиция в Иерусалиме. А запретили её за пять минут. И все покорно разошлись.

В этот момент Лена удивила нас новостью.

— Я с мужем развожусь, — заявила она. — Не даёт мне работать. Говорит, я трачу своё время на какую-то ерунду.

Конечно, в чём-то её муж прав. Женщин нужно на руках носить. Работать им незачем. В смысле работать ради зарплаты. Но если сейчас где-то выкажешься в таком ключе, то сразу становишься угнетателем. Даже если имел в виду тяжёлую работу. Моя жена уже четырнадцать лет угнетена. Работает ради удовольствия, учится в институтах. Но не всем нравится такая модель.

Есть у меня друг Митя. Митя переехал в культурную столицу десять лет назад. Здесь он окончательно стал философом.

— Я против такой модели, потому что я её тупо не вывезу, — решил Митя. — Я могу только себя содержать. Но об этом нельзя говорить.

Митя жил один, искал работу и целыми сутками заваливал нас сообщениями с тревожными новостями.

Но в этот раз санитарзера в огонь подлила Лена.

— Мне всё надоело. Мужчины — герои, памятники, слава, вечные огни. Женщина — шлюха, шалава, тратит своё время на ерунду, — резюмировала она, открывая красный чемодан.

По профессии Лена преподаватель истории. Отказаться от студентов для неё означало выпасть из академического круга. Отсюда и резкие выражения, не свойственные даже «отбитой уральской гопоте», по мнению айтишника Максима. Пятым членом нашей тусовки был преподаватель английского языка, кинокритик Саша.

— Страдают не только женщины, — возмутился Макс.

— Нет доказательств, что проблемы женщин обусловлены полом. Кроме запрета на профессию, — уточнял Саша. — Сколько вы знаете мужиков главбухов?

Но Лена была непреклонна. Она положила в чемодан новое голубое платье, которое ей вчера привёз курьер. Женщин топ-менеджеров в стране было очень мало. Всех загнали в главбухи.

И тут Митю осенило:

— Страдают люди. Но если мы сравним виды страданий, то увидим, что мужчин просто убивают, — произнёс он с выражением.

Лене было чем ответить. Она часто рассказывала студентам, как женщины после войны работали на тяжёлых работах. Потому что больше было некому.

— Мужчина может только умереть, а женщина может как умереть, так и родить детей, — продолжал

развивать свою мысль Митя. — Мужчинами жертвуют с момента появления человека как вида.

Я пытался потушить конфликт и прислал в чат картинку с котами. Сегодня была моя очередь мыть посуду. А потом нужно было ещё уложить младшую дочь спать и прочитать ей сказку.

Митя в это время обычно совершал вечернюю пробежку. Сначала коронавирус лишил его занятий в танцевальной студии, потом закрыли фитнес. Единственное, что оставалось, — бегать. На улицах было безлюдно, а дома ждала кошка.

— Лен, нет другого способа родить детей, кроме как с использованием женщин. Поэтому в случае демографических потерь надо вас сохранять, — продолжил Митя.

Непонятно, что им двигало, тестостерон или что-то другое. Без мужчин родить ребёнка тоже проблематично, но не выводить же только из этого всю их ценность, парировала Лена. Да и банки спермы решили этот вопрос. Чем ты ближе к сорока, тем чаще родители напоминают, что «часики тикают», а ты ещё не завёл семью.

Но Митю уже было не остановить.

— Схема складывается как на рынке. Верхний эшелон — мужчина на всех зарабатывает, есть жена и любовница. У жены от безделья едет крыша. Средний эшелон. Мужчина и женщина живут вместе, зарабатывают поровну, но женщина не может уважать мужа по настоящему. Она знает, что есть первый уровень. Нижний эшелон. Мужчина и женщина живут отдельно и не могут сойтись. Кто за кого должен платить в баре? Эти люди перебиваются случайными связями. Я не учитываю индивидуальную любовь и женщин, которые искренне любят свою работу, — выпалил Митя.

Теперь вместо сказки на ночь мне захотелось выпить чего-то крепкого. По Митиному прогнозу в будущем никаких женщин и мужчин не будет. Если мы доживём, конечно. Детей тоже не будет в привычном

понимании. Ничего не будет в привычном понимании. Исследователи дают 50-100 лет. Феминизм тоже не принёс Мите облегчения. Если женщина хорошо зарабатывает, то важность материального для неё не падает, а растёт.

Я надеюсь, что в прекрасной России будущего и простым парням найдётся место. На Алтай поедем. Митя думает, что мы всегда будем на коне. Но я уже не уверен. Бить нас будут. За патриархат.

Митя искал выход из сложившейся ситуации.

— Женщины сейчас могут сидеть на шее мужчин, и это считается культурной нормой. Вот если бы появился закон об обязательном раздельном бюджете в браке... Но это невозможно сделать. Мужу секс нужен больше! И всегда найдётся тот, который ради секса сделает всё.

Лена посчитала эти заявления наивностью. Перед ней стоял собранный чемодан. Она была абсолютно свободна.

Митя рассказал, как знакомился в тиндере. Если ходил в кафе с учительницей, она его благодарила. Айтишница попросила отвезти её в Европу.

— Чего она там в Европе не видела? — ухмыльнулась Лена. — Это она тебя туда свозит.

— Ага, только если я последний мужчина на Земле. Или у неё проблемы в общении. У успешных женщин всегда есть предложения от людей примерно её уровня и выше.

Лена задумалась. Есть ли у неё такие предложения? А если ей просто понравится какой-то мужчина? Почему нет?

— Лена, ты сейчас в зуме с нами сидишь, традишь своё свободное время. В это время ты же не сидишь с кем-то другим. Значит, тебе интереснее с нами. Если бы тебе было с нами уныло, ты бы вышла, — разозлился Митя, вспомнив про пропущенную пробежку.

— Я и с другими сижу. Нет, неверно, — ответила Лена, которой уже и правда захотелось выйти.

Тут Митя сделал паузу. Вздохнул. И рассказал нам, что внимание человека — это ограниченный ресурс. И что люди смертельно устали друг от друга. И, может, поэтому они так покорно сели на карантин. И что человечество может погибнуть, потому что перестанет быть способным общаться друг с другом.

Потом в спальню к Лене пришёл муж, который очень хотел спать. И она отключилась. И мы тоже.

Ирина Дюгаева

г. Оренбург

Нетленная переменная

Рассказ

Иудейское царство было обречено на погибель. Это было несомненно, это было понятно даже без предсказаний весталок или авгуров. Иудея походила на клетку, где вместо птиц сидели боги, и их стало так много, что клетка вот-вот должна была лопнуть.

Луций, римский страж, пробыл в Иудее меньше недели, но его уже мутило от здешнего воздуха. Отовсюду доносились миазмы злокозненных проклятий и предсказаний: каждый второй мыслил себя великим пророком, и каждый второй заверял других, что его боги низвергнут других. Самаритяне, саддукеи, фарисеи, назаряне... Луций даже не мог упомянуть всех. Здесь не было порядка, строгости нравов и единодушного благочестия, восславленной иерархии, которая могла бы поправить обстановку. Не то что в Риме. Рим не мог рухнуть, был уверен Луций, потому что в Риме к чужим богам относились спокойно, со снисхождением, с каким смотрят на вопящих младенцев.

Если бы не верная служба проконсулу Вителлию, Луций ни за что бы по своей воле не приехал сюда, в Иудею. Проконсул приехал для сбора дани на один из иудейских пиров тетрарха Ирода. Пир этот из-за собрания разно верующих сектантов больше походил на базарную площадь, раздираемую криками жадных лавочников. Каждый из них требовал свою долю: одни упрашивали поставить храм, другие — снести чужой храм, третьи — не зная, ставить им храм или сносить, предлагали выгнать «идолопоклонников». На самом деле, они все были идолопоклонниками и явными идиотами. Луцию было невдомёк, почему Рим ещё не превратил иудейскую провинцию в провинцию рабов.

Однако же одного пророка Луций очень хотел увидеть. Его звали Иоакананом, вести о нём дошли даже до ушей златоглавого Рима. Говорили, что этот пророк творит чудеса и видит будущее других, не принося жертвенных подношений богам. Пророка заключили в Махеронскую темницу за его чёрные речи, обличавшие тетрарха Ирода и его супругу во грехе.

Но это не интересовало Луция. Он только хотел слышать последний вздох великого пророка. Луций слышал много последних вздохов, ему нравилось ловить их оттенки. Ничто не может сказать о человеке и его натуре больше и полнее, чем предсмертный вздох.

Во времена, когда Луций служил в легионе и воевал во славу Рима, он срывал множество предсмертных вздохов. Сначала ему казалось, что вздохи различались у народов: парфяне выдавали протяжный сдавленный стон; армянские воины хрипели, как свирепые львы; греки пропевали жалобную ноту, словно воздавали почести смерти. Но в какой-то момент он заметил, что всё намного сложнее, что вздох выдаёт не особенности нации. В моменте исхода жизни крылась великая тайна мироздания, и Луций жаждал её разгадать.

Но Луций никогда не слышал, как умирает пророк. Лишь однажды видел, как вытекала жизнь из греческого халдея. Глаза его мерцали, как звёзды, по

которым он читал будущее, но Луций не смог расслышать его вздоха: в амфитеатре тогда собралось много народу, а халдея бросили на растерзание зверям.

Чеканный медяк солнца застыл в зените, когда Луций сменил на посту стража у темницы Иоаканана. Проконсул приказал сторожить темницу Иоаканана, когда услышал, что тот пророчит не только падение Иудеи, но и разносит крамольные речи против Рима.

Кроме того, говаривали, что Иоаканан всем и каждому дарит предсказательное слово, отворяя врата будущего. Луций тоже хотел послушать волшебную речь пророка, жаждал узреть чудо, но из тюремной ямы не доносилось ни звука, словно в ней никого и не было.

Пир в честь приезда проконсула начался, когда Веспер заблистала в небе. Кимвалы и кроталы отдавались вибрацией в крытых переходах казематов. И тогда пророк наконец заговорил.

— Грядёт она, сивокрылая! — пропел он своим старческим голосом. — Я готов. Умалиться суждено мне во славу Всевидящего и тем проторить стезю Ему.

— Бар-ра! — воскликнул Луций, по старой привычке выкрикнув боевой клич. — Я вздумал было, что ты не такой, как все пророки, но ты хуже! Если другие хотя бы забавны, то ты говоришь слишком скорбно, чтобы позабавить даже плебея.

— О, ты, онагр ослеплённый! — ответил ему слабый голос. — Одумайся, пока Пречистая не явилась к тебе! Не удержать тебе спеси пред очами её пронзительными, не вынести тебе света её, не щадящего слабой безвольности.

— Бар-ра! Можешь побережь остатки сил, чем изливать свою скорбь на меня. Я всё равно мало понимаю, что ты говоришь, — Луций и вправду не знал языка иудеев, только смутно догадывался по тону пророка о его настроениях и очень опечалился: он отчего-то думал, что поймёт Иоаканана.

— Аки онагр спесивый, чуда ты ждёшь, — заладил пророк, — так протри веки твои, встань пред зеркалом

очищенным и увидишь чудо. Ибо истину Он заронил во всяко дитя своё, во всяка зверя и во всяк сосуд безжизненный.

— И бог ваш странный. Никто его не видел, не слышал, и дары ему никто не приносит. Бар-ра! Разве ж это бог, если его силу нужно доказывать? Отсюда: либо нет вашего бога, либо он так же слаб, как ты, хилый пророк. От плохой яблони — плохие яблоки. Но, бар-ра, как бы я хотел услышать твой предсмертный хрип! По хрипу оракула можно сказать, каков его бог.

— Не твоя десница мя поразит, не твоё слово гласа животворящего мя лишит. То отродье василиска, дочь греха тетрархова заготовила приговор свой губительный. Да слаба она. Ни Гог, ни Магог, ни греховодный род не остановят хода сына Его очистительного. Беги, онагр, беги к водам крестильным, причастись, ибо начался уже путь Его сына святого. Вера твоя слаба, чудо твоё нелепо. Только идолопоклонник ждёт чуда, и только верующий познаёт. А то чудо, кое ты ждёшь, не заставит тебя уверовать, чего ты так страшишься и алкаешь.

— Чую, ты про меня голосишь, а нюх у меня хороший! И слух тоже. А слышу я и то, что ты бога своего чудесного поминаешь. Только чуда в нём мало. Бар-ра, как жаль! А я-то я думал... — у Луция от досады зачесался старый шрам, и он постучал по кнemiде в области колена, но чесаться оно не перестало, как не прошло и разочарование.

Луция обманули, надули, как щенка, поманенного сочным куском мяса. Но ни мяса, ни чуда, ни пророчества Луций не получил. Оставалось только сорвать утешительный предсмертный вздох, но и в этом его, похоже, должно было постичь разочарование. Обида — худший враг воина! Как ужасно, что из-за травмы он попал в резерв и больше не мог собирать, словно монеты, вздохи умирающих.

Пламя факелов затрепетало, и по переходам прошла лёгкая волна наподобие той, что бывает,

если впустить воздух в запертый чулан. Ассириец в высоких сапогах и чёрном симле медленно вышагивал меж факелов, долговязый и могучий, как Юпитер. На поясе у него был слегка закруглённый книзу меч — меч спекулятора. Луций возликовал, ведь спекулятор явился не просто так. Пришла смерть Иоаканана.

— Слышу, слышу, как слово плода ехидниного заносит меч! — заголосил пророк. — Но сын божий уже сошёл на землю, чёрную от греха порочного. И ты, онагр, и ты, палач, не бойтесь, прощение будет даровано вам, коли свернёте с тропы зла скверного. Покайтесь, ибо грядет царствие Его!

— Светлейший тетрарх приказал принести ему голову Иоаканана, — отрешённо произнёс спекулятор. — Приказ царя священен, но вестник Мессии неприкосновенен... Нет у меня духа, чтобы выполнить этот приказ. Прошу тебя, верный римлянин, избавь меня от этой ноши, ибо я слаб сердцем и рукой, но силен верой в пророка Мессии.

«Ах, мне выпал жребий Лахесы!» — ликовал Луций. Сдержанно кивнул, как подобает порядочному римлянину.

— Народ волнуется, ессеи хотят ворваться, чтобы спасти Иоаканана, надо быстро решить его судьбу, — предупредил спекулятор.

Они отворили медную решётчатую крышку тюремной камеры Иоаканана.

— Слаба твоя вера, евнухов палач! — не унимался пророк. — Астарта языческая умом твоим правит. Но я буду молить за всех на суде вышнем: и за ехидну, и за плод её поганый, и за василиска венцеглаваго. Ибо Он в совершенности благодатен. Аве!

Однако в последние секунды, когда они подняли пророка из темницы, он замолк, сплюснув уста, точно створы врат. Пророк оказался исхудавшим до костей, косматым стариком в запачканной хламиде. Луций стиснул челюсти.

На удивление, Иоаканан вёл себя смиренно, явно догадавшись, зачем его выволокли наружу. Он покорно сел на колени и склонил гривастую голову на грудь. Луций обхватил обеими руками меч, напряг каждый мускул и весь обратился в слух, чтобы не пропустить, как последний вздох сорвётся с пророческих губ.

Но когда мерцающая в свете пламени сталь окропилась кровью пророка, ни вздоха, ни хрипа, ни сто-на, ни мычання, ни бормотанья, ни звука не исторгла грудь Иоаканана.

Луций не мог ошибиться. Горы убитых за его пле-чами, ряды закупоренных его сердцем вздохов навострили его слух так хорошо, что он мог слышать, как плавится воздух от факельного огня.

Спекулятор забрал голову Иоаканана и унёс на пир, чтобы там преподнести на блюде тетрарху. Тут же семенящей, рабской поступью явились слуги, чтобы убрать тело, а Луций поднялся из казематов наверх. Его стояние на посту стало таким же бессмысленным, как противостояние одинокого воина вражеской орде.

Ночной воздух был холоден, в нём чувствовалось нечто траурное, и Луций преисполнился тоски. Пророк не шёл у него из головы. Что это за бог такой, которому он молился, который не издаёт звуков? По всему, это не только слабый, но безгласный бог.

Истинно, глупы здешние люди, если отдают свою жизнь такому богу, думал Луций. Даже ассириец-спекулятор отринул свою веру, изменил своей службе ради этого божка.

Из дворца хлынули люди. Их разноцветные тоги и хламиды трепетали на ветру. Словно белолистные и чёрностебельные папоротники, они распускались на широкой лестнице и вытягивались, как кипарисовые деревья, когда ветер стихал и отпускал их одежды. Многие ревели в голос, иные причитали, и Луцию стало противно. Ему захотелось, чтобы лучезарная Кибела превратила их в камни и стряхнула в море. Он попытался прислушаться к шуму близкого Мёртвого

моря, но оно было и вправду мертво: ни прежде, ни сейчас он не мог уловить шума его волн. Только стоны людского моря неслись по ступеням.

Луций притаился за одной из колонн во дворе дворца и дождался, пока скорбная толпа не скрылась за главными воротами. Принимать такой сброд, да ещё и оставлять за ним право покинуть пир свободно... Может ли страна с такими порядками стать великой?

Порядком измотанный, Луций отправился в башню, где расположили манипулу проконсула. Его всё ещё тяготило разочарование от того, что он не увидел чуда. Оно повисло у него на сердце маленьким окатышем, который мерзко стучался о стены груди.

Луций брёл сквозь ряды колонн по длинной анфиладе, едва освещаемой, прикрытой сумраком, и сам походил на вороватого соглядата, которого боги послали проведать, что творится у на земле. От мыслей о старых, знакомых богах ему стало легче.

Луций представил, что он летит, как Гермес, проносясь сквозь время, дроблённое однообразными рядами анфиладных колонн.

Капители вдруг окрасились белизной, и серебристый свет озарил парапет. Луций сперва подумал, что к нему спустилась Луна: мерцающий шар, будто светляк, полетел к нему. Напрягши глаза, он разглядел сквозь полотно чистого сияния очертания женской фигуры.

Это точно явилась Луна — наречь его посланником богов! Он перестал дышать. Нет, даже Луна не могла быть такой стройной и ослепительной. То была Киприда, протянувшая к нему руку и медленно ступавшая, словно лебедь.

В приступе экстатического восторга Луцию стало страшно: что с ним случится, когда нетленная красота коснётся его чела? Он задыхался, пока белый свет охватывал его, как кипень приливной волны охватывает гальку.

Сердце Луция не выдержало, и когда его взор не мог различить ничего, кроме белизны, когда он весь погрузился в нестерпимо вязкий и вместе с тем пронзающий свет, его предсмертным хрипом было: «О, боже!»

* * *

— Я этого не приму, — усики над губой Джерри сузились и придали ему строгое выражение. — Твои работы, как это сказать... заезженные.

— Кто сказал, — сипло заговорил Джон. — Кто сказал, что другим мои картины не понравятся? Это дело вкуса, а вкус у тебя, Джерри, откровенно дерьмовый, поэтому мои картины не для тебя.

— Я рад, что ты не теряешь присутствия духа. Эта твоя черта... — обрывок фразы съел мощный баритон вокалиста джаз-бэнда. — Кхе, это дело не вкуса, вот что я хочу сказать. Проблема в моветоне, в art nouveau. У тебя все полотно в одном стиле. И ладно бы, в востребованном стиле. Вот эта твоя картина, которую ты принёс? Сюжет с древней царицей и отсечённой башкой явно слизан с этого французского художника, как там его...

— Это Саломея с головой Иоанна Крестителя. Но мне лестно, Джерри, что ты сравниваешь меня с самим Моро. Тем более что его работы ещё относительно новы и его творчество тоже недооценили.

— Как и творчество любого художника, — крикнул Джерри. — Кхе-кхе, тебе бы попробоваться в другом направлении. Ты слышал что-нибудь о кубизме? Вот это прорыв в живописи! Сейчас любой маляр раскрашивает на холсте кубики и рубит замечательные деньжищи!

— Но такой маляр не художник. В полном смысле этого слова, — мрачно отделался Джон, барабанив пальцами в такт синкопированной музыке. — Это — художники, — Джон кивнул в сторону джаз-бэнда. — Они работают за гроши, и им плевать, сколько они получают. Они просто творят момент.

Джон уже пожалел, что пришёл на эту встречу. Его толкнула нужда — прорехи в одежде и нешуточные угрозы хозяйки выгнать его из квартиры за неуплату. Он давно знал Джерри, у которого всегда были деньги и предложения к заработку, и знал ещё прежде, чем тот стал галерейщиком и воротилой искусства, хотя ни на гран в нём не понимал.

— Послушай, — бодро заговорил Джерри, отирая вспотевший лоб. — Почему бы не взяться за контрабанду? Кхе-кхе, на днях прибывает судно с антикварной дороговизной. Твоя задача проста, как моя лысина: отбить груз, пока тот будут везти на аукцион. А остальное... узнаешь, если возьмёшься за работёнку, — он подмигнул.

— Никакого криминала, — отчеканил Джон, крепче сжимая бокал с виски. — Я завязал со всем, что идёт вразрез с законом. Одного пребывания за решёткой хватило.

— Ты не понимаешь, кхе. Пока ты сидел в тюрьме, мир изменился. Человек стал дышать свободнее. Сегодня баба работает с мужиком на заводе наравне, в той же робе, с той же Luckу в зубах! Ныне шуточка пошла: «Суфражистку узнаешь по счастью между пальцев». Такие дела свершились, пока тебя не было! Ввели Сухой закон — пить нельзя, так я думаю, специально и ввели, чтобы больше пили и бедняки набивали кошельки, провозя бутылки тайком, кхе. Сейчас каждый второй бродяга — гангстер. Вот что сейчас искусство — умение подняться из грязи. Не зря говорят, что третье тысячелетие будет эпохой Святого Духа! Искупили мы жертву Христову, пришла пора поживать на лаврах!

— Ну-ну, уймись, пророк. Третье тысячелетие... У нас второе только идёт.

— Это мелочи. Факт в том, что мы на пороге великой эпохи. Сейчас такая... м-м-м... реконструкция происходит, что ни с каким веком в сравнение. Начал цениться талант, а не герб рода. Все газеты облицованы этим молодым писателем, Фицджеральдом, кхе.

Он со своей жёнушкой такое на людях вытворяет, что никакому пузатому кошельку не снилось. И главное, гений, не какой-то третий сорт!

— Сгорит твой писатель, гении все сгорают — на костре или изнутри. Видно, каждому веку — свой глашатай. Жаль только, если нашему времени пророком служат такие, как ты, Джерри. Я тебя, может, и люблю, но ты несёшь ересь.

— Кхе, запутался ты, — Джерри поёрзал на высоком стуле. — Тебе нужна живопись? Так запрись отшельником и пиши себе картинки, покуда не кончатся деньги и идеи. Но если бы ты вправду был одержим только картинками, отправился бы в Париж. Там сейчас культурный центр, кхе-хе. Ты определись, что тебе нужно? Живопись, деньги, почёт, а, Джон?

— Не называй меня так! — Джон резко выпрямился. Голова у него кружилась от выпитого, перед глазами всё плыло. — Я больше не Джон! Не хочу быть Джоном. Джон был марионеткой, плыл по течению. Потому у него и стиля своего не было.

— А вот это верно, кхех! И модно, и звучит здорово! Нужно себя переделывать, факт. Имянаречение всегда было священо. Как тебя звать тогда?

Джон потёр переносицу, собирая мысли в кучу.

— Я подумаю ещё. Но мне нравится, как звучат Шассерио, Пеладан, Делакура...

— Кхе, опять слизыванием попахивает. Над этим тебе надо подумать, конечно. Имя определяет личность, кхе. А ты пока сам себя не знаешь. Оно и понятно: только из Райкерса вышел, ещё не оклемался. Ты обдумай моё предложение. Живопись не живопись, а на кисти и краски деньги нужны. Я могу одолжить тебе какую-никакую сумму на первое время...

— Не надо мне денег твоих! — вспыхнул Джон Бзымянный. — Я сам как-нибудь... выпутаюсь.

— Я вот что хотел сказать, — Джерри промокнул платочком подбородок. — Ты вот это искусством назвал, — он кивнул на джазменов. — Но разве это му-

зыка? Это даже не джаз-бэнд. Двое негров, один на кларнете дудит, второй на джембе барабанит, и во всём этом нет никакой синхронности, гармонии... Вот теперь вообще не пойму, что происходит. Не то поёт, не то бормочет. Это не гении, это не искусство! Как бы они ни пытались в гениев поиграть, без денег не выходит. А вот при бабле они бы и раскрутились быстро, и нормальный бэнд сколотили, и зарядились бы энергией на интересные идеи с сытыми-то мордами, кхех.

— Джерри, при всей моей симпатии... Ни черта ты в искусстве не понимаешь. Это скэт, и очень изысканно исполненный. Ребята — мастера своего дела, — Джон хотел заплодировать, но побоялся отнять ладони от стойки и потерять равновесие.

Столики «У Чамли» ютились так тесно: не то что яблоку, пылинке негде было упасть. Джазмены были едва не вжаты в стену из-за скромных размеров бара. Джон еле разглядел негра, быстро перебирающего губами, словно читавшего молитву или заклинание. Он имитировал саксофон и виолончель в одно и то же время. Истинное искусство!

— Ладно, время — деньги, — зашевелился Джерри. — Твой ответ... мне ясен, — Он поправил и без того ровные края шляпы, проверил наличие пуговицы на пиджаке.

— Погоди, — с усилием сказал Джон. — У меня совсем нет шанса? Просто скажи, на какую тему написать картину, и я всё сделаю. Только... в своём стиле.

— Джон, — отвечал Джерри с различным сожалением, — на чистоту. Чтобы раскрутить художника, ему нужна хотя бы одна картина, которая напумит, заарканит мэра или чинушу, а дальше пойдёт как по накатанной. Ни одна из твоих картин не обладает таким эффектом, и я сомневаюсь, что ты напишешь что-нибудь... эдакое! Попробовал бы бутлегерство. Лёгкое шулерство, да ещё прибыльное! Зазря строишь этого самого... философа! Жрать всё равно захочешь и гордыней не прокормишься.

Джон с негодованием отвернулся к кирпичной стене бара.

— Вот, — Джерри достал ручку и записную книжку, вырвал несчастный листик и исцарапал цифрами. — Мой номер, если что, звони.

Джона так и подмывало огрызнуться, сказать, что у него телеграфа-то дома нет. Но смолчал и взял листик с номером. Позвонит из будки.

— Ещё раз поздравляю с выходом на волю! — Джерри похлопал Джона по плечу, не глядя, бросил скомканные деньги на стойку и растворился среди шума. Джон и рассчитывал, что Джерри оплатит ему выпивку. Но новорожденному Безымянному это показалось унижительным.

В один миг так опротивели крикливые фанфароны вокруг и чернорожие музыканты, что захотелось плюнуть в лицо ехидно ухмыляющемуся бармену, свидетелю его унижения.

Свет ламп в абажурах обжёг глаза, и Джон прижался к барной стойке, чувствуя, как слёзы брызнули на ресницы. После выхода из тюрьмы он подался в живопись. И раньше чувствовал тягу к ней, но всё думал, что это не для него. Похоже, так и есть. Платить за съёмную квартирку на окраине Гарлема стало неважно, и живопись не спасала.

Если бы ему девять лет назад сказали, что он окажется в Нью-Йорке, он бы дал тому пенни на покупку здравого рассудка. Но стоило окончить Бирмингем, как мать преставилась, и отец предложил переехать в Нью-Йорк, как тогда думал Джон, столицу биржевых махинаций и умных экономистов. Ошибаться весело, если войти во вкус. А потом скончался и папаша... И уже не Джон вёл в танце с судьбой, а она вела его.

Там помоги схорониться знакомым нелегалам, тут помоги схоронить, прикрыть одно заведение, второе, десятое. Он стал рядовым мобстером и пробавлялся тем, пока копы не накрыли. Он сыграл роль мелкой

рыбки: такую закидывает в сеть закона рыбаина по-крупнее, чтобы от себя отвадить...

Всё, хватит, Джона больше нет! Есть Безымянный, который уже завтра изберёт себе новое имя и возьмётся за новое дело. Джон никого не винил и жалостью к себе не упивался.

Холодная поверхность барной стойки остудила лоб, внесла каплю ясности в мысли. Но только на мгновение. Потом разум снова покрылся липкой мутию воспоминаний, неудач и потерь. Всё, хватит, Джона больше нет! Есть Безымянный, который уже завтра изберёт себе новое имя и возьмётся за новое дело.

Он неловко оторвался от стойки, на автоматизме проложил дорогу вдоль бара, которую знал наизусть. Подошёл к задней двери, остановился перед крупным сторожилой.

— Здесь нет хода, пока не случится кое-что, — с нажимом отчитался тот.

— Знаю. Но «кое-что» уже случилось, — не без усилия ответил Безымянный. — Копы приехали, так что... Делай восемьдесят шесть! — во всё горло гаркнул он, и бар моментально превратился в жужжащий улей.

Иногда очень приятно становиться источником переполоха, особенно приятно, когда виски разъедает любые угрызения совести, точно ржавчину. Сторожила отошёл в сторону. Поток сорвавшихся беглецов быстро подхватил Безымянного. Он сам не понял, как очутился снаружи, обдаваемый свежим воздухом.

Как и любое спикизи, «У Чамли» частенько навещали ретивые ищейки. Пока полисмены лезли в бар с парадной двери, завсегдатаи выходили через другую, неприметную дверку у барной стойки на Бэдфорд-стрит, 86. Эту задумку осуществил хозяин бара, чтобы не платить поборы ни полисменам, ни мафиози. Крылатая фразочка «Делай восемьдесят шесть» пошла от названия улицы и значила примерно то же, что «делай ноги».

Джон отряхнул истёртый жилет в надежде очиститься от брани и низости местных пьянчуг. Он всё

равно не такой. Он пример просвещённой молодёжи новой эпохи, читающей на завтрак вместо газеты теории Канта и перепробовавшей все виды спиртного. Некоторое время он надеялся дождаться тех джазменов, но его подхватила новая волна выплывающих из бара, и ему стало наплевать.

У него не было денег ни чтобы поймать кэб, ни на трамвай. Пешком идти больше часа — это если ему повезёт и его не избыют, чтобы сорвать жилет или старые парусиновые брюки. Ну, да ладно, значит, на то судьба — плюнул Джон, пообещав себе, что больше он не будет вести себя так безрассудно и попустительски, это было привычкой старого Джона.

Конечно, всё это была дешёвая брехня, что мир изменился, пока Джон изучал прутья тюремной решётки. Нормы и законы хоть и сменили одежду, но на поверку остались прежними. Стал ли свободнее человек?.. Джон задумался, да так сильно задумался, что даже споткнулся и согнулся у обочины, ожидая, пока желудок вывернет кислым зельем. Безымянный отёр губы и поплёлся дальше.

Ничего, в сущности, не изменилось. Разве что спикизи расплодились. Но на Бэдфорд-стрит высились те же дома. Пятая авеню была всё так же широка, как Миссисипи в засушливый сезон. Адамс Мот так же блистала на экране в самых разных ампула. На Аллен-стрит, где он жил прежде, так же цвела бедность и не прекращалась будничная суতোлка маленьких людей.

В искусстве появились новые имена и жанры... Так они и раньше появлялись. А то, что стало легче забраться на верхний этаж социального здания, где ютился обеспеченный класс, просто прихоть времени.

«Век элевсинских мистерий» — так бы он назвал этот изменившийся мир. Власть имущие иерофанты решили раскрыть тайну обрядов, позволяющих обрести единство с богом и сделаться бессмертным. Да только ненадолго.

Светляки бились о свет газовых фонарей и о вывернутое сознание Безымянного. Он вглядывался в лампы фонарей, пока перед глазами не заплясали блики. Это отрезвило и развязало нахальный язык.

— Британки зимне холодны, — гортанно запел он. Сожалеть будет потом. А впрочем, не будет. — И если лица их прекрасны, зато уста их ледяны, и на привет уста безгласны, — голос его летел по улице, словно выпущенный голубь. Воображение разыгралось, неистово захотелось, чтобы ночь ответила голосом белокурой Киприды, которая могла бы приласкать его. Всякий художник ищет любви — утешал себя Джон.

«А впрочем, нет, всё это дешёвый романтизм», — отрезал Безымянный. Но всё-таки ему хотелось изведать чудо. Такое чудо, какое случается только с художниками, и которое обыватели зовут Откровением. Он бы променял всю свою жизнь, только чтобы обрести это заветное Откровение, пусть даже и умереть после того, как оно объемлет его существо.

По временам он думал, что Откровение — это любовь, а порой, что это — вдохновение. Ни того, ни другого он не познал во всей их полноте. Наверное, Откровение и было полнотой, непреходящим ощущением насыщенности.

Дома его ждало нечто похожее, хоть и недолгое. Некое подобие всегда можно ухватить. Так же с портретом: уловишь характер во всей его силе — хороший выйдет портрет. Но у Джона с портретами не ладилось, а проблески вдохновения он ловил, пробуя «маковы слёзки» — опиум. Хоть в чём-то не отставал от французских мазил.

Безымянный закрыл глаза. Он постарался в деталях представить свою белокурую Киприду, её дерзкие, как у дикой кошки, глаза, тоненькую шейку, покатые плечи, карминовые губы и стройные ножки в туфлях-лодочках... Нет, муза не может выглядеть как водевильная девица!

Прав был Джерри: прошло время мечтать. Джон сунул руку в карман брюк, проверил наличие бумажки с номером Джерри. Завтра найдёт, откуда позвонить.

Когда он поднял голову, то сперва не мог разглядеть ничего, кроме кристально чистого, как сама благодать, света. Нью-Йорк остался в дурной приземлённой реальности.

Безоттеночное, негасимое сияние словно засасывало Джона, распространяя по закоулкам его мыслей непередаваемое понимание бытия. Если с ним случилось всего лишь помутнение рассудка, то Джон был несказанно рад этому.

Он не мог рассмотреть, но догадался, что ему явилась долгожданная муза. Может, она уйдёт уже через секунду, растворившись, как флёр, но этой секунды ему хватит, чтобы осознать больше, чем за все прожитые годы.

Мир преобразился фаворским светом, и Джон — вместе с ним, утратив прежнее имя.

* * *

Марсель спускался по ступенькам подъезда, но сил уходило столько, словно он поднимался в гору. Перед каждым шагом Марсель глубоко вдыхал, как перед прыжком в воду.

Сеанс проходил ровно два с половиной часа: Марсель засёк. Это стоило тех денег, что он заплатил. Это стоило даже больше...

Потемневшие стены подъезда зрительно сузились, мрак сгустился. Марсель спускался уже не по лестнице подъезда, а по ступеням своего сознания. Краска на стенах громко потрескалась, и трещины запульсировали, как синие вены. Из трещин разбежались струями огненные ящерицы разных цветов.

Марсель зажмурился. Все эти галлюцинаторные фантазмы смутили его, как мальчишку, хотя он знал, что это всего лишь побочный эффект от сеанса.

Через миг он услышал голоса троллей, заманивавших его в подземельное царство. Они нашёптывали сладкие речи: «Зачем терзать себя и смысл искать? Будь доволен собой и пойдём с нами гулять!»

Марсель до боли сжал челюсти и чуть ли не бегом понёсся вниз, едва различая ступеньки. Вместо троллей он уже слышал голоса гангстеров, наводивших на него дула пушек.

Дверь в подъезд вырисовалась чёрным пятном, облепленным жгуче-янтарными ящерицами. Одна из них села на круглую кнопку домофона. В голове заиграла песня Армстронга «Let My People go». Напевая её про себя, как молитву, Марсель раздавил ящерицу — она взорвалась соком, как спелая ягода, — и нажал на кнопку. Дверь открылась.

Мир снаружи не изменился, как думал Марсель. На лавочке его ждал друг Мишаня — квадратный, как шкаф, и не менее угловатый в своей прямой логике.

— Здорово, Кастанеда! — бодро приветствовал он Марселя, стискивая в объятьях.

Марсель «Кастанеда» — так в шутку звал его Мишаня за любовь к мистическим практикам и склонность к «экзотерике». Мишаня «Архангел» — так в ответ подтрунивал Марсель над другом за его устаревшую благочестивость.

— Ты как? — спросил Мишаня. — Виду тебя дрянь. Как будто в больничке месяц пролежал, а я приехал тебя забрать по выписке.

— Жесть.

— Чё, всё настолько плохо? Или настолько хорошо? Я не догоняю.

— Я сам не догоняю. Как с похмелья. Нет, хуже. Физически я норм, бодрячком себя чувствую. А внутри... Как будто внутренности прогоркли, но мне промыли кишки, и теперь такая лёгкость, что я аж неживой. Короче, бесполезно объяснять.

— Н-да, жесть, — Мишаня сел на облупленную лавочку. — Я-то думал, ты хоть изменишься. А ты всё

такой же, так же держишь меня за дебила. Понимаю я, о чём ты базаришь, могу представить. Давай по порядку. Что видел? Как это всё происходит? И есть ли смысл в этом? Хуже не стало?

Засыпанный вопросами, Марсель не выдержал и сел на лавочку.

— Хуже не стало, смысл в этом есть, — Марсель замолчал, тщетно подбирая слова, словно пытался голыми руками поймать стрижей, а они непослушно разлетались и посмеивались тонкой пронзительной трелью, сводящей с ума. Мишаня вовремя выручил, подсобляя нужными вопросами:

— Тебя чем-нибудь таким поили? Псилоцибы, может, или просто психоделики?

— Нет, ничего такого, — уверенно ответил Марсель, хотя уже не помнил точно, давали ему что-нибудь перед входом в транс или нет. — Состояние такое мягкое и совершенно другое, не как под какой-то химозой. Это как сравнивать мазню ребёнка и шедевр живописи.

— Не, изменения есть. Раньше ты такими оборотами не разбрасывался... Видения были, значит? В реальности или...

— В реальности, только в другой. Другой по времени.

— А-а, то есть это не туфта, что ты свои прошлые жизни видел?

— Не туфта. И не видел, а прожил..

— Да, хорошенько они тебе там мозги промыли...

Марсель не придал значения скептицизму друга. Ему вообще показалось, что не было смысла разубеждать Мишаню. Захочет узнать, что да как, — выслушает и слова не проронит. Но раньше он вступил бы с ним в горячий бесплодный спор, скорее призванный дать разрядку накопившемуся недовольству.

Их дружба представляла почти сверхъестественный контраст. Мишаня ютился в кругу городских анархо-панков, немногочисленных, почти вымер-

ших, как динозавры, и таких же агрессивных. Марсель больше тяготел к тихим неформалам, не определившись с центром мировоззрения, потерянным в глазах окружающих. Впрочем Марсель уже понял, что всё его окружение, друзья и знакомые тяготели к нему только в силу неразгаданного закона антитезы, который он раскрыл сегодня после транса. Ведь и в далёком прошлом он ладил только с теми, кто был мало на него похож...

— Ну, чё интригу мутишь? — вскипятился Мишаня. — Как там что происходит?

— Как во всяких фильмах. Ты просто лежишь, закрываешь глаза, а тебе задают разные вопросы. И потом ты засыпаешь... И как бы окунаешься в свои прошлые жизни.

— А ты уверен, что это не сон? Или как ты сам это называл... Осознанное сновидение?

— Нет, всё по-другому. Ты контролируешь свои действия, но при этом угадываешь заранее, что будет дальше, потому что ты уже проживал этот момент. Что-то типа дежа вю, только неявного. И это не какая-нибудь дешёвая симуляция.

— Ещё бы за такие деньжищи они тебе симуляцию подсунули! Ну, легче тебе стало-то? Там же вроде надо прожить такие моменты, которые повлияли на твою настоящую жизнь или как-то так.

— Сложно сказать, те это были моменты или нет... — уклончиво ответил Марсель.

— А потом эти гипнотизёры объясняют, почему тебе плохо сейчас, и почему ничего не получается в жизни?

— Вроде того, — и Марсель решил рассказать, как очнулся после сеанса. Он обдуманно подбирал, что сказать, чтобы самое странное и недоступное Мишане обошло его ум.

Образ проступал, мерно выплывая из бесцветного, монохромного пространства, словно нос корабля, разрезающий воздух.

Он не мог понять, где находится, и какие в этом мире цвета. Это было похоже на невесомое и необъятное «нигде». Но впервые ему не было страшно встретиться с Ничто, кошмарным и липким царём этой страны «нигде».

Ему казалось, что он мог бы провисеть или пролежать — просто пробыть в этом бестелесном и пустом состоянии миллиарды миллиониев. Но когда образ прорвал полотно, наполнив мир цветом и напомнив о том, кто он такой, что имя его Марсель, стало понятно, что он возвращается в знакомую Вселенную, на вращающуюся, как шарнир, планетку под вывеской «сансара». Только он возвращался не сам, а его потянул тот образ.

Образ был женщиной. Она выступила из ниоткуда, розовощёкая, со смугловатыми мясистыми руками, с реками вьющихся русских волос, открывающих высокий лоб. «Проснись», — прошептала она, и Марсель вспомнил, что такое звук.

Он разомкнул глаза, всё ещё храня в теле ощущение невесомости. Щёлкнул метроном, послышалась возня. Марсель снял маску для сна, посмотрел по сторонам. Он лежал на диване, а у противоположной стены на другом диване сидел тот самый образ, женщина. Она подошла к нему, внимательно всмотрелась в его лицо. Её губы пошевелились, но Марсель ничего не услышал, как будто кто-то выключил звук, представив картинке двигаться безгласными кадрами.

Женщина обернулась, что-то кому-то сказала. Она была одета в белое платье, похожее на греческий хитон. Марсель сомневался, что её специфический наряд был частью сеанса, скорее частью стиля женщины. Женщина была регрессологом, это она устроила ему автостоп по предыдущим реинкарнациям.

В комнату вошёл мужчина с чашкой в руке, подал её Марселю. Это оказался какой-то чай, отдававший полевыми цветами. Так Марсель вспомнил, что есть вкус.

Мужчина был гипнотизёром, он ввёл Марселя в транс. Когда губы женщины задвигались, мир вновь обрёл звуки:

— Сильно загрязнённый умственный очаг, хотя враждебных инсектоидов я не заметила. Реципиент явно входил в лёгкие медитативные состояния, но его сущности нелегко остаться наедине с собой, и переход в другое измерение остался для него недоступным. Разочарование микрокосмического порядка. Из-за собственной неустойчивости верит в перманентную устойчивость первоначала и бессмысленность окружающего.

— Ты нашла фиксаторы в предыдущих воплощениях?

— Прошлые воплощения больше оказали подталкивающий эффект, но состояние фрустрации породило меланхолию и резиньяцию в настоящем воплощении.

— Это были вы, — сильным голосом, словно месяц хранил обет молчания, заговорил Марсель, вклиниваясь в их заумный разговор. — Это вы были той женщиной, — продолжил он. Чай придал ему сил. — Я видел вас в предыдущих жизнях. Вы мне все жизни... испоганили. Я из-за вас то умирал, то впадал в жёсткую депрессию. Я не знаю, как это возможно... Но это точно были вы.

— Говорит внятно, осознаёт происходящее, — сухо заключил мужчина, забирая чашку и помогая Марселю сесть.

— Как чувствуешь себя? — озабоченно спросила женщина.

— Нормально я себя чувствую, — деревянным голосом ответил Марсель, хотя сам до конца не знал, что чувствует. — Ответьте, я хочу знать. Что это значит? Вы точно были там. Как видение, как дух — я не знаю. Может, ваша судьба связана с моей, и вы в других воплощениях были ангелом... Короче, объясните.

— Ты можешь объяснить, как на самом деле появился человек или как зародилась планета, не при-

бегая к чьей-то теории? Вот и я не могу. Я могу только изложить свои гипотезы. Какая понравится, выберешь сам, — женщина в упор посмотрела на него.

Марсель кивнул, хотя такой расклад ему не нравился.

— Первая моя догадка такая, что ты запечатлел моменты перехода от одного воплощения к другому. Поскольку вела тебя я, ты и видел меня как станцию перехода. Такое случается редко, обычно спящий не улавливает эти моменты и мягко перетекает из одной жизни в другую. Иногда улавливает, но всегда воспринимает по-разному. Были спящие, которые видели конец улицы, а за ней стену мрака и просто входили туда. Были такие, которые видели чёрную дыру и прыгали туда, хотя сами до конца не понимали, что делают.

— Но тогда я не умирал бы, когда видел вас. А это точно вы вызывали у меня сердечный удар либо приступы паники...

— Дело в том, что ты не переносишься в свои прошлые воплощения телесно, твой мозг только воспроизводит определённую модальность к окружающему. То есть ты видишь фильм, но не играешь в нём роль. Поэтому ты можешь в любой момент выключить этот фильм, прыгнув в чёрную дыру. Но в твоём случае я плавно вела тебя через цепь воплощений, и поэтому ты видел меня, как твоего поводыря. От чего ты погибал, я не знаю, моё сознание просто накладывалось на твоё, и изображение как бы замещалось другим кадром. В действительности ты видел что-то другое, и тебя так сильно поражало это «другое», что ты погибал. Что именно, я не знаю.

— А вторая гипотеза?

— Сложнее, — менторским тоном отвечала женщина. — Произошло короткое замыкание, и, как следствие, в момент столкновения двух разноплановых измерений случился выплеск энергии, который нарушил функционирование твоей сущности. То есть... В те

моменты, когда ты видел меня, в твоей жизни происходило нечто из ряда вон. Значит, в реальности, когда ты переживал эти воплощения, ты действительно видел мой образ, но умер не из-за того, что он тебе явился. В действительности ты пережил инсайт, озарение, эврику. За короткий миг твоя сущность проделала такую эволюцию, что ты нарушил все мыслимые законы и сумел разглядеть меня через ткань времени.

— Тогда я умер из-за вас.

— Нет, ты бы всё равно умер. Ты же видел меня не так, как я выгляжу сейчас? Ты видел мой образ, достроенный твоим сознанием, и интерпретировал его, согласуясь с тем объяснением, какое ты дал своему озарению. В одном воплощении ты мог думать, что я ангел, в другом — что я бес или муза. Каждый раз ты видел меня разную в соответствии со своим миропредставлением и ситуацией. Своим озарением ты вызвал такой резонанс, что не смог с ним справиться. Либо справился, но это колоссально повлияло на твою личность, твой характер, твои ценности.

— И повлияло на меня настоящего, на моё теперешнее воплощение?

— В каком-то смысле. То, что ты до сих пор помнишь после транса свои воплощения, — редкое явление. Теперь тебя ждёт такая трансгрессия духа, которая не случилась бы с тобой, если бы ты всё забыл.

— И какое объяснение ты выбрал? — спросил Мишаня.

— Никакое. Я всё равно мало что понял, да и истина, как всегда, где-то посередине, а у меня не было с собой линейки, чтобы искать эту середину.

— О, ты шутишь! Не дохлый, значит. Но промыли они тебе мозги конкретно. Ты веришь в то, что это всё было реально? Ну, твои сны?

— Это были не сны. И это не осознанное сновидение. И они ничего мне не добавляли, и никак не влияли на то, что я видел.

— Хорошо-хорошо, не спору. Я уже наслушался твоей муры про майю, пузыри, кажимость вещей и бессмыслицу существования. Хватит, нажрался я твоих пузырей. От них изжога. Заноси новое блюдо.

Марсель вспомнил, что в последний раз сильно поругался с Мишаней: как обычно, доказывал, что его правда была правдивее, чем какая-либо другая. После этого Марселя, как заводную куклу, потянуло запереться в ванной и сделать маленькое «кровопускание»...

— Ну, тебе стало легче? Больше не хочется?.. — Мишаня с намёком посмотрел на руки Марселя. Шрамы от порезов на кистях ещё не зажили, но он даже не скрывал их.

— Да. Я даже понял, почему у меня циклотимия. К этому ещё в других жизнях у меня была расположенность, и никакая наследственность не виновата. Вообще... — Марсель резко вскочил с лавки. — Всё вдруг стало ясно. Появился какой-то смысл во всём!

— И какой?

— Вот это самое непонятное. Он где-то рядом, но его жёсть как трудно нашарить. Но он есть. Пусть даже человечество ещё тридцать три тысячи лет проживёт и не сможет найти, но это будет не зря. Потому что хоть чуть-чуть ближе мы станем к этому смыслу.

— Тридцать три тысячи? — как коршун, вцепился Мишаня в слова. — Почему именно тридцать три?

— Не знаю. Но это не случайно мне на ум пришло! Вообще всё не случайно! Мы зря смеёмся над поговоркой «случайности не случайны», у всего есть причина.

— Даже если это случайная причина, — усмехнулся Мишаня. Через секунду он задумался, втянул голову в плечи и нахмурился.

— Ты редко фонтанируешь так на трезвую голову, — с опаской сказал он. — Ты уверен, что у тебя не это?..

— Не припадок? Нет, Миша, абсолютно не то! В том и проблема была. Раньше я даже в самом при-

поднятом настроении не мог нормально разговариваться, потому что у меня засела одна программа — глубокомысленно молчать, а то либо проведдают все мои тайны и поймут, какой я простак, либо решат, что я полный крейзи. А во время припадков хотелось говорить и говорить, только чтобы скрыть от других и самого себя, как мне на самом деле фигово. Всё дело было в тайне. Я хотел иметь тайну, но в итоге она поимела меня! А сейчас я даже признался тебе во всём этом!

Мишаня настороженно глядел на Марсея, видимо, боясь увидеть, как Марсель не впервые «сорвётся с горы» и начнёт творить невесть что, продолжая улыбаться и приплясывать. Но Марселю было всё равно. Все эти недопонимания разом перестали его волновать, как если бы он мгновенно оглох, хотя минуту назад мучился от раздражающего бешеного шума за окном. Такое с ним бывало, когда он жил в Гарлеме: его настигали внезапные вспышки прояснения, отрешения и вдохновения. Именно в таком порядке.

— Может, если бы ты пережил то же самое, ты бы тоже всё понял, — без тени обиды сказал Марсель. — Но я понимаю, какой я stupid, раз не смог сам до всего этого дойти! А хотя не о чем сожалеть! Когда-нибудь и ты поймёшь. Потустороннее не так заоблачно, как кажется, а посюстороннее не так абсолютно. Если они когда-нибудь сойдутся в одной точке, — а они обязательно сойдутся! — тогда всё станет на свои места. Но я бы даже хотел, чтобы это подольше не случилось, всё-таки хочется пожить, посмотреть на эту весёлую бессмыслицу.

— О, ну, вот уже знакомые слова, это ты и раньше говорил. Но всё равно хорошенько они тебе мозги промыли. Я б сказал, постирали даже. Интересно, с каким порошком стирали? А то свежестью так и пахнет, совсем как новенький.

— С лаской стирали, Миша, с лаской и пониманием.

— Профессионалы, да. Ну, я рад. Чем бы они тебя там ни прополоскали, хочу верить, что ты таким и останешься, мне больше нравишься, хоть и непривычно. Главное, чтобы они тебя на это не подсадили. А то ещё начнешь бегать к ним за «дозой»...

— Совсем не так.

— А как тогда?

— Поживём — увидим. Главное, что поживём. Жить надо, это прям точняк!

Марсель оглядел высокие башни многоэтажек, смыкающиеся в ровный квадрат вокруг ничем непримечательного дворика.

— Мда, мэджик какой-то... — поражался Мишаня. — Выглядишь как ополоумевший. И просвещённый. Прям знаешь, ещё секунда и начнёшь доказывать, что искать квадратуру круга не такая уж дичь или что дважды два равно пять. Или наоборот, чёнить толковое зафигачишь. Типа: государство — только голограмма, подсаживающая нормы правоверного общества в наш мозг...

— Это всё — твоя тема. И вообще, доказывать что-то — лишняя растрата энергии.

— Какой энергии? Волшебной? — глаза Мишани с ехидным лукавством пронзили Марсея. Тот только улыбнулся улыбкой, какой улыбаются римляне-триумфаторы. Он ничего не ответил, но раньше, конечно, заспорил бы, горячо и глупо, изматывая на убедительно звучащие аргументы все силы, стирая свою личность в беге по твердокаменному упорству и скалистым провокациям.

— Так что же? Какая неоспоримая истина тебе открылась? Только не говори, что миром правят вера, надежда, любовь, иначе я разочаруюсь и в этой регрессологии навсегда.

— Ну, тогда мне нечего тебе сказать, — хохотнул Марсель.

Мишаня с досадой кивнул. Марсель сел рядом и, откинувшись назад, уставился в маленькие окна

многоэтажек. Одинаковые и блеклые, они словно говорили, что и люди, живущие за этими окнами, такие же однотипные, заляпанные и истёртые. Но это было не так.

— Я точно вот что понял. Что есть в человеке что-то... непознанное. И непознаваемое.

— Мистика сплошная. Экзотерика.

— Совсем нет. Просто хорошо освоенная реальность на границе со сновидением, — через секунду Марсель ломано затынул: — What a wonderful world.

Олеся Майбах

г. Москва

Наталья

Рассказ

Собирались выехать рано утром, ещё засветло, чтобы не застать новосибирские пробки и быть в Мурашках часам к 11. Но получилось как обычно. Настя возилась, Наталья бесилась. О необходимости позавтракать они додумались, уже стоя в дверях, Наталья спешно разогрела оставшуюся с вечера гречку, разбив в сковородку пару яиц. Мама бы одобрила такой завтрак — сытный, простой, дешёвый. И папа его почему-то очень любил.

Ели торопливо, часто прихлёбывая горячий чай (дорогущий подарок от компании на Новый год, а Наталья так и не могла расчувствовать в этом чае нотки манго и маракуйи). Настя закинула в посудомоечную посуду грязные тарелки, сковородку, пока Наталья звонила маме сообщить, что они задерживаются. Мама на это меланхолично заметила: она совсем не удивлена и даже уже пришла в контору поработать до обеда. Наверняка перепроверяет цифры перед какой-

нибудь проверкой. Мама до жути боится налоговой.

— Ну, что, Ба как обычно? — Настя повязывала шарф перед зеркалом, пока Наталья внутренне кривилась от слишком медленных движений дочери и дикого сочетания красного шарфа, фиолетовой сумочки и зелёных кроссовок.

— Да, сказала, что уже на работе и нас утром не ждала.

— Ха, типичная баба Люба.

Наталья мучительно настраивалась на эту поездку. Мать очень заранее подняла тему о необходимости вместе съездить на кладбище на десятилетие смерти отца. И несколько месяцев назад собраться вместе, побывать спустя семь лет в Мурашках было отличной идеей. Но тогда казалось, что поездка будет в следующей жизни, а не в ближайшие выходные. Теперь же стало понятно, что впереди у неё четыре часа в замкнутом пространстве с Настей, потом поход на могилу отца, где она много лет не была, ночёвка в одном доме с матерью и несколько часов с Настей в машине на обратной дороге. Она всегда не любила состояние опьянения, но сейчас она бы очень хотела выпить, чтобы забыться, останавливала лишь поездка на автомобиле. Так что остаётся только пережить это событие.

О том, что они въехали из Новосибирской области в Алтайский край, стало понятно даже не по большому знаку, а по резко ухудшившимся дорогам.

Накрапывал мелкий, противный серый дождик — морось, закутывающая всё вокруг в тоскливое покрывало. Бегающие по лобовому стеклу дворники раздражали своей рутинностью, повторяемостью.

Но Наталья в целом ощущала себя раздражающейся от всего. Она нервничала перед поездкой — не могла вспомнить, когда в последний раз они с Настей оказывались в одном помещении дольше, чем на 20 минут. Их переписки в мессенджерах давно состояли из фраз «Ты где?» и списков покупок. А тут 4 часа

запертыми в автомобиле. Наталья даже заранее подумала, о чём они могут поговорить. Почитала, чем сейчас интересуется молодёжь. Так и не поняла, что такое мем, и какая именно из сотен увиденных её картинок — тот самый мем.

В начале поездки, когда ещё в ней был какой-то настрой, готовность что-то построить из этих четырёх часов, а в голове барахтались воспоминания о парочке просмотренных клипов и трейлеров, она ринулась в попытку завязать разговор:

— Ну, как в институте?

— Я учусь в университете, не институте, — Наталья показало, что она услышала вздох дочери даже с заднего сиденья, за гулом двигателя, шуршанием шин, рёвом других автомобилей на дороге. Но она старалась не растерять энтузиазм: странно и неловко молчать с дочерью четыре часа, какие тогда они дочь и мать? Странно это.

— Ну, как в университете?

— Да нормально. Всего две пересдачи будет осенью.

— Какие пересдачи? Почему у тебя пересдачи? — она развернулась к дочери — та смотрела равнодушно.

— Ну, пересдачи и пересдачи. Какая разница, когда я выучу что-то? В дипломе об этом не пишут, работодателям пофиг.

Так что большую часть поездки они проверили в раздражённом, агрессивном молчании.

В середине дня въехали в Мурашки. Это было фантастическое место, в котором время остановилось. Хотя не так. Что-то менялось: дома, которые в её памяти сохранились цветастыми и покрытыми «шубами», внезапно обросли уродливым убогим сайдингом. Деревья на центральной аллее подросли. Состарились жители, что особенно было заметно по сорокалетним женщинам: десять лет назад они были красавицами, пышущими жизнью, энергией, любо-

вью, а теперь многие стали потухшими, выцветшими. Наташа не могла поверить своим глазам: некоторые девочки, которые были малявками во время её выпускного, сейчас выглядели старше неё.

Но при этом это место было вне времени: никакой жалкий сайдинг и распространение пластиковых окон не изменят нутро, душу этой деревни, гордой в своей нищете.

Здесь у всех были обширные гардеробы и регулярно менялись телефоны, потому что люди всё время перекупали вещи друг у друга, ничем долго не пользуясь.

Здесь все друг друга знают. Её по имени приветствовала продавщица в магазине, возраст которой сложно оценить — он мог составить как 25, так и 55: вычурный безвкусный макияж и попытки выглядеть сексуально в дешёвой одежде бурных оттенков и сомнительного качества мешали нормально понять возраст женщины. Наташа даже опасалась, не кто-то ли это из её одноклассниц: под таким количеством тональника и пятен теней, губной помады можно успешно скрываться от полиции всю жизнь.

Это место было пронизано флэшбеками. Вот пень от дуба, под которым нежданно-негаданно настиг её первый поцелуй. За поворотом прячется колонка, в которой вся местная детвора запасалась топливом для битв на Ивана Купалу. Интересно, она ещё работает? Вполне вероятно: если до сих пор иногда воду отключают, без колонки не обойтись.

Ближе к озеру деревянный детский городок, построенный местным умельцем дядь Виталием — добрейшим человеком, который дни напролёт помогал всем знакомым: кого домой подвезёт, кому забор поправит, кому бензопилу одолжит. Ох, сколько его жена бранилась. Но дом их всегда был полон гостей и помощников. И каждая посадка картошки у него — это событие, на которое собиралась треть деревни: все вместе за два часа сажали двадцать соток, а потом до

утра это дело праздновали. А умер — и разбежались помощники, прихватив с собой все одолженные дядь Виталием вещи. Так и бродят по городу, а то и по краю, собранные на коленке дядь Виталей инструменты — вроде всё на скотче, а наверняка двадцать лет лучше нового работает. А главное его творение — деревянная горка-дворец, карусели в виде Змея-Горыныча и Колобка — так и радуется детворе днём и компании подростков вечерами.

Подъехали к зданию конторы, где работала мать. Это место было пропитано столькими воспоминаниями. Наталья шла словно по кладбищу местному, а не по конторе. Давным-давно в коридоре на лавочках сидели ждавшие накладную водители. Они много курили, были громкими (пытались наговориться перед поездками в одиночестве), очень загорелыми, потными. Знали её и часто предлагали довести до дома или звали просто покататься. И иногда она ездила по ближайшим сёлам или полям. Её папа считал полезным, что она смотрела на то, как работают простые люди.

Ей нравились такие поездки: ей в руки давали морковку, яблочки или пирожок, рассказывали забавные истории, а она замороженно наблюдала, как зерно сыпается из комбайна в кузов, и как клубы пыли взрываются из-под грузовика. Потом в поле её кормили вместе со всеми работниками: выдавали синий термос, наливали чай в кружку из-под термоса. Какие были вкусные котлеты. Никогда больше не ела она таких вкусных котлет. Она была привередливым ребёнком, любила возиться, «раскапывать еду», как говаривала бабушка. Не ела картошку и капусту в супе (ну, это до тех пор, пока не начала сама жить и полностью себя обеспечивать). Но в поле — может, это магия еды на природе, может, усталость от езды в трясущемся на кочках грузовике, может, вид со страстным аппетитом жующих людей — в поле она под чистую съедала всю еду в тарелке, даже мерзкий

жареный лук, который она до сих пор выковыривает из еды.

За этой дверью сидел Виктор Степаныч, руководитель мамы. У него в кабинете стояла печатная машинка, и частенько Наташу сажали за неё, чтобы она не скучала: её почему-то очаровывали печатные машинки, сам момент, когда на чистой бумаге проступает какой-то символ. Она любила медленно-медленно нажимать на клавиши и заглядывать с боку, чтобы отследить сам момент касания. Ну и звук, конечно, лучше всех барабанов во всех песнях было для неё та-рахтение печатной машинки.

У Виктора Степаныча часто были посетители: душевный и компанейский он был человек, всем помогал, участвовал в решении множества проблем, даже не имевших никакого отношения к главному бухгалтеру. Многие к нему заходили и просто за советом, и новостями поделиться.

Интересно, многие ли сейчас останавливаются возле его могилы, как останавливались возле его кабинета много лет назад? Наталья бы остановилась. У неё осталось несколько вопросов, для которых именно Виктор Степаныч дал бы самые лучшие ответы.

В конце коридора появилась невысокая женская фигура. Коридор, как и тридцать лет назад, был полутёмный: вдали окно, по сторонам две длинные колонны вытянувшихся по струнке дверей. Свет только от этого высокого окна. Только теперь за ним вместо робкого оперения молодых берёзок плотная занавеса из тучной листвы больших деревьев.

— Здрасьте! Не подскажите, в каком кабинете Любовь Григорьева работает? Я дочь её.

— Наташка, чё, уже мать родную не признаёшь?

Наталья с неуверенностью рассматривала растущую перед собой стройную, ловкодвигающуюся фигуру. На маму совсем не похоже.

Вот стала угадываться в полутемноте одежда. Джинсы? Её мама в джинсах?

Но конечно же это была мама. Они обнялись.

А Наталья, готовившаяся увидеть пугающе, внешне, неряшливо стареющую мать, неожиданно встретила подтянутую и стильную пожилую женщину. Мать говорила, что перестала краситься и давно не стриглась. Но её очень красила седина и убранные в пучок волосы — в свете уютного и ласкового весеннего солнца Наталья ещё больше поразилась классному внешнему виду матери.

Хотелось спросить, когда мама умудрилась про- вернуть этот трюк с собой. Но когда — как раз было понятно: у матери семь лет на это было. А вот как, зачем?

Мать была в неплохо сидящих тёмных джинсах, а она ведь никогда не носила джинсы! Отец всегда считал их слишком западной одеждой. Слишком символ того, что он столько лет ненавидел. Или столько лет ему говорили ненавидеть.

И теперь они ехали к отцу на кладбище. 10 лет Наталья успешно избегала это место. Она завела кошку, которая регулярно «болела», она работала как проклятая, таскаясь на работу по выходным, а на самом деле сбегая отсюда, она выдумывала симптомы, с которыми нужно было срочно идти к врачу в субботу. Теперь эти оправдания закончились, и она оказалась лицом к лицу с ним — с отцом. Вернее, не с ним, а с не самой удачной его фотографией. Ей было настолько пусто, что она даже не пыталась найти силы, чтобы в чём-то поучаствовать. Наверное, Настя тогда больше всех сделала, точно больше неё, но, может, и больше мамы.

Она знала многие личности отца. Сквозь десятилетия рядом с ним она успела полепить пельмени и повибирать ёлку с самым мудрым и обаятельным человеком, что она знала. Потухшим человеком, прятвшимся ото всех и от всего в своём доме, потерявшим понимание жизни — стержень. Из него словно вынули позвоночник, скелет, и он осыпался бесфор-

менной, потерявшей, рассеянной грудой, не понимая, куда двигаться и как.

При этом у отца была забавная любовь к кокаколе. Сам себе он её никогда не покупал. Но стоило притащить бутылку — и начинался спектакль. Отец радостно ворчал: что за вредный американский напиток ему притащили! Громко, на весь дом и почти для соседей рассказывал, чем плохи все напитки в доме (компот слишком холодный, для пива рано, морс кислый) — и в обнимку утаскивал бутылку с собой в зал, где весь вечер попивал колу из своей любимой кружки. Полуторалитровой бутылки ему хватало как раз на вечер.

На кладбище она встретила хохотушку Танечку Варенцову, которая 20 лет назад могла любого уболтать на то, чтобы выпить вина, водки, выйти на танцпол, подойти наконец пообщаться с объектом симпатии (она всё про всех знала — и ничего другим не рассказывала, а сосватала полдеревни). И вот сейчас она заговаривалась на могиле своего погибшего в Сирии сына, путая, какой сейчас год: она резво вскочила на встречу Наталье, обняла её, расцеловала в обе щёки, начала зазывать на танцы сегодня вечером, потом переключилась на рассказ о том, как поделка сына заняла первое место на конкурсе в Барнауле: «Такой ёжик милый получился — и он каждую иголочку сам из дерева выточил, сам приделал, покрасил! Как настоящий ёжик получился!» Наталья как замороженная смотрела на Танечку, как змея на дудочку факира, и лёгкие, почти невесомые ручки Танечки: и двадцать лет назад она была стройной, воздушной, хвастала крепкими и хрупкими балетными ножками в лосинах дикой расцветки, а теперь совсем съежилась, стала похожа на тусклую, выцветшую фарфоровую куклу, с какими нельзя было играть в детском саду, — эти невесомые ручки придавили Наталью к земле, как вбитые в землю копыя.

— И вот мой сыночка скоро снова вернётся, опять, наверное, столько гостинцев привезёт, что почти всю армейскую зарплату растратит! Вот дурачок!

Мать, несущая из машины сумку с продуктами и хозяйственными принадлежностями, ловко подскочила к Татьяне, скинула её ручки, вручила вытащенное из пакетика и лихо очищенное от скорлупы варёное яйцо, усадила на крохотный стульчик у могилки её сына, погладила по голове, шустро пошла дальше. Наталья, как собачка на привязи, пошла за ней, заставляя себя переставлять ноги и боясь оглядываться.

— И как она, может, домой отвезём?

— Да за ней Ярослав приедет через пару часов. Ей хорошо тут. Без таких прогулок она буйная становится, очень беспокойная. Повезло ей с мужем. Да и с сыном тоже: очень хороший был мальчик. Я после Афганистана думала, что такое больше никогда не повторится. После Чечни думала, что такое больше никогда не повторится. Что с нами не так?

На столике у могилы отца засияли гранёные стаканы. Мать щедро налила три стопки водки — одну поставила отцу, сверху конфету (с нугой, как отец очень любил — машинально отметила Наталья, и от этой машинальной заботы и десять лет спустя, после всего, что они пережили с отцом, Наталья ощутила потёкшие не по щекам, а по самому нутру своему ключие, горячие слёзы).

Она всматривалась в молодые, искрящиеся энтузиазмом, готовностью в любой момент броситься помогать первому встречному глаза отца. Эх, зря мать выбрала это фото с доски почёта колхоза: ну, кто его узнает? И Наталье было только болезненнее смотреть на это фото, ведь этот человек с роскошной шевелюрой и пушистыми усами умер гораздо раньше, чем 10 лет назад, и не insult убил его, а что-то фатальное, глобальное, историческое, что засосало его в жернова между эпохами и выплонуло, оставив на его душе ушибы и переломы.

Как ужасно ветрено всегда на кладбищах. А она опять об этом забыла — надела хоть тёплое пальто, но запахивающегося и завязывающегося на пояс. Без пуговиц и тёплого шарфа ветер забирался под пальто — и, казалось, хозяйничает где-то между заходящимся в ужасе сердце и бултыхающимся у горла желудком.

Отец стал смирившимся, потухшим человеком. Так и ходил на работу вахтёром в администрацию (его взяли по старой памяти после настойчивых просьб матери, наверняка слезливых и унижительных) — ходил, как заведённая игрушка: строго вовремя, ровным шагом, строго выполняя инструкцию, но с заведённой пустотой внутри.

Когда его хватил удар — внезапно оказалось, что потерявший часть воспоминаний и даже часть черт характера отец счастливее, чем в девяностые. Словно инсульт разливающейся по клеткам мозга волной унёс с собой самые тёмные, самые грустные клеточки, оставив после себя блаженное неведение.

«Папа, мне так странно видеть твоё фото в этом мёртвом месте на мёртвом камне. Когда вокруг жизнь продолжается. Из земли струятся ростки травы и многолетних цветов. Пахнет вспаханной, пышущей жизнью землёй. Шумят трактора по полям.

Я одновременно не верю, что ты здесь и одновременно не могу понять, как жизнь продолжается, когда тебя нет. Это десятая весна без тебя. Тебя бы так раздражало, какая погода сейчас: зимы малоснежные, не как раньше, когда дом по крышу заносило и ты выходил расчистить хотя бы верхнюю половину окон. Летом дождей мало. Долго не выпадает снег осенью.

Настя школу окончила — не поверишь! — с серебряной медалью. Ты ведь верил в неё, в отличие от меня.

Твои любимые биатлонисты уже карьеры позаканчивали. Но Бьёрндаен всё ещё ездит. Знаешь, мне он никогда не нравился, но я болела за него и до сих пор болею, потому что он тебе нравился. Я ведь и сам

биатлон не любила. Но это был твой любимый вид спорта, и тебе так нравилось, что мне нравится биатлон. До сих пор смотрю или хотя бы отслеживаю результаты. Ради тебя. Мне кажется, тебе бы не нравился Фуркад. Не знаю почему.

Так вот. Я чувствую, что ты не ушёл до конца. Ты где-то рядом. Ты в книжках, которые я собираюсь прочитать, ты в моей вредной, неугомонной, легкомысленной, потрясающей дочери, ты в том, как я делаю пельмени-пустышки. Я хочу, чтобы ты знал, что у нас всё хорошо. Я хочу, чтобы ты видел, какие мы сегодня — скучающие, но сильные, движущиеся вперёд. Это благодаря тебе мы сильные, папа.

Я готова верить в Бога ради того, чтобы ты всё-таки был, всё-таки продолжался, существовал хоть в какой-то форме, видел, что мы тебя любим.

Знаешь, мне так больно, что ты не был счастлив в последние годы своей жизни. Мне жаль, что я не успела показать тебе мир, свозить тебя в Европу. Возможно, увидь ты Скандинавию, ты бы нашёл свой идеальный мир?»

Дорога обратно была на удивление не менее мучительной, чем стояние на кладбище, которое по напряжённости было не хуже стояния на реке Угре войска русского и войска татарского. Словно отец всё ещё мог нанести удар, мог бешеной конницей влететь в её жизнь, всё разрубить в клочья, спалить дом, сбросить колокола. И вот она возвращалась домой — и всё ещё прислушивалась к топоту лошадиных копыт, но всё время забывала, что это её собственное сердце несётся в непонятные, потерянные, тоскливые дали.

Дочь и мать о чём-то бормотали на заднем сиденье. Настя обнимала маму за плечи. Обе не проронили ни слезинки на кладбище и сейчас были веселы, словно и не с кладбища ехали, а с распродажи микроволновок.

Наталья посматривала на них в зеркало заднего вида.

— Мам, я надумала креститься. Я поняла, что это то, что мне нужно.

Наталья посмотрела на мать в зеркало заднего вида. Мать теперь меланхолично рассматривала мелькающие в окне поля.

— Наташ, я крестила тебя, как только ты родилась.

И всё тот же равнодушный взгляд в окно. Потрясающе.

— Мам, ну и почему ты не сказала? Мне уже 45 лет! Ты в своём уме?

— Ты вела себя так, словно религия не для тебя. Ты праздники не праздновала, в церкви не ходила, не молилась. Чего тебе было говорить об этом?

— Но это невероятно важный аспект жизни! Как не упомянуть его? И папа знал?

— Конечно, не знал. Он бы ни за что не согласился на твоё крещение. Но я не могла бросить тебя, оставить незащищённой. Твой отец так и не понял, что я всю жизнь была религиозным человеком. И он вообще-то соблюдал все посты, не делал всё по дому в церковные праздники и ел варёные яйца, освящённые батюшкой на Пасху.

— Какой ужас? Что ещё ты от меня скрываешь?

— Мам, давай не будем открывать ящик Пандоры? — Настя наклонилась в проход между передними сиденьями. — Ты тоже не всё мне с бабой говоришь. И как-то нормально мы все живём, без ощущения недостатка каких-то знаний. Так давайте жить дальше.

— Ты меня пугаешь, Настя!

Колёса продолжали шуршать по просёлочной дороге, каждые несколько секунд в поле выстреливали камни щебёнки, нежно-зелёные поля мелькали по обеим сторонам дороги. Если откинуться на спинку сиденья, легонько прикрыть глаза так, чтобы сквозь ресницы плавал окружающий мир, сосредоточиться на размеренном, успокаивающем жужжании двигателя и шёпоте колёс по грунту, можно было прочув-

ствовать, что покрытые пушком пшеницы поля — это гигантские крылья, а мы сидим в кабине, которая разгоняется, чтобы сбежать с этой планеты.

Наталья обернулась.

— Настя, а ты не хочешь покреститься?

— Я уже лет пять, как крещёная, мам.

— И ты не сказала мне!

— Так в разговорах не всплывала эта тема.

— О боже!

— Наташ, не переживай, вас обеих крестил очень хороший батюшка — дядя Коля, ты ж его всю жизнь знала. Очень порядочный и заботливый. Пообщайся с ним — очень честный, мудрый батюшка. У меня и твой крестик сохранился.

Она надеялась прийти домой, свернула на знакомую, родную, вечно в её сердце улицу, как мать её одёрнула, напомнив, что она уже пять лет как продала тот дом и теперь живёт в квартире в жилмассиве на Советской. Наталья, конечно, помнила об этом: переезду предшествовали жалобы на то, как сложно держать хозяйство одинокой пожилой женщине. Что не удивительно, конечно: потаскай вёдра с углём, охапки с поленьями, а во время отключения воды ещё и побегай к ближайшей колонке. Теперь же мать регулярно жаловалась на соседей: кто-то провинился тем, что завёл ребёнка, чей-то грех был в коте с «длинными когтями, которые стучат, как копыта», а ещё один несчастный додумался курить в подъезде. Мама со временем приучила всех местных обитателей. Наталья даже с любопытством ожидала встречи с ними: наверняка поломанные люди с опущенными взглядами, в бесшумной обуви и без каких-либо вредных (и некоторых полезных — как занятие чечёткой, например) привычек.

И это всё было понятно. И ожидаемо. Но, оказавшись в Мурашках, Наташа одновременно совершила и путешествие во времени. Она попала туда, где она должна жить на Калинина, а не на Советской.

Она много лет как хотела домой. В это ощущение безопасности, целостности, истинности. И она свернула к этому ощущению, считая все остальные воспоминания — о переезде матери, о своём переезде — неважной декорацией к своей основной, глубинной жизни.

Но домой нельзя было поехать. Она жила во многих квартирах в Новосибирске — сначала в общежитии, потом на съёмных квартирах, потом в своих квартирах — ни одна домом не стала. А главного, настоящего дома больше и нет.

Она с ощущением ужаса развернула автомобиль в обратную сторону. Шла по лестнице на второй этаж, как на эшафот. Знакомый тридцатилетний трельяж в прихожей. Мерзкие обои в жёлтый цветочек. Привезённая отцом из Венгрии подставка для обуви. Яростно зелёный ковёр у входа.

Её прошлое, её дом превратили в фарш и рандомно распахали по чужой незнакомой квартире, как по пельменям.

Через несколько часов Наталья сидела на крохотной кухне на неудобной табуретке без спинки. Окно было широко раскрыто, из него лилась освежающими потоками тишина. Это была идеальная тишина, такая тишина, с которой хочется прожить всю жизнь: прерываемая тихим недовольным шебуршанием листвы берёз, дерзким стрёкотом сверчков, редким ленивым лаем собак в дальних далях. Бубликом за окном висела упругая луна, окружённая хороводом, стаей звёзд — никогда Наталья не видела столько звёзд в городе.

Мать наверняка бы сказала, что неча у окна сидеть, сквозняк, спину застудишь, но отчего-то здесь стоит табуретка. Наверное, потому, что мать тоже любит и умеет жить нараспашку. Может, она этому наконец научилась.

У ног Натальи четыре ящика с её молодостью: один с тетрадками и фотографиями, один с кассетами и дисками, один с одеждой и один со всякими без-

делушками: заколочками, марками, игрушками. Она только была на фотографиях с тетрадками, несколько кучек которых перекочевали на стол. И она уже пережила несколько цунами, торнадо, потоков воспоминаний. О Боже, мы забываем, мы всё забываем: кто мы есть, кем мы были, кем мы хотели быть. Чего мы ни за что не хотели совершать (и теперь совершили). Кого мы не хотели никогда прощать. Кого мы обещали любить всегда. Какими счастливыми мы были. И какими несчастными мы были. Она словно встретила прекрасного, чистого, насыщенного мужеством персонажа, о котором читаешь первые несколько глав, и всё внутри трепещет от ожидания того, какие приключения ждут этого невероятного героя, и как он с ними справится — блестяще, играючи, — и каким ещё более невероятным он станет после всего этого.

И этим персонажем, от которого сегодня ты бы ждал подвигов, великих свершений, мужества, верности себе и близким людям, — этим персонажем когда-то был ты. И ты уже забыл об этом. Осталась ли внутри крупинка этого многообещающего персонажа? Где-то в уголке сознания завалился его трупик? Или он приходит во сне и молит, просит вернуть его обратно, вернуться к той жизни — настоящей и трепетной.

А может, есть герои, которые умеют жить в мире, где нужно поднимать людей на революции, руководить партизанскими отрядами, вести корабли к неизведанным берегам и кидаться грудью на амбразуру вражеского дзота? Но в мире работы с 9 до 18, ипотеки и сопливых детей им места нет. И они медленно, мучительно потухают в нас.

Были тетрадки со школьными сочинениями. Сейчас сложно представить, чтобы она столько исписала от руки. А тогда ещё и переписывать по несколько раз приходилось сочинение перед тем, как записать его начистовую в тетрадку.

Ох, а как она намучилась с дипломной работой. Но это другие ящики с воспоминаниями.

В этих ящиках с воспоминаниями были тетрадки с любимыми стихами и текстами любимых песен, изрисованные цветочками, попытками портретов (или настоящими нормальными портретами любимцев — если Лена соглашалась нарисовать их). Не тетрадка, а сокровищница. Как они эти тетрадки брали друг у дружки, разглядывали, украдкой перерисовывали, прижав бумагу к окну, самые полюбившиеся рисунки.

Самая классная тетрадка была у Ленки. Она находила где-то стихи, которые вроде не про любовь, но проникали до самых спрятанных в тени и тумане повседневности мест души. Ох, наверное, теперь-то Наталья смогла бы их понять до конца.

Теперь-то понятно, сколь малую часть в нашей жизни занимает любовь. А может, просто в её жизни любви нормальной и не было. А она столько стихов о ней выучила. Грезила Анной Ахматовой. Ленка же и не искала любовь, всё о том, как устроиться в жизни думала — и на тебе, вся укутанная любовью живёт. Но как она тогда рисовала. Наталье тогда казалось, что в каждом нарисованном Леной портрете проглядывают — как тайком из-за угла — черты Лёши Буренока. А потом она нашла его портрет. Да даже и не портрет, а так — осколок рисунка. Лёгкий набросок профиля — лишь линия волос, нос с горбинкой, пухлые губы, — но сразу было понятно, кто это. Словно Лена много-много раз рисовала этот рисунок. Или знала лицо наизусть, почти на ощупь. Или это лицо всегда было перед её глазами. Рисунок был всего три на три сантиметра, старался затеряться в толпе набросков Пушкина, Блока, Ахматовой, Высоцкого, Цоя (какой же был ледяной ужас, когда он разбился), но столь чуткие к героям рисунки всегда выделяются, бросаются в глаза своей нежностью.

И были анкеты. И какие разные мечты были в анкетах в 14 и в 17 лет — от космонавтов и писателей к врачам и инженерам.

Просмотр тетрадок с вырезками фотографий музыкальных групп, с записями текстов их песен, с ображаемыми «автографами» музыкантов сподвиг Наталью на то, чтобы выбраться из уютного кокона у окна и направиться за наушниками. Она на цыпочках прокралась из кухни в прихожую, где под зеркалом лежала её сумочка с второпях купленными на заправке зелёными наушниками. Наталья старалась не скрипеть половицами, но каждый её шаг сопровождался писком, скрипом, стоном всех тональностей. Если постараться, на этих чёртовых половицах можно сыграть хоть «Танец с саблями», хоть «Танец рыцарей» — танцуя эти танцы.

В прихожую долетали отблески горящей на кухонном столе лампы, но Наталья подсвечивала себе телефоном, чтобы ненароком не наступить на прикорнувшего где-нибудь на полу Барсика.

Она была удивлена, увидев себя в зеркале в полутемноте с растрёпанными волосами, без косметики, в тельняшке из своей молодости. Оказалось, что вместо зеркала она заглянула в окошко в прошлое, застучала себя двадцатилетнюю, тайком пробирающуюся домой после ночного свидания с Виталиком.

Не слушала она родителей в 20 лет. Да никогда она не слушала родителей. Кто вообще слушает своих родителей?

Когда её образ в зеркале дополнила «Звезда по имени Солнце» в наушниках, Наталья почувствовала запах костра от своих волос и тельняшки Виталика, боль в разбитой коленке из-за падения с мотоцикла вместе с Виталиком (неряшливым он был водителем, так потом и улетел на КАМАЗе с моста), чешущиеся укусы комаров под рукавами. Не прихожая, а машина времени какая-то.

Наталья заглянула в глаза девушке, о существовании которой она забыла. Эта девушка нестерпимо, до мерзости похожа на Настю. Или Настя похожа на эту девушку. Один рост, одна фигура, одинаковая поход-

ка, тот же жест — заправить падающие на лицо волосы за уши. Боже-боже, когда я забыла, что такое быть молодой и настоящей?

Ящик с фотографиями содержал хронику того, как она превращалась во взрослого и скучного человека. Свадьба — чёрно-белые фото (хотя уже цветные появились), потому что мама не верила, что они с Владом долго протянут и не хотела вкладываться в свадьбу. В принципе, она оказалась права. Особо счастливых воспоминаний со свадьбы и от брака не осталось — воспоминаний было гораздо больше чёрно-белых, чем ярких, цветных. Вот Настя только и осталась. И нервная привычка проверять перед сном, закрыта ли входная дверь.

Эх, чайку бы. Наталья оглядела кухню. Электрического чайника не было. На плите стоял старый железный чайник с вишенками на бледном боку и свистелкой на носике. Наталья включила газ, взяла спичку из одного из разбросанных вокруг плиты спичечных коробков, зажгла самую большую — ближнюю слева — конфорку. Как давно она не слышала звук зажигающейся конфорки — словно гном с крохотными топчущими ножками пробегает вдаль. С кружкой и заваркой было менее понятно. Наталья защёлкала дверцами многочисленных шкафчиков в поисках бокалов, заварочного чайника или хотя бы чая в пакетиках.

Мама всегда мечтала о большой кухне. И вот довелась — набрала хлама, чай нормально не заварить.

— Мам, ты чего буянишь?

— Чай хочу заварить. Ты чего не спишь?

— Проснулась от скрипа половиц.

И правда, поиски чая потребовали ходьбы по кухне, а каждый шаг сопровождался восклицанием, стоном, писком половиц.

— Давай вместе чай попьём. Садись. Чем занимаешься?

Наталья послушно вернулась на табуретку, взяла в руки фото отца с новорождённой Настей. Больше двадцати лет прошло, какой ужас.

— Фотографии разбираю.

Настя уверенно открыла один ящик, другой, безошибочно извлекая необходимые предметы.

— Тебе ведь чёрный? У бабы ещё и чай с шиповником есть. Хочешь?

Настя указала на ещё один шкафчик. И откуда она знает, где что стоит здесь?

— Давай чай с шиповником. И сахар обязательно.

Дочь двигалась по кухне без единого лишнего скрипа половицы, словно в каком-то давно выученном и хорошо отрепетированном танце.

— Ты давно сюда приезжала?

— На майские.

Чайник забурчал, готовясь разразиться свистом закипевшей воды. Настя ловко поймала его с огня, начала разливать кипяток по кружкам.

— Ты же со Светой ездила отдыхать куда-то.

— Да, сюда.

— Ничего себе. Не знала, что ты подружек с бабой Любой знакомишь.

— А что такого?

— Да ничего, — Наталья склонилась над поставленной дочерью кружкой чая, — и давно вы с бабой Любой лучшие подружки?

Наталья хотела бы увидеть выражение лица дочери в ответ на вопрос, но та в этот момент доставала конфеты с верхней полки и ответила ровным голосом:

— Мы всегда хорошо общались.

— То есть про пересдачи она в курсе?

— Она много про что в курсе. Но есть кое-что, что я ей не говорила ещё.

Настя села напротив, положила руки и голову на стол.

— Mam, я беременна от Вити, но я ушла от него. Я хочу быть со Светой.

— Что значит «быть со Светой»?

— Мы создаём семью вместе. Мы любим друг друга.

— Ты нормальная вообще? — получилось задать вопрос тихо, хотя хотелось разносить квартиру. Но мать! Но соседи!

— Нормальная, конечно. Ещё и счастливая!

— Глупости какие выдумала.

Лицо Насти исказилось болью и яростью, Наталья не узнавала собственного ребёнка. Родные черты лица, привычная причёска и даже давно знакомая гримаса плача скрывали чужого, непонятного, странного человека. Наталья не могла поверить своим глазам.

— Мне уже 21 год! Тебе пора привыкнуть, что я это не ты и я не обязана соответствовать твоим представлениям о счастливой жизни! — Настя яростно шлёпнула ладонью по столу.

— Счастливая жизнь с ребёнком и девушкой! — в голове у Натальи шмыгали пираньи мыслей и взрывались всё новые и новые фейерверки озарений. — Да нормальные люди так не живут! Что ты выдумала!

Дочь уставилась в фотографии на холодильнике и тяжело дышала. Прошла минута, в которую Наталья слышала только тиканье часов, гудение холодильника и ощущала колотившееся где-то в горле сердце, наполненное злобой.

— И я пригрела...

— Да, я ненормальная!

Они закричали одновременно и резко замолчали, с вызовом глядя друг на друга.

Дочь, не отрывая от неё взгляда, поднялась со стула и медленно начала наступать на Наталью, словно хищник, гипнотизирующий жертву и загоняющий её в угол. Из её рта вырывались короткие, шипящие, тихие, хлесткие фразы:

— Да, я ненормальная. Да, я вся в папашу. Да, я тебя позорю. Да, лучше бы я не рождалась, — она за-

мерла в полуметре от Натальи, испугавшейся столь спокойно-яростного напора. — Я и сама так думала 21 год! Но теперь я рада, что родилась! Теперь я знаю, чего хочу, с кем и как!

Настя перевела дыхание и продолжила столь же умиротворяюще зло:

— И если для этого мне придётся уйти из квартиры и из жизни своей идеально-скучной матери со скучной работой, скучными деньгами и скучными мечтами, я уйду!

Угроза уходом задела Наталью меньше звания скучной:

— Ну и что ты со своей Светой будешь делать? Кто вас возьмёт на работу, кто сдаст вам жильё? И вот как ты скажешь об этом бабе Любе? — Наталья ощутила новую волну ужаса при мысли о том, как её мать узнает об этом.

— Скажешь мне что?

В дверях кухни появилась мама с торчащими в одну сторону волосами и в уютном халате.

Мысли Натальи полетели вперёд, перебирая возможные варианты ответа: работа, здоровье, отношения? Что-то якобы серьёзное, но безвредное.

— Ба, я беременна, — Наталья восхитилась смелостью дочери и тем, насколько спокойно, уверенно она это произнесла. Но сердце невольно забилось быстрее: что мама-то?

— Ой, Настя, неужели от этого Витька? — мама не выглядела особо рассерженной. Скорее сочувствующе-любопытствующей.

— Ну, да!

— Ну, Настя!

Мать прошла к столу и медленно, опираясь о столешницу, села на табуретку.

— Ну ты додумалась — от Витька-то рожать? Он же бестолковый и бескультурный! Какой из него отец и муж! Сколько раз я говорила тебе об этом?

Наталья вскинулась, кулаки опёрлись в бока:

— Так ты знаешь этого обормота?

Настя начала протестующе мотать головой и корчить маме рожи, но та не заметила, не поняла или проигнорировала:

— Конечно, они несколько раз приезжали ко мне. И каждый раз он нравился мне всё меньше и меньше.

Наталью ранил тот факт, что дочь познакомила своего незадачливого хахала с матерью, видимо, очень давно. И у них, это теперь понятно, очень близкие и доверительные отношения. За её спиной!

Мать повернулась к Насте:

— Ну, ты Витька отцом представляешь? Кого он вырастит? Табуретка будет лучшим отцом, чем он!

Пронзённая досадой, Наталья воскликнула:

— Так это легко устроить! У Насти есть отличный план, как воспитывать ребёнка, да, Настя?

Теперь в её сторону полетели рожицы и протестующие жесты-мельницы. Но когда это её останавливало?

— Она собралась семью создавать с подружкой своей, с Ёлкиной! — Наталья ощутила, как вздымается злорадство в груди: накося-выкуси! Лучшие подружки нашлись!

— Это Света? — мама повернулась к Насте с интересом, смотрела на неё с любопытством, без осуждения. И даже с удовлетворением, радостью. — Хорошая девочка, мне понравилась! Хозяйственная, умненькая, я одобряю! И как удачно, что у тебя ребёночек будет!

Наталье показалось, что предметы кухонного гарнитура сейчас бросятся в пляс.

— Мама, ты действительно нормально относишься к идее того, что Настя будет в отношениях с другой девушкой?

— А нас как это касается? Не обормота привела какого-то, в отличие от тебя, и то хорошо.

Такой подставы от матери Наталья не ожидала, вернулась к дочери:

— Настя, да как ты себе это представляешь!

Лицо дочери сделалось раздражённо-недовольным, как после вопросов о том, тепло ли она оделась зимой. Как часто она в ответ на простейшие вопросы видит эти сжатые губы, чуть склонённую голову, упрямо-колкий взгляд исподлобья. В такие минуты упрямство сочтется из глаз Насти — она в таких случаях всегда всё делала по-своему, никогда не слушалась.

Знакомое выражение лица дочери всколыхнуло волну воспоминаний последний месяцев, в том числе когда Света приходила к ним в гости.

При Свете Настя не делала такого выражения лица. Света сама заботилась о Насте, заставляла надевать подштанники в -15. Готовила отличную лазанью. Наталья вспомнила долгие разговоры со Светой о театре за этой лазаньей: Настя ещё ковырялась вилкой, скучала, а они вдвоём прямо наговориться не могли, всё «Братишками» в «Глобусе» восхищались.

И вдруг Наталья очень хорошо представила, как они будут жить.

Света будет готовить вкусные и полезные завтраки. По очереди она и Настя будут сидеть с ребёнком. Наталья найдёт Свете подработку у себя в компании: она как раз финансист и очень мозговитая, шустрая, быстро освоится.

Вместе со Светой Наталья подберёт ребёнку коляску, одежду, игрушки, Насте ведь вечно не нравится делать покупки, она всё в своём компьютере сидит.

— Мам, ты чего это замолчала! — Настя слегка нахмурила брови, на переносице собралась уютная складка — совсем как у матери.

Наталья нащупала гладкую деревянную спинку стула, медленно, бездумно отодвинула его, плавно, словно тело совсем не слушалось или с трудом реагировало на сигналы из мозга, села.

Втроём будет интереснее на спектакли и концерты ходить: можно будет со Светой обсудить их.

Ужин готовить будут по очереди Света и Наталья: у обеих будет время, у обеих хорошо получается готовить, а Настю к готовке лучше совсем не подпускать.

Настя, до этого с тревогой рассматривающая Наталью, теперь уже с паникой подскочила к ней, начала трясти плечо, заглядывала в глаза:

— Мам, тебе плохо? Что, сердце? Где болит?

Забеспокоилась мама:

— Наталья, что случилось?

Но она лишь медленно покачала головой из стороны в сторону, завороченная мелькающими перед глазами картинками их будущей жизни.

Тренажёр из комнаты Насти надо будет в гостиную перетащить, чтобы кровать нормально поместилась. Хорошо, что комната просторная: можно ребёнку хороший уголок с игрушками устроить.

Она никогда так чётко не видела своё собственное будущее. Ни с одним мужчиной. Она не могла представить жизнь с каким-нибудь парнем Светы. Особенно с этим Витьком. А со Светой — пожалуйста. Ещё и отличная, удобная, интересная жизнь получается.

— Я не против. Сделаем так.

И сама удивилась произнесённым словам.

Телефон Натальи дилинькнул, она машинально потянулась к нему, одиноко лежащему на подоконнике, чтобы погладить его, заглянуть ему в лицо. «Алексей Никитин отметил Вас в публикации».

Чтооооо?

Наталья тут же полезла в окошко проверять уведомление.

— Мам, обожаю, когда ты так делаешь: ты сама же ругаешь меня за зависимость от телефона и соцсетей и смотри! Сама же не можешь и нескольких минут потерпеть! — Настя отвернулась к холодильнику, начала перемещать магнитики в поисках неведомой идеальной композиции. Наталья быстро вернула взгляд к экрану телефона:

«Соскучился я по нашей школьной банде. Одоле-ла меня ностальгия. Выпуск 1991 года Мурашкинской школы, собираю всех в Москве на встречу выпускников в конце июня. Все расходы на мне. С вас — приехать!»

Классно!

— Настя, нас Лёша Никитин в Москву везёт на вечер встречи выпускников! — Наталья заметила, что быстро-быстро подпрыгивает на носочках от оживления, и остановилась. И когда она успела подняться на ноги?

— Тот самый Никитин? — Настя смотрела недоверчиво.

— Ага! Стой, тут ещё и фото.

Наталья снова заглянула в экран телефона, пролистала фото, раскрыла на весь экран.

Это был кошмар.

На странице Алексея Никитина — у которого миллионы подписчиков!!! — красуется её фото в обтягивающих лосинах ядрёного зелёного цвета. Глаза накрашены не менее ядерным жёлтым, накрученные волосы образуют беспорядочный взрыв на шоколадной фабрике на голове... Чем она думала, одеваясь так!

— Мам, что случилось? — Настя обеспокоенно подскочила, заглянула к ней в телефон. — Что тут ужасного? — посмотрела вопросительно, с искренним недоумением.

Наталья устало села на табуретку — впервые за весь день, даже во время ссоры усталости не чувствовала. Обессиленно опустила телефон. С трудом вымолвила:

— Лосины.

Сложила руки на стол, как ученица, опустила на них голову, пробормотала в стол:

— Волосы, макияж.

— Да ладно! Ты там явно не хуже всех выглядишь. У тебя фигура очень хорошая на фото. От-

личная шевелюра, почти львиная. Да и макияж на общем фоне выглядит даже стильным. Прикольно выглядишь, мам, — Настя успокаивающе гладила Наталью по плечу, что было настолько удивительно, что Наталья даже оглянулась посмотреть — точно ли это рука Насти.

Мама, Настя и три рюмки наливки успокоили Наталью. Они вышли из дома проверится и несколько часов гуляли по пустынным тёмным улицам, орали песни, которые пели у костров в горах и лесах пятьдесят лет назад и будут петь через пятьдесят лет на лунах и марсах. И никто из жителей деревни не жаловался на трёх безбашенных женщин. Все знали: Терентьевы отца поминают, сегодня им можно.

После неспешного завтрака выдвинулись обратно в Новосибирск, погудев отцу, когда проезжали мимо кладбища.

— Как же не хочется завтра на работу! — тоскливо протянула Наталья. — Опять эта беготня. Вредные коллеги...

— Мама, ты финдир крупной компании. У тебя только один вредный босс — ваш СЕО. Для всех остальных вредный босс — это ты! У тебя куча денег, ты отлично выглядишь и можешь сбежать с работы в любой момент!

— Ой, это ты ещё не была на занудных двухчасовых совещаниях...

— Которые ты сама проводишь ещё?

— Ну, да... — неуверенно произнесла Наталья, чуя какой-то подвох.

— Ну, так кто виноват, что совещание тянется два часа?

— Настя, ну, не надо тут пытаться показать, какая у меня отличная жизнь: ты никогда финансовым директором не работала, особенно под Новый год. Вот что ты можешь знать о моей работе?

— Мам, тебе не кажется, что дело не в работе, а в тебе?

— А это что за глубокофилософская мысль должна быть? Что скрывается за этим воздушным замком намёков?

— Мам, ну, посмотри на себя — нет ли такого, что тебе лишь бы пожаловаться? Ты во всём находишь плохое. Ты только плохое и ищешь, только его и замечаешь! А потом говоришь, что несчастлива.

Наталья сделала глубокий вдох. Провела взглядом по окаймлённому берёзовыми рощами горизонту. Сделала выдох.

— Настя, хватит! Хватит для меня впечатлений на выходные! Я не хочу рефлексировать о своей жизни и ворошиться в многочисленных грязных юбках смыслов и мотиваций, — Наталья посмотрела на прижавшую коленки к груди, прячущую нижнюю половину лица в пушистый шарф дочь и загадочно сверкающую зелёными глазами с пушистыми ресницами.

Настя яростно расхохоталась. Она схватила её за руку, прижалась к плечу, совсем как в детстве. Наталья уже и забыла, каково это, когда ребёнок хочет быть как можно ближе к тебе, и её захлестнула нежность.

— Ой, мамка! Смешная ты!

Наталья забросила правую руку на плечи дочери, чтобы прижать её ещё ближе к себе. На секунду отвлеклась от дороги, и тут:

— Мам, заяц!

Наталья судорожно вернула взгляд на дорогу, заметила мутное движение, дёрнула левой рукой руль в противоположную сторону. Но не рассчитала силу. И машина укатила в кювет, тюкнувшись носом в мутную болотную жижу.

Они повернули лица друг другу. Настя выглядела очень счастливой и хитрой:

— Я надеюсь, этот заяц проживёт очень долгую и счастливую жизнь!

— Знаешь, был у меня один из самых страшных моментов жизни с твоим отцом. И это даже не как он медленно умирал, терял себя. Не как с него жизнь сползала слоями. Не когда умерла его мать, не когда потеряли все, весьма приличные, сбережения после развала СССР, не когда катастрофически не хватало денег в девяностые даже на еду. А когда... Помнишь Василия Григоровича? Ты с его сыном Лёшей в одном классе училась ещё.

— Конечно, помню. Он был главой района. Его ещё убили. Жуткая история...

— Да. Мы тогда пошли с отцом на похороны. И я смотрела на этот закрытый гроб, на полдеревни, что пришли с ним проститься, и думала, что лучше бы Витя умер. Витя, а не этот большой, мощный, добрый человек.

— Ты правда так думала? Это же ужасно, мам.

— А ты что, забыла? Сама-то сбежала, к нам совсем не приезжала. Неспроста же. Жизнь с ним была невыносимой в то время.

— Я скучаю по нему.

— Я тоже.

Анастасия Миронова

г. Ульяновск

Ангел-хранитель

Рассказ

1

Странная болезнь надвигалась из Европы. Симптомы были столь необычными, что врачи поначалу принимали её за такие заболевания, как брюшной тиф, лихорадка или лёгочная чума. Сыпь, высокая температура, бред, удушье и неизбежный предсмертный аккорд большинства заражённых — кровохарканье — сопровождали людей, поражённых этой болезнью. Опасный недуг распространялся стремительно, за год обещая побить рекорды смертности от войны и голода.

В поликлинике № 7 самой западной губернии РСФСР никто не ставил прогнозов. От больных было не протиснуться: коридоры давно стали палатами, а доктора превратились в вечных ночных дежурных, бессменных хранителей мучительных бдений умирающих. Спасённая жизнь была чудом.

Пантелей не спал вторые сутки. Синие круги под глазами, усталый, потрёпанный вид. Он толком не ел,

перебиваясь бутербродами с кофе. Будучи врачом высокой квалификации, Пантелей не привык уступать болезни. Но то, что происходило сейчас, являлось необъяснимым кошмаром, разрушительной стеной, которую не способна была пробить современная медицина. Лекарства были бесполезны. Часто пациенты умирали спустя два-три дня после заражения. Смерть поглощала всё большее количество людских душ, и это сильно раздражало молодого медика.

— Всякая гадость прёт из этой Европы, — раздался громогласный раскатистый бас Семёна Григорьевича, когда Пантелей забежал в столовую, чтобы съесть что-нибудь нормальное — суп или кашу — и выпить стакан нелюбимого компота из кураги, что он делал исключительно в целях пополнения запаса жидкости в организме и соблюдение водного баланса.

— Паня, — окликнул его Семён Григорьевич, — садись к нам.

Сидеть рядом с кем-то, даже с коллегами, ему не хотелось, однако ничего другого не оставалось. В последнее время он больше предпочитал одиночество и чтение религиозной литературы — привычки, не свойственные медикам. Особенно ему нравился Новый Завет. Право на счастье любого грешника он принимал за разумную справедливость. Обещанное спасение и всеобщий рай без страданий, смертей и ужасов земной жизни согревали его уставшее сердце, хотя он понимал, что подобное невозможно. Но как детям необходимы сказки, так и взрослым нужна панацея, чтобы пережить тяжёлые времена.

— Сколько у тебя? — спросил Семён Григорьевич, отвлекая его от мыслей.

— Двадцать.

— Двадцать! А сейчас только обед. Что же будет дальше? — прикинул его собеседник.

Семён Григорьевич был врачом со стажем. Ему тяжело давались ночные смены, ударный труд по двадцать четыре часа. Такая работа изматывала его, хотя он

не подавал вида, воодушевлял коллег, не унывал, взирая на происходящее, словно философ, со смирением и спокойствием, и, казалось, не терял бодрости духа.

— Я за вчерашний день шестьдесят пять принял, — добавил совсем ещё молоденький медбрат. — Коридоры переполнены.

— Сегодня будет больше, — заметил Семён Григорьевич. — Ой-ё-ёй. Ничего хорошего от западных стран нам ждать не приходится. Все самые страшные болезни оттуда. Чума, оспа, теперь вот это.

Бывалый доктор провёл по седым усам, смахнув осевшие капли супа.

— И войны всегда они начинают. И эту войну нам навязали. Зачем она нам? Какой от неё толк. Пусть сами со своим Принципом разбираются. А царь наш бывший, будто дурачок, повёлся, ввязался в кровавый капкан. Они, вон, хитрые, на своей территории меньше воюют, больше на нашей. Хорошо, что власть наконец-то сменилась. Теперь будет им всем — узнают, где раки зимуют!

Когда Семён Григорьевич входил в раж, остановить его было невозможно. Его и без того громкий голос становился рокошующим.

— Вот увидите, установится справедливость в нашей стране! Советы уже принесли нам долгожданный мир!

Присутствующие — а их, помимо Пантелея, было ещё двое — одобрительно кивали разбушевавшемуся оратору.

Пантелей был безразличен к подобным речам. Он вообще не любил политику и всё, что с нею связано. «Очередное враньё. Всё одно и то же, пока стоит мир», — рассуждал молодой врач. В такие минуты на него наплывала вселенская тоска; словно замыленная картинка: империя, республика, декрет о мире и земле; будто всё это он слышал сто раз; обещания, обещания, а страданий от них не убавляется. Не верил он в Советы, как до того не верил в царскую Россию. Верил в Авиценну, Гиппократу и других светил медицинских наук; верил в целебную силу полноценного сна, в

искусно приготовленное лекарство; верил в хорошую интуицию, крепкие руки и проверенные знания.

— Паня, ты кислый, будто хинин проглотил, — с беспокойством заметил светловолосый начинающий врач, ближе всех сидевший к нему.

— Пане выспаться нужно, — вмешался Семён Григорьевич. — Иди домой, дружок.

— Сделаю крайний обход, — слово «последний» врачи избегали, — и тогда пойду домой, — совершенно спокойно произнёс Пантелей.

Он поспешил допить остатки компота и оставил коллег, не спешивших возвращаться в царство Азраила, которыми стали стены больницы.

2

Ничего другого и не следовало ожидать: ещё десять скончавшихся, ещё пять привезённых, всё тот же чадный со сладковатым привкусом воздух, спирающий грудь, и ни одного выздоровевшего.

Бледный, с каплями пота на лбу, Пантелей прохаживался среди коек больных, делая необходимые указания медсёстрам, проверяя состояние пациентов, прописывая новые бесполезные рецепты. Он не чувствовал себя, не чувствовал беспощадно несущегося времени; казалось, всё, что происходит, не здесь и не с ним; будто это не он — кто-то другой наблюдает со стороны. Ему необходим сон, он это знал. Но нужно ещё обойти несколько человек. А вдруг свершится чудо, вдруг его старания окажутся не напрасными?..

Испуганное лицо девочки замерло в дверном проёме. Голубые глаза смотрели жалобно и словно говорили: «Что мне делать?» Маленький златовласый ангел на пороге ада. Пантелей, склонившийся у постели больного, медленно повернулся в её сторону.

— Привезли новую пациентку, — донёсся из коридора звонкий голос медсестры.

На каталке везли худую, измождённую женщину. Волнистые, чёрные волосы были раскиданы на по-

душке, бескровные губы сжаты, руки, вцепившиеся в простыню, дрожали. Её мучил жар. Женщине было около сорока лет, не больше, прикинул врач, и она недалеко от смерти, понял он.

— У неё температура сорок, — докладывала медсестра.

— Аспирин давали?

— Да, но, по-моему, ей это не помогло.

— Дайте ещё одну дозу и то лекарство, Люся, — обратился он к коллеге. Пантелей надеялся, что познания о лекарственных средствах, которые он почерпнул из книг Нострадамуса, смогут помочь его больным. Раньше бы он не решился на эксперименты, но сейчас. Сейчас другое дело.

Всё внимание Пантелея было приковано к больной. Он заботливо положил холодный компресс на горячий лоб, накрыл её тёплым одеялом.

— Люся, мне показалось, как будто я видел маленькую девочку.

Девочка пряталась за дверью, наблюдая за взрослыми. Она была похожа на маленького зверька, потревоженная внезапным наводнением жизни.

— Да, малышка увязалась за нами, когда мы увозили больную. Мы хотели оставить её дома, но хозяйка квартиры, которую они снимали, возмутилась, сказала, что не хочет, чтоб в её жилище обитала зараза, — сообщила медсестра.

— А соседи? — осведомился врач.

— Кажется, они тоже боятся. Никто не открыл дверь.

— Нам не нужно было её брать с собой? — в глазах девушки застыла мольба. Люся всегда была доброй, отзывчивой, настоящей сестрой милосердия.

— Нет, вы всё правильно сделали. Не оставлять же девочку на улице.

Врач перевёл взгляд на ребёнка: совсем крошка, не более десяти лет, может быть, семь-восемь, а глаза уже не по-детски умные, проникающие в самую душу.

— Сейчас определим пациентку, а потом решим, что делать с девочкой, — заключил доктор.

Определять пациентку. Куда? Весь коридор был заставлен больничными койками, которые ради экономии пространства начали расставлять перпендикулярно стенам. Нескончаемые потоки больных. Множество тел в смрадном, однотонном мучении под тусклым дневным светом промозглой осени. Скоро не на чем им будет лежать: не хватит кроватей.

Вопрошающий взгляд девочки замер на бесстрастном, усталом лице доктора.

— Везите её в мой кабинет, — распорядился врач после минутного раздумья.

Люся с нескрываемым удивлением посмотрела на Пантелея.

— Никаких возражений, — опередил её врач. — Я знаю, что вы мне скажите, но иного выхода я пока не вижу.

Медбратья, стоявшие в ожидании, последовали приказу врача.

— Люся, вы можете позаботиться о девочке?

— С радостью, доктор.

— Отведите её в комнату для медперсонала. Пусть пока побудет там. И покормите её.

Люся бережно взяла девочку за руку.

— Пойдём со мной, дорогая.

Девочка нерешительно протянула тонкую, худенькую ручку. Она в замешательстве поглядела в сторону доктора. В небесных глазах застыл страх и недоумение.

— А мама? — тихо пролепетала крошка.

— С мамой всё будет хорошо. За ней будут ухаживать, — пытался успокоить он расстроенное чуткое сердце ребёнка. Утешать у него не получалось. Он видел: маленький ангел смотрит недоверчиво, с сомнением. Пантелей слишком устал сегодня. Ему необходим сон, чтобы снова набраться сил.

— Как тебя зовут, малышка? — с нежностью в голосе обратилась к девочке Люся.

— Майя, — почти беззвучно промолвила она.

— Майя, идём, я угощу тебя шоколадными конфетами. Ты совсем бледненькая. Мы потом навестим маму. Сейчас её лучше не тревожить: она в специальной палате, отдыхает. Не переживай, с ней ничего не случится. Доктор будет рядом и поможет маме.

Кажется, неподдельная доброта, которая светилась в глазах Люси, и её тёплые слова подействовали на девочку: она перестала плакать и едва заметно улыбнулась, покорно следуя за медсестрой.

«Шоколадные конфеты. Как сложно их раздобыть в наше время». Он знал этот шоколадный привкус безысходности. Безграничная доброта Люси. Конфет сама она не ела — берегла для безнадежно больных, стараясь хоть как-то скрасить их долгие мучительные часы.

3

Лицо больной женщины приобретало восковой отлив. Она практически не приходила в сознание. Пантелей делал всё, что мог, но — он понимал это — трагический финал неизбежен.

Майя сидела рядом. Пантелей не мог отказать ей в единственной просьбе — быть рядом с мамой.

Девочка с замиранием сердца следила за каждым движением, каждым действием врача. Для неё он был не просто человеком, не просто серьёзным доктором в белом халате. Пантелей стал для неё подобен ангелу: спокойный, невозмутимый, спустившийся с небес, чтобы спасти маму.

Молодой врач чувствовал взгляд её молящих глаз. Они смотрели с надеждой. Они верили. А Пантелей был на грани отчаяния. Стойкое спокойствие подводило его. «Что будет с мамой? Мама поправится?» Что он мог ответить на эти слова? Как сказать ребёнку о скорой смерти самого родного, самого близкого человека? Как сказать ей, что мамы не станет? Как же в эти минуты он злился на бескомпромиссную,

беспощадную смерть! Зачем ей забирать молодых, сильных людей, которым жить, воспитывать детей, строить дом, загадывать желания? А Бог? Почему Он молчит? Неужели Он не может сотворить чудо ради безгрешной детской души? Но чуда не будет. Он знал это. Возможно, если с пыльных страниц Завета к ним снизошёл бы Иисус, то он одним лишь взмахом руки, одним словом прекратил бы бесчисленные страдания людей. Но этого не будет.

Пантелей осознавал собственное бессилие и ответственность перед маленьким беззащитным судьёй, который сейчас сидел на стуле и, прижав колени, заворуженно следил за ним.

— Майя, — как можно ласковее обратился он к девочке, — у тебя, кроме мамы, есть родные?

— Нет, — отозвалась она. — Папа ушёл на войну и не вернулся.

Война. Отец, наверное, погиб где-нибудь под Нивелем или на Карпатах, а может, где-то ещё. Матери тоже осталось недолго. Родных у девочки больше не было. И сердобольная хозяйка, конечно, не приютит чужого ребёнка. Девочка останется сиротой без родного крова, без крыши над головой — одна в целом мире, обречённая на мучительную, голодную смерть.

Словно что-то беспросветное, тяжёлое свинцом давило грудь. Он пытается спасти жизни людей, замученных страшной болезнью, а сколько на свете детей, погибающих от голода? Кто спасёт их? Кто спасёт невинные души от более жестокого зверя — ужасной социальной несправедливости? Если болезни проходят, то несправедливость — никогда. От неё ещё не изобрели лекарства. Кто заплатит за боль прелестного ангела? Кто ответит за отца, которого украла война, и мать, которую вскоре заберут её последствия?

— Люся!

Он уже знал, что будет делать.

— Да, Пантелей Эдуардович, — у дверей показалась медсестра. Потухший взгляд, ещё сохранивший

безмятежную доброту прекрасных серых глаз, непослушные пряди тёмных волос, выбитых из образцово заделанного пучка. Люся всегда была аккуратисткой. Но сейчас не до этого: слишком много работы. «Бессонная ночь», — сразу определил врач.

— Возьми ключи и отведи, пожалуйста, Майю ко мне домой. Нехорошо ей находиться здесь без призора и среди больных. Вот мой адрес.

Он отдал ей связку ключей и листок бумаги.

— Да, и приготовь, пожалуйста, что-нибудь девочке. У меня ничего нет. Возьми, — протягивая денежную купюру, сказал он, — купишь продукты, какие понадобятся.

В глазах женщины застыло замешательство:

— А как же больные? Я ещё не успела...

— Пусть тебя сменит Люба, — перебил её врач.

Люся опустила голову и как-то странно посмотрела на него, будто виновато:

— Люба больше не может никого сменять, — бескровным голосом произнесла она.

Словно острая игла пронзила его. Люба — жизнерадостная, беззаботная, словно ветер, девушка с роскошными светлыми волосами и большими смеющимися глазами всегда была королевой веселья. Шутки, анекдоты. Её любили все коллеги, даже пожилые медсестры прощали ей легкомыслие. Она не выносила уныния. Уныние бежало от неё. И вот теперь её не стало. Кто будет с быстротой молнии носиться среди палат, машинально выполнять предписанные рекомендации, пусть не всегда успешно? Кто скажет, что «русский дух победит любую хворь» с непоколебимой абсолютной уверенностью? Пантелей успел привыкнуть к её детской беспечности, суетливой торопливости и следующей за тем невнимательности.

Что будет, если начнут умирать врачи? Кто будет лечить больных?

Сегодня он снова вернулся поздно. Девочка сидела на кухне и ждала.

— Я буду жить у вас? — голубые детские глаза смотрели с пристальным любопытством.

— Пока да.

— А дальше? — девочке нужно было знать всё.

— Что будет дальше — я не могу сказать. Но пока ты будешь жить здесь.

Сколько продлится это «пока», Пантелей не мог сказать сейчас даже самому себе.

— А мама? — последовал следующий вопрос, и голос девочки дрогнул в нерешительности.

Пантелей тяжело вздохнул, устало провёл по спутанным волосам.

— Мама пока будет в больнице.

Он хотел сказать, «пока ей не станет легче», но не решился. Давать пустую надежду даже ребёнку жестоко, считал он. Лучше промолчать. Но как потом он сообщит о смерти мамы, Пантелей не знал. Он боялся того страшного момента, когда ребёнок с надеждой спросит про маму, а в ответ последует суровая правда, которая, подобно безжизненной пустыне, сотрёт безоблачное детское счастье, — «мамы больше нет» — и недетская серьёзность отразится в глазах Майи.

— Она ведь вернётся? — снова спросила девочка.

— Никто никогда не уходит бесследно. Она всегда будет с тобой рядом.

Девочка с пониманием посмотрела на врача:

— Как папа?

— Как папа.

Он обнял девочку, поглаживая её вьющиеся светлые волосы. Он никогда не был отцом, не был женат. Всегда один. Непривычно ему было мирное биение семейного счастья.

Тридцать лет исполнилось. За последний год он сильно похудел. Резкие черты, свидетельствующие о непреклонности натуры, обозначились чётче. Тонкая

паутина белела на чёрных волосах: появлялась первая седина. Его не забрали на фронт, потому что он был хорошим врачом и необходим в тылу. Революция тоже проходила мимо него. Он не принимал ничьих сторон. Он просто чётко выполнял обязанности — помогал людям, которые в нём нуждались. И сейчас — эта девочка нуждается в нём.

Он уложил её на кровать — сам переночует на диване. Неумело рассказал по памяти любимые с детства сказки, которые когда-то читала его мама.

— Твоя профессия — самая важная, потому что ты лечишь людей, — с радостной благодарностью прозвучал детский голос в тихой комнате.

— Много и других не менее важных профессий, — глухо отозвался Пантелей.

— Ничто не может быть важнее людей, — отчётливо произнесла Майя.

Сколько мудрости было в этих словах, почувствовал доктор...

Девочка долго не могла уснуть. Беспокойство за маму, за новое, неведомое будущее не оставляло её. Она смутно понимала, что теперь всё будет по-другому. Кто этот появившийся в её жизни человек? Неужели ангел-хранитель — тот самый, из маминых рассказов, который пребывает рядом с человеком? Незримый, но она смогла увидеть его.

Чья-то длинная тень скользнула по комнате. Девочка испугалась.

— Кто здесь? Это ты? — едва слышно сказала она, зажав в руках старую, затёртую игрушку — единственную вещь, которую успела взять с собой.

Силуэт неизвестного предстал перед изумлёнными детскими глазами. Он был невероятно высоким, выше обычных людей; статичное невозмутимое лицо не передавало эмоций; лишь взор был печален и сосредоточен, а тонкий лик светился неземной белизной. Он внимательно смотрел на девочку, и из глаз его струились слёзы. Огромные крылья за спиной

были обагрены кровью, которая стекала на пол крупными красными каплями.

Майя, не шелохнувшись, сильнее сжимала в руках мягкую игрушку.

— Кто ты? — прошептала она.

— Я ангел, — прозвучал ровный голос в ночной тишине.

— Почему у тебя кровь? Тебе плохо? — девочке стало жаль ангела. Ей захотелось помочь ему, как маме, но если бы она знала: как?

— Я задыхаюсь от страданий этого мира. Я больше не могу видеть потоки слёз и крови; я больше не в силах выносить крики о помощи ни в чём неповинных людей; я больше не могу смотреть на лица беззащитных детей, оставленных умирать. Я призван помочь таким, как ты, но нас слишком мало, чтобы спасти всех от разверзнувшейся тьмы. Если бы люди немного помогли нам, обратили очи к свету, — говорил ангел. Но уста его не двигались. Казалось, Майя слышала его голос в своей голове.

— Я маленькая, но мама научила меня быть самостоятельной. Ты только скажи: что мне делать?

Глаза ангела прояснели:

— Ты можешь сделать много хорошего в своей жизни. Но ты должна быть сильной. Печальная новость ожидает тебя. Обещай мне, что выстоишь, что не отчаешься.

«Нет... Мама. Я не хочу, чтобы она умирала». Страшное предчувствие мурашками ползло в детском сознании: мамы не стало. Бездонное одиночество и никому не нужная беспризорная любовь ребёнка открывались перед ней.

— Ты не одна, — прозвучал голос ангела.

«Доктор, — промелькнула спасительная мысль, — ангел-хранитель, который должен спасти жизнь мамы».

— Порой даже ангел-хранитель не в силах спасти человеческую жизнь, — слова ангела прозвучали горько.

— Но мама говорила, что ангел-хранитель может всё. Что он всегда убережёт человека.

Восприимчивое детское сердце не понимало: ангел-хранитель всемогущий!

— Когда-нибудь ты поймёшь значение моих слов и объяснишь их доктору. Ты тоже нужна своему ангелу-хранителю. Он один в этом мире, в беспрестанной борьбе за человеческие жизни.

В памяти всплыл сегодняшний день: бледная мама, лежащая без сознания на белой кровати, озадаченный доктор, суетящийся около постели больной. К нему постоянно заходили какие-то люди, он беспрестанно отлучался.

«Он даже не ужинал сегодня», — неожиданно вспомнила девочка.

«Да, я тоже буду ему помогать, — решила Майя. — Мы вместе будем справляться с тьмой». От этой мысли на душе стало тепло.

Словно тяжёлый груз упал с плеч ангела. Его взгляд просветлел, излучая покой и безмятежность. Он легко взмахнул крыльями и с первыми солнечными лучами унёсся в небесную высь.

— Куда ты?

Ей не хотелось, чтобы таинственный гость покидал её.

— Запомни, — прозвучали его слова в мыслях девочки, — никогда не отвечай злом на зло. Только так возможно остановить тьму...

Майя открыла глаза. В раскрытое окно пробивался отблеск алеющей зари. На полу лежало белое перо.

5

Это случилось сегодня ночью. Женщина скончалась в кабинете доктора.

— Ничего не поделаешь, — пытался подбодрить неунывающий Семён Григорьевич слишком опечалившегося Пантелея. — Ты не можешь всегда так остро

реагировать на смерть пациентов. Этак тебя и самого на-долго не хватит.

— Ты знаешь, что Люба умерла? — не слышал его Пантелей.

— Знаю. Жаль её, хорошая была девушка.

Семён Григорьевич тщательно намывал руки с мылом. Пантелей стоял рядом в ожидании своей очереди.

— Сегодня произошло чудо, — решил сменить тему разговора пожилой врач. — Два пациента пошли на поправку. Помнишь, того старичка в матроске — любителя крепких спиртных напитков? Он уже вполне себя хорошо чувствует, шуточки откальвает. Сегодня попросил у меня горькой — для лечения. Говорит, нет лекарства чудодейственнее нашей русской водочки.

Семён Григорьевич засмеялся.

— А вторая — бабушка. Она много раз болела бронхитами. Организм уже закалённый, видимо. Хотя, — вытирая руки жёстким полотенцем, проговорил он, — это удивительно: здоровые, молодые люди практически не выживают, а старики с набором хронических болячек, слабым иммунитетом, выздоравливают чаще. Я разговаривал с коллегами из других больниц. Они то же самое говорят. Даа-с, — протянул Семён Григорьевич, — болезнь в высшей степени странная.

Пантелей почти не слушал его. Сегодня он был, как никогда рассеян. Сегодня ему предстоял тяжелое испытание: глядя в глаза ребёнку, сообщить о смерти матери.

Он никогда не был трусом. Но сейчас он ощущал дрожь в коленях и ватную нерешительную слабость во всём теле. Если бы он мог остановить время, отсрочить страшные минуты, не возвращаться домой... Но дома его ждала девочка.

Тем временем Майя, воодушевлённая ночным происшествием, решила, что никогда больше не будет

плакать и унывать. Она будет во всём помогать своему ангелу-хранителю — доктору — и сделает много добра в жизни, как ей и предвещал вестник неба. Свой грандиозный план девочка начала с малого: она подмела полы, протёрла пыль там, где смогла достать до полок, приготовила омлет, заварила чай и нарезала хлеб (хотя мама не разрешала ей брать нож, Майя много раз видела, как она им пользуется, и решила, что ей тоже пора этому учиться). Она с нетерпением ждала возвращения доктора. Вот сейчас он придёт, усталый, а тут — ужин на столе и в квартире чисто, прибрано.

Пантелей нерешительно открыл входную дверь. Войдя в комнату, он изумился: на столе, неряшливо накрытом, стоял скромный ужин, а рядом в радостном предвкушении сидела маленькая девочка. Никто никогда не ждал его дома. Он всегда приходил в пустую квартиру. Неведомое чувство кольнуло его сердце.

— Здравствуй, Пантелей! — с улыбкой на лице обратилась Майя. — Тебя не было так долго. Мне показалось, будто прошла целая вечность. Я немного убралась здесь и приготовила тебе ужин. Ты ведь любишь омлет? Это, конечно, простая еда, я пока не умею готовить что-то ещё, но я научусь.

Доктор устало сел на стоящий рядом стул.

— Майя, зачем? Необязательно мне что-то готовить и убираться.

«Какой же я чёрствый идиот, — с тоской в сердце подумал он. — Девочка целый день одна, наверняка не ела, а я даже не удосужился прислать Люсю».

— Ты больше не будешь ложиться спать голодным, — деловито проговорила она. — Я теперь буду тебе помогать. Ты не должен отвлекаться от важного дела — спасения людей. Не переживай, с домашними мелочами я справлюсь. Мама меня научила самостоятельности, со мной возиться не надо.

Упомянув маму, девочка невольно, как бы с вопросом, взглянула на доктора. Пантелей опустил

глаза. «Она уже не спрашивает — боится услышать подтверждение своих опасений». Но сказать нужно. Сбросить этот свисающий с души камень.

— Майя, — вздохнул он, — мамы больше нет.

Тихие слова прозвучали как удар грома. Ясные глаза девочки посмотрели на врача прямо, серьёзно.

— Я чувствовала, что это случится. Но не хотела верить, — чуть слышно прошептала она. — Сегодня ночью ко мне приходил ангел. Он сказал, что меня ждёт печальная новость. Я сразу поняла, что он говорил про маму.

Врач удивился: «Ангел? Может быть, Майя заболела?»

— Он был такой высокий, с большими крыльями, — поспешила уверить девочка, прочитав сомнение в его глазах. — Он сказал мне, что я должна быть сильной и не отчаиваться... и помогать тебе.

На глазах её заблестели слёзы. Пантелей поднёс руку ко лбу девочки: не горячий.

— Ты не веришь мне? — спросила она.

— Нет, верю, конечно, верю. Ангелы иногда приходят к людям, — поспешил успокоить врач.

— Он оставил это.

Майя протянула доктору белое перо.

Пантелей, рассмотрев внимательно находку, не мог понять, какой птице оно принадлежит. Да он и не разбирался в птицах. «Интересно, как она залетела в окно, я, кажется, его не открывал», — недоумевал врач.

— Майя, — голос его искрился ласковой добротой, — я не оставлю тебя. Ты будешь жить со мной, и я всегда буду о тебе заботиться.

Он взял девочку на руки.

— Ты настоящий герой, — прижавшись к доктору, сквозь слёзы проговорила Майя.

— Я правда старался... — задыхаясь от нахлынувших чувств и усталости, говорил Пантелей. — Но болезнь сильнее меня. Сильнее всех наших познаний в медицине.

— Ты ангел-хранитель. Но даже ангелу-хранителю порой не под силу спасти человеческую жизнь, — слова девочки прозвучали горько.

Логика Майи, по-детски непосредственная, на миг заставила его улыбнуться:

— Я обычный врач, Майя. Никакой не ангел-хранитель и не герой. Если бы я был кем-то из них, твоя мама бы не умерла.

— Прости меня, — после некоторого молчания произнёс доктор.

— Ты ни в чём не виноват, — прошептала девочка, — это всё тьма.

Ей вспомнились слова ангела...

Они ещё долго сидели на кухне. Майя тихо плакала. Пантелей бережно обнимал её. И хотя девочка дала себе обещание никогда не плакать, она не смогла сдержать слёзы, проливаемые по навсегда ушедшей матери.

* * *

За окном стояла слякотная осень. Каждое утро Пантелей уходил в больницу. Быстро проносились вереница трудовых будней, которая влекла за собой всё новые картины человеческих страданий. Рабочие дни изнуряли его. И лишь вечера приносили радостное умиротворение. Впервые дома его ждали. Ждали с надеждой на возвращение. Ждал любимый маленький человек. Майя, которая стала для него роднее всех на свете, — его дочка, как теперь он её называл, — всегда радостно встречала его. Теперь он никогда не ложился спать, не поужинав; никогда не уходил на благородное дежурство, не позавтракав. Майя взяла на себя домашние хлопоты. Обязанности по дому не тяготили её, а, наоборот, приносили радость. Ведь теперь она помогала самому важному человеку в её жизни. Майе хотелось видеть его счастливым, ей нравилась его добрая улыбка. А он всегда рассказывал ей сказки перед сном, приносил книги и иногда читал их вместе с ней.

Впервые Пантелей почувствовал окрыляющее дыхание тёплых, родственных чувств — самых крепких на свете. Майя верила в него, и эта вера придавала ему сил бороться дальше. Несмотря ни на что, он выстоит, ведь теперь под его крылом нежный, ещё нераспустившийся цветок, который он обязан защитить от жестоких морозов суровой зимы даже ценой собственной жизни.

Что будет дальше, он не знал, но был уверен, что теперь небесный свет озаряет его путь.

...А пока — снова схватка со зловещей смертью. И, может быть, в этой битве ему удастся спасти не сколько человеческих жизней среди сотен умирающих людей.

Ирина Михайлова

г. Люберцы

Воздушная тревога

Отрывок из повести

АВГУСТ

1

Наш поезд опаздывает на несколько часов. Все выходят из своих купе, потому что там стоит невыносимая жара, и садятся в проходе прямо на сумки. Но и здесь дышать нечем.

Поезд подъезжает медленно, в окна ничего не видно, словно при сильном утреннем тумане. Но сейчас, летом, в восемь часов вечера, такой страшный полумрак непривычен.

— Вас кто-то встречает? — спрашивает меня соседка по купе.

«Нет», — хочу сказать я, но передумываю, иначе она обязательно привяжется.

— Я позвоню отцу, — вру я, хотя отца у меня уже почти год как нет.

Она кивает и отходит в сторону. Спрашивает у кого-то ещё. Неужели боится выходить отсюда одна?

Наконец поезд останавливается. Появляются очертания фигур, слышатся разговоры. Значит, это вокзал. Должен быть вокзал. Но вокзала нет. Вместо него — сплошной стеной дым — наш поезд въезжает прямо в него.

Никто не торопится выходить. Всем кажется, что это ещё не Москва, не может быть Москвой. Но это Белорусский вокзал.

Я помню: перед самым моим отъездом в Россию Вильфрид показывал мне в немецких газетах фотографии птиц, падающих с неба замертво, и людей, закрывающих платками рот и нос, и всё твердил:

— Это Москва. Это Москва.

Я не верила ему, а он всё равно тыкал пальцем в эти фотографии и всё повторял:

— Москва, Москва.

Всё повторял и повторял, пока я не бросила газету на пол и не начала говорить быстро-быстро по-русски, забывшись, тогда он схватил меня за руку и сказал фразу, какую недавно выучил:

— Пожалуйста, говори медленно. Я ничего не понимаю.

Я выхожу на перрон и пытаюсь вдохнуть. Но воздуха нет. Вместо него эта мутная гарь. Достая повязку, которую купил мне Вильфрид, смачиваю её немецкой водой. Легче не становится, но становится не так страшно.

— Такси? — на перроне, как охотники, уже столпились частные водители.

— Сколько возьмёте? — спрашиваю я.

— Три тысячи.

— У меня только евро.

— Возьму евро.

Я сажусь в машину. Водитель сразу закрывает окна и включает кондиционер.

— Давно здесь так? — спрашиваю.

— С июля. Два месяца почти. Сегодня ещё ничего. Было хуже, — он улыбается, хотя я знаю, что и ему страшно. — Привыкаем. Говорят, гарь сойдёт только в октябре.

Мы едем медленно, на ощупь, словно по неосвещённой трассе.

— Где была? — он опять улыбается мне.

— В Германии.

— Хорошо там?

— Хорошо.

— А чего вернулась, раз хорошо? — смеётся.

Я пожимаю плечами — не знаю, что сказать. Он совсем молодой, в Москву приехал недавно, и здесь ему плохо. Но он не уедет. А из Германии, где хорошо, уехал бы? Хотя он никогда не был в Германии. Вообще, нигде не был.

— Много сейчас работы? — спрашиваю.

— Не особо. Со всех берём по три штуки, но едем еле-еле. Только бензин сжигать.

Я даю ему сто евро — подарок Вильфрида. Это больше, чем три тысячи. Но других денег у меня нет.

Он уезжает, и я почти сразу перестаю видеть его машину.

Мама сегодня не позвонит: я сказала ей, что приеду только на следующей неделе. В новостях советуют закрыть окна, чтобы не задохнуться ночью от дыма, и я закрываю. Ложусь в ванной, потому что в комнатах дышать нечем, закрываю плотно дверь. Вдруг понижаю — если я задохнусь, меня станут искать не скоро. Звоню маме.

— Уже приехала? — спрашивает она.

— Да.

— Может, мне прийти?

— Не надо. Поздно уже.

— Как там?

Там — это в Германии, откуда я только что вернулась.

— Хорошо, — говорю я то, что говорила уже в такси.

- Собеседование когда?
- Завтра.
- Позвони, когда сходишь.

Вешаю трубку. Сажусь на пол в ванной и включаю холодную воду — становится легче.

* * *

Собеседование должно быть сегодня. В этом году я окончила институт и решила устроиться работать в школу. Вильфрид не понимал. Пока я жила у него, он всё время говорил:

— Зачем тебе возвращаться? Ты можешь жить здесь. Выучи язык, сдай экзамен. Ты можешь работать.

— Мне нужно подумать. Это слишком сложно — вот так всё бросить, — отвечала я. Хотя иногда я действительно не понимала: почему я просто не могу остаться? Ведь можно же оформить документы, подать прошение. Всё это можно. Но я ничего этого не делала.

А сегодня утром я проснулась уже в своей маленькой однокомнатной квартире, а не в большом двухэтажном доме, и стала собираться не в горы, куда ходили с Вильфридом каждый день, а на собеседование в школу.

* * *

Школа, в которую я шла работать сразу после Литературного института, — самая обыкновенная, общеобразовательная. Она находится в посёлке Калина — самом неблагополучном районе Люберец. Раньше я даже не слышала о таком районе. Я родилась в центре Люберец — в сталинской пятиэтажке, с высокими потолками и большими комнатами. Училась в Первой люберецкой гимназии, в классе, где учиться плохо считалось позором, и где равнялись только на отличников, хотя тайно их ненавидели и завидовали им. Я никогда не переходила в другую школу и даже в другой класс, и поэтому не могла представить, что где-то может быть иначе.

Посёлок Калинина, а сокращённо просто «посёлок», или «Калинин», стоял на самой границе с Москвой. Через несколько домов уже строили метро и начинался московский район Выхино. Школа эта служила своеобразной преградой между центром Люберец и Москвой. И все, кто не попал в центр и не попал в Москву, оказывались здесь — в этой школе.

Посёлок был построен в советское время, когда в этом районе было принято решение построить большой завод имени Ухтомского. Этот завод когда-то представлял из себя целый город. Отдельное закрытое государство, куда можно было въехать только по пропускам, и куда не было доступа людям, не относящимся к этой заводской жизни.

Завод и построил этот район: бараки, в которых жили первые рабочие, завезённые сюда большей частью из других, более отдалённых городов, сменили на панельные и кирпичные пятиэтажки, которые сейчас все называют хрущёвки, хотя построены они были в разное время.

У посёлка была ещё одна особенность — близость к Москве. Поэтому совсем недавно здесь стали появляться новостройки, постепенно оттесняющие пятиэтажки, и в них стали селиться те, кто не мог себе позволить жить в Москве, но очень хотел. Тогда они приезжали сюда, а их дети тоже учились в этой школе. Вот куда я собиралась идти работать сразу после окончания Литературного института.

Все, кто узнавал, куда я иду, отговаривали.

— Это же ужас, — говорили мне, — с таким образованием лезть в такую грязь!

Особенно переживала мама. Она сама была учителем немецкого языка. В молодости работала в сельской восьмилетке с одной параллелью, где, как говорила, дети учили только математику и русский.

— Но я как раз буду вести русский, — пыталась шутить я.

Мама шуток не понимает.

— Знаешь, что мне кричали, когда я шла по коридору? «Гитлер, капут».

— Сейчас бы кричали: «Гитлер, хайль», — опять шучу я.

Потом мама работала здесь, в Люберцах. Но, когда я была в шестом классе, ушла в Москву на склад с лекарствами. Владелец платил двенадцать тысяч рублей в месяц и в свой день рождения оплачивал всем ресторан. Мама до сих пор работает на этом складе. Она говорит, что никогда не жалела, но это не так.

В школе ещё никого нет. Тихо и хорошо. У дверей курит молодой охранник. Предлагает мне сигарету, начинает что-то рассказывать. Он в тяжёлых зашнурованных берцах и бейсболке. Если бы не рост, можно было бы принять его за старшеклассника. Показывает, где кабинет директора.

Директор быстро представляется — учитель французского и физики. Старше меня вдвое. Смотрит в упор. Кивает на стул. Берёт диплом, долго его рассматривает.

Мне становится неловко. Сажу в белой рубашке и брюках, к которым ещё не привыкла, с чемоданчиком, который скорее подошёл бы для курьера, сжимаю его так, будто хотят отобрать. У него жарко, мои ладони потеют, и я думаю: если мне нужно будет что-то подписать, ручка просто выскользнет.

Но он не даёт никаких бумаг. Просто сидит напротив и смотрит — то на меня, то в диплом. Точно сверяет.

— Зачем тебе школа? — спрашивает так устало, словно ему всё это так же не нужно, как и мне.

Этот вопрос мне уже задавали, и я отвечаю заученной фразой.

— Я хочу работать с детьми.

Он, конечно, не верит.

— Со своим дипломом ты можешь работать журналистом или редактором. Тебе не обязательно идти сюда. У нас небольшая зарплата и классы непростые, особенно восьмой.

— Я согласна.

Он молчит. Не знает, что придумать, чтобы я от- казалась.

— Ты уже работала с детьми?

— Нет.

— Как же ты собираешься их учить?

Мне хочется спросить: а как он сам их учит? Но я только пожимаю плечами.

Подходит к окну. У него в кабинете большое окно, открытое настежь. Смотрит в него, словно принимает какое-то важное решение, а может, просто забыл обо мне.

— Я скажу сразу. С нашими детьми работать сложно. Детей берём со всего района. Вот какие есть — таких и берём. Не все молодые учителя справляются. Придут на месяц — и уйдут. Тебе это надо? Шла бы в колледж. Там попроще.

Я открываю рот, чтобы что-то сказать, но замираю. Удивительно: он отговаривает меня. Он, директор школы, вместо того чтобы сказать стандартное: «Мы вам позвоним», — меня отговаривает.

— Вы не хотите меня брать? — спрашиваю.

— Не хочу. Дети привыкнут, а ты сбежишь через неделю. Придётся опять кого-то искать.

— Мне куда бежать, — шучу я.

Но он не улыбается.

— Я сам окончил эту школу. Хорошо район знаешь?

— Нет. Я живу в центре, на улице Кирова.

— Ухтомский завод помнишь? — он указывает на серое здание, торчащее из-за домов, похожее на школу, только с длинными недымящимися трубами. — Так вот он эту школу и построил. Здесь учились дети заводских. После восьми классов шли работать на тот же завод. Из всего моего выпуска я один поступил в институт.

— А сейчас кто здесь учится?

— Увидишь, — он садится на своё место. — Почему Литературный институт? — опять смотрит в диплом. — Хочешь стать писателем?

- Возможно.
- Пишешь стихи?
- Нет.

— Ладно, — отдаёт мне документы, — может быть, тебе будет легче понять этих детей. Ты не так уж далеко ушла от них.

Может быть. Может быть. На самом деле, мне всё равно. Я не собираюсь их понимать. Мне нужно, чтобы меня оставили в покое — вот и всё, что мне нужно. Эта школа, скрытая в посёлке от всего остального мира, кажется мне самой подходящей. До всего остального мне нет абсолютно никакого дела. Я смотрю на серое здание с недымящимися трубами.

— Его сейчас, кажется, закрыли, — говорю.

— Закрыли. Директор сбежал куда-то со всеми деньгами.

— Ищут?

— Ищут.

Руки на прощание не жмёт и даже не провожает. Смотрит вслед.

— Взяли? — спрашивает охранник.

— Взяли.

— Тогда добро пожаловать в дурдом, — смеётся.

Я выхожу и вдруг чувствую: через неделю осень. Это страшное лето позади. И всё пойдёт по кругу. Заново.

Я оборачиваюсь. Охранник всё ещё стоит у дверей и курит. Машинально машет рукой. Мне хочется помахать ему в ответ, но я отворачиваюсь и стараюсь запомнить дорогу сюда.

* * *

Мне дали три класса — два пятых и один восьмой. В восьмом — классное руководство. Это немного: всего двадцать пять часов в неделю, то есть по пять уроков каждый день. Другие учителя работают больше — по семь или восемь уроков в день, хотя учительская ставка — восемнадцать часов в неделю, то есть

по четыре урока. Но восемнадцать часов не работает никто. Тридцать — это средняя нагрузка каждого, так что мне ещё повезло.

Мой кабинет в самом конце длинного, словно тюремного, коридора. С левой стороны большие деревянные окна с мутными стёклами и занавесками, не достигающими и до половины окна. Справа — туалет для девочек, директорская, совмещённая с секретарской, кабинет математики, следом истории и потом — мой.

Перед первым сентября двери во всех кабинетах открыты, оттуда слышатся покрякивания ещё не знакомых мне учителей, недовольные бурчания детей и звук сдвигаемой мебели. Идёт генеральная уборка.

Те учителя, за которыми закреплены кабинеты, в джинсах и старых свитерах, какие не жалко испачкать, вместе с детьми дряют парты, подоконники, полы, шкафы. Отдирают накопленные за год жвачки от пола, парт и стульев, моют окна, встав на стул, а стул поставив на парту. Из каждого класса слышно:

— Можно я пойду домой? Я свою часть класса вымыл.

— Где ты вымыл? Жвачек ещё полный угол.

Семиклассник, самый забитый и послушный, потому что никто больше добровольно не согласится прийти до сентября в школу, уныло идёт со старым алюминиевым ведром, на котором красными буквами нарисован номер кабинета, в туалет и набирает воду, а потом плетётся в класс, расплёскивая её по дороге.

Из кабинета математики выставлена в коридор вся мебель — и путь до моего класса заставлен. Я пробираюсь через эти парты и стулья и заглядываю в класс. Учительница математики, очень полная и неповоротливая женщина, сидит за своим столом, единственным, что осталось в кабинете. А взрослые уже, видимо, десятый или одиннадцатый класс, дети на корточках трут линолеум.

Мой кабинет открыт, но там никого нет. Я захожу и плотно закрываю за собой дверь.

Мой кабинет именно такой, какие я всегда терпеть не могла. Зелёные стены, сверху на четверть побеленные, салатовые шторы, желтоватые батареи, потолки в разводах, страшный огромный вентиляционный короб свисает с потолка. Вентиляция ведёт в соседний класс — и мне слышно всё, что там происходит. А им, видимо, всё, что будет происходить у меня.

В дверь кто-то стучится и, не дожидаясь, пока я открою, заходит.

— А, тебе этот кабинет отдали, — почему-то делается ударение на слове «этот», как будто он какой-то особенный.

Ко мне заходит женщина лет сорока пяти. Короткая стрижка, джинсы, свитер. И не скажешь, что учитель, если бы не хриплый, но хорошо поставленный громкий голос.

— Какие тебе дали классы? — говорит.

— Один восьмой и два пятых.

— А восьмой какой?

— Кажется, «А».

Она удивлённо и даже немного с ужасом на меня посмотрела.

— Восьмой «А»? — она переспросила так, словно я сказала, что иду в специальные войска, а не в восьмой класс.

— А что с ним не так? — переспрашиваю уже я.

— Тебе, наверное, будет сложно. Ты же только после института.

Она как-то внимательно осматривает мой кабинет, точно никогда его раньше не видела.

— Тебе надо бы шторы постирать. Их в том году никто не снимал. И возьми плакаты в вашей лаборантской: от их предыдущей классной остались. Там и по русскому, и с писателями всякими.

Я киваю.

— А что нужно делать на первых уроках? — спрашиваю я.

Она садится за парту.

— Самое главное — сразу рассади их. Обычно они, если видят молодого учителя, пытаются надавить на него, поднять под себя. И первое, что они делают, — это садятся, как они сами хотят. Не допускай этого. Потрать урок, два, три, но они должны сесть так, как ты хочешь. Пока их не знаешь — сажай мальчика с девочкой. Потом ты уже поймёшь: кто с кем дружит, кто с кем болтает на уроке. И сажай так, чтобы им было максимально некомфортно. Запомни: на уроке должно быть комфортно только одному человеку. Это — тебе. Остальным должно быть неудобно. Это первое. Второе: добейся, чтобы у них были дневники. В дневник ты пишешь послания родителям, ставишь оценки и так далее. Дети все подсознательно этого боятся, даже самые оторвы. Если дневника нет — они не боятся ничего. Дальше — добивайся тишины в классе. Двойками, руганью, чем хочешь. Если всё это у тебя получится — считай, полдела сделано.

— А если нет?

— Тогда ты зря потратишь здесь время.

Она уходит.

Я пододвигаю парту ближе к подоконнику, на парту ставлю стул и залезаю на него. Шторы пахнут пылью, она накопилась в них за целый год. Я снимаю их и скидываю на пол — они светло-зелёной кучкой теперь лежат внизу.

В лаборантской никого нет. Она представляет собой маленькую комнатку, смежную с кабинетом русского языка и литературы. Она вся завалена какими-то бумагами, портретами писателей, книгами, учебниками. Я роюсь в них и нахожу несколько плакатов — со сложными предложениями и с причастиями. Забираю себе. Забираю портрет Лермонтова, который попадается мне случайно на глаза.

Всё это я пытаюсь развесить в моём классе. Вешаю прямо на стены, на скотч, около доски.

Пока это всё, что есть в моём кабинете. Я сгребая шторы, засовываю их в пакет и, протискиваясь через мебель в коридоре, точно вор, иду к выходу.

Сегодня вечером мама осталась у меня ночевать.

Она съехала летом, пока меня не было дома. Почти все свои вещи она забрала с собой — их за всю мамину жизнь здесь оказалось не так много. Что мама не взяла — так и осталось валяться по углам, словно разбросанное нарочно. Когда я вернулась, я собрала эти юбки и блузки в большой пакет. Платьев не было. Мама их не носит. Сейчас этот пакет стоит у выхода.

Мы ложимся в одной комнате. Совсем как раньше.

— Как вы живёте? — спрашиваю. — Он работает?

— Работал, — мама при выключенном свете мажет руки моим кремом, и я чувствую его запах. — Их сократили.

— Но он хоть ищет?

— Ты же знаешь, как сейчас сложно.

Мама познакомилась с ним год назад. Через полгода после развода с моим отцом.

Он тоже был разведён. Работал грузчиком на складе, где работала сама мама. Там и познакомились.

Она тогда привела его в нашу квартиру, и он мне ужасно не понравился. Всё в нём не понравилось: его огромный рост, большие, как у великана, руки, грубый громкий голос, словно он всё время хочет кого-то перекричать, его манера на всё отвечать: «Ничего, прорвёмся», — точно мы на войне.

Он не был похож на моего отца. Мой отец совсем другой. Невысокий, молчаливый, тихий. А этот — верзила. Когда он заходил к нам, приносил с собой вой и шум тысяч заводских труб. Он так некстати смотрелся в нашей маленькой квартире, словно не вмещался в неё.

— Надеюсь, он не будет жить с нами, — сказала тогда я. — Мне бы не хотелось такого отца.

— Не будет. У тебя уже был один, — ответила мама.

Они сняли комнату. Мне казалось естественным и правильным, что уходит она, а не я.

С тех пор как мама ушла, мы почти не говорили друг с другом.

— Какие у вас соседи? — спрашиваю я.

— Хорошие. Две семьи. Одни без детей — как и мы. Я отворачиваюсь к стене.

— Я приду к вам, посмотрю.

— Не надо. Что там смотреть, — говорит мама.

Я слушаю, как дышит мама. Мне всегда было спокойно от того, что она спала рядом, и всё казалось таким простым и разрешимым. Любая проблема тут же растворялась, когда я ложилась и просто слушала.

— Как у тебя с ним? — спрашивает уже мама.

Он — это Вильфрид. Я вспоминаю: он сейчас далеко. Когда он провожал меня на поезд, то всё время повторял по-немецки:

— Ты можешь что-то сказать мне, если хочешь. Сейчас ещё есть время.

Я молчала. Я не знала, что сказать ему. Я возвращалась домой, и мне казалось, что времени больше не осталось.

Я не отвечаю маме и делаю вид, что уже засыпаю.

— Уснула? — мамин шёпот.

Я молчу, и она отворачивается. Чувствую — она крестится на ночь. И, наверное, крестит меня. Она не особо верит, не ходит в церковь, но думает, что это может помочь. А я верю, но иногда мне кажется, что не может.

2

Отец приехал, когда Вика окончила седьмой класс.

Приехал неожиданно, на своей фуре, в конце лета, не позвонив, приехал впервые за год. И Вика не сразу узнала его.

— Иди, встречай, — говорит ей бабушка. Она первая увидела его в окно. Начинает тут же накрывать на стол.

Она спокойна и не удивлена, словно отец приехал не из Москвы, а пришёл с суток, как раньше.

— Иди, чего стоишь?

Но Вика не хочет. Ей кажется, что что-то случилось, что отец не приехал бы просто так.

Отец не звонит в дверь и даже не стучит — заходит так. Дверь в вашем маленьком Балашове закрывается только на ночь. Он сразу приносит в дом незнакомые запахи, суету, шум.

— Вы всё не запираетесь? — смеётся он. Громко, и Вике кажется — как-то неестественно.

Он на неё почти не смотрит, проходит на кухню. Медленно разувается. Потом снимает футболку, бросает прямо на пол. Вика её подбирает, относит в ванну. От неё пахнет машиной и мужским запахом, от которого она отвыкла.

— А чего у нас брать-то? — бабушка толкает внучку. — Иди, собери на стол в комнате. Не здесь же сидеть.

Вика из комнаты наблюдает, как отец долго умывается, моет руки, плечи, наклонившись над раковиной. Он всегда мылся холодной водой.

— А чего Наталью не привёз? — кричит бабушка с кухни. — Пожили бы.

— Работает Наташка.

Бабушка молчит. Злится, что приехал один, без жены — её дочери.

Отец, не одеваясь, в одних трусах, проходит в комнату, садится в кресло у стола.

— Пятнадцать часов ехал, — говорит, — устал.

Бабушка собирает на стол всё, что есть. К концу августа уже готово варенье, солёные огурцы, маринованный чеснок.

— Грибов в этом году мало, — говорит она, словно оправдываясь, — сухо очень. Так бы засолила. В Москве-то как?

— Нормально. Жарко.

— Дорого всё, небось?

— По-всякому. Хватает. Сами как?

Бабушка не отвечает. Машет рукой. Отворачивается. Соскучилась по дочери. Не видела год. А раз не привёз — до следующего лета уже не увидит.

- Когда обратно? — спрашивает она.
- Завтра надо выехать.
- А чего так скоро?
- Работа у меня. Один день простоя здесь — пять тысяч там теряю.

Вика смотрит на отца как на незнакомого. Она помнит черты его лица. Помнит его нос, почти такой же, как у неё. Плечи, широкие скулы. Цвет его глаз, его руки — большие, мужские, с синими проступающими венами. Помнит его голос: не такой, как по телефону, ниже, хриплый, точно при простуде.

За год она не видела его фотографий. А ей бы хотелось узнать, как менялось его лицо. Ей бы хотелось положить эти снимки в ряд, за каждый месяц, и посмотреть, каким был тогда отец. Был ли он серьёзный или, скосив чуть вбок уголок губ, улыбался. Эту особенность — улыбаться только уголками губ — он передал ей. Она тоже так делает, когда её никто не видит.

Отец быстро ест, словно торопится. Без хлеба, не дождавшись чая. Наверное, так привык в Москве. Потом отодвигает тарелку и закуривает прямо в комнате.

— Выпить-то есть?

Бабушка несёт настойку, которой уже несколько лет, потому что никто в доме не пьёт, а Вику отправляет стелить отцу постель.

Бабушка прикрывает дверь, но Вика слышит её шёпот.

— Без меня-то быстро решили. Вы уедете, а я куда?

— Тебя в деревню, в Майское. Жильцов я в эту квартиру нашёл. Деньги с них будешь брать себе.

— Всё рассчитал, — бабушка начинает убирать со стола. Уходит на кухню. Гремит посудой. Хлопает дверцами. Злитесь.

— Не шуми, — кричит ей отец. — Решили всё.

Бабушка молчит. Знает, что этот год вы жили на его деньги, потому и молчит.

— У ребёнка-то спросил — хочет она ехать?

— Спрошу.

— Спроси, спроси. А то решили они... Девчонка выросла, друзья у неё тут.

— Там найдёт.

— Всё у тебя легко!

Значит, он приехал за ней. Вика это поняла сразу. Она всегда знала, что приедет отец и заберёт её. Через год или два. Или когда она окончит школу. Она знала, что он не вернётся сюда жить. Никто не возвращается из Москвы обратно.

— Ну что, — отец заходит в комнату, обнимает Вику за плечи. Не так, как обнимал раньше. По-другому. — Завтра поедем.

Говорит как-то неуверенно. Точно просит. Хотя он не привык ничего просить.

— Что я буду там делать? — спрашивает Вика.

— А здесь ты что делаешь?

— Живу.

— И там жизнь.

Он стоит и не знает, что ещё сказать.

— У меня там никого нет, — говорит Вика.

— А что у тебя здесь? — отец садится на кровать, опять закуривает и стряхивает пепел на пол. От него пахнет клюквенной настойкой и одеколоном. — В этом болоте? Что у тебя здесь? Пятнадцать квадратных метров? — отец окидывает глазами комнату, которую видел много раз. — И бабка. А другого ведь не будет. Никогда. Ничего не будет, — он притягивает Вику за руку, и она садится с ним рядом. — Ты знаешь, какие там дома, какие там люди? Они всё могут. Всё, что захотят. Что ты здесь можешь? Ничего. А там — там всё есть. Всё. Деньги там валяются под ногами. Тысячи. Только поднимай. Я там могу так раскрутиться! У нас там комната хорошая есть. В Люберцах. От Москвы недалеко. Потом что-нибудь придумаем. Ну, что у тебя здесь?

Вика молчит и вдруг понимает: он ничего не знает о ней. Как она будет жить с ним?

— Я пойду, — говорит она.

— Подожди, — он опять берёт её за руку, так крепко, точно она должна вот-вот исчезнуть. — Ты так изменилась. Подросла.

— Мне четырнадцать.

— Я знаю. Мне бабка присылала фотографию. Но это не то. Не то. Я знаю, что тебе четырнадцать, — он повторил это несколько раз, точно не был уверен. — Понимаешь, отсюда бежать надо. Бежать. Родился — и беги. Как можно дальше.

— В Москву?

— Хотя бы.

— А потом куда?

— Потом? А что потом? Потом ничего нет.

Вика встаёт.

— Не уходи далеко.

Как будто здесь есть куда уйти.

Город можно обойти за несколько часов. От дома — на Привокзальную. Мимо детского сада. Мимо парка. До стадиона. Свернуть на Карла Маркса. Это час. Пойти к вокзалу и посидеть около памятника Ленину — пятнадцать минут. По Софинской улице до церкви — тридцать. За город на реку, через центральную больницу — два часа.

Но Вика не хочет. Она всё это видела сотни раз. Куда же ей идти в этом городе?

Ничего нет. Бежать. Бежать. Она бежала, когда уезжал отец. Наматывала круги вокруг дома, когда уехала мама. Бежала из школы домой, потому что ждала звонка из Москвы. Из дома в школу, потому что звонка не было. Бежать. А теперь должна уехать. И кажется — бежать некуда.

* * *

В школе темно и пахнет свежей краской. Каждое лето школу ремонтируют. Кладут новый линолеум, белят потолок. А за год всё опять становится никуда не годным. Все шутят: школу ремонтируют, чтобы

учителям можно было подработать. Там, и правда, всегда работали учителя и старшекласники.

Сейчас здесь никого. Двери тяжёлые, дубовые. Вика их с трудом открывает.

— Не рано пришла? — на охране незнакомый человек. — Тебе кого надо? Ты из какого класса?

— Здесь сейчас есть кто-нибудь? — Вика садится на лавочку, на которой обычно сидят те, кто прогуливает уроки.

— Никого, — он немного растерялся. — Лето же.

Вика встаёт и идёт на второй этаж к кабинетам.

Это хорошо, что никого. Ей бы не хотелось никого видеть. Пришлось бы что-то объяснять, как-то прощаться. Она не любит этого. Она бы хотела оставить им всем записку и написать только одно: «Я уехала, а вы остались». Им всем. Учителям, одноклассникам, друзьям. Они все останутся здесь. Навсегда. Им некуда ехать. У них ничего не будет. А она сюда никогда не вернётся.

Начнётся сентябрь, они придут и спросят о ней. А она в Москве. Они узнают. Они удивятся. Они не поверят. Они придут после уроков, все вместе, к ней домой. А там уже совсем чужие люди. И её нет.словно она умерла, словно её никогда не было в этом городе, на этой улице. Они пойдут по своим делам, своими дорогами. Вика знает их наизусть. Они все знают их наизусть. И могут ходить по ним с закрытыми глазами. А у неё будет своя дорога. Много дорог. Сотни. Их в Москве не сосчитать.

Она садится на подоконник. Обычно запрещают это делать, но сейчас можно.

— Не стоит здесь сидеть, — охранник поднялся за ней и стоит рядом.

— Мне всё равно. Я уезжаю, — говорит она и смотрит на него: верит или нет. — В Москву.

— В Москву? Так далеко? — смеётся. Не верит.

— В Москву.

— И когда же?

— Завтра.

— И всё-таки не сиди здесь.

Он уходит, а Вика пишет на подоконнике маркером своё имя, точно это что-то изменит. Хотя знает, что эти подоконники всё равно будут красить, и её имя сотрётся.

Вике кажется — в Москве так легко потеряться. Вдруг она выйдет в школу — и не сможет найти дорогу. Надо будет обязательно записать адрес нового дома. А бабушка? Она останется здесь? Ей-то уже никуда не надо. А если она заболит? Она последнее время часто болеет. А мама? Вика не видела её так долго. А если она её не узнает? Нет, были же фото. А что взять? У неё и одежды никакой нет. Что там носят? Что слушают? Москва. Вика не знает о ней ничего. Она представляет её как большой район с тысячьютысячью улиц и метро. У неё была схема. Можно выйти на любой станции — и это будет Москва. Потом опять спуститься — и выйти уже на другой. И это тоже будет Москва.

Из её класса ещё никто никуда не уезжал. Она будет первая.

* * *

Пока ехали, отец многое рассказал.

Как познакомился с Викиной мамой в техникуме: они оба учились там, только отец на слесаря, а мама на повара. Потом — армия. Когда пришёл — встречались. Женился, когда уже появилась Вика.

Гулять стал сразу. Мама с Викой, а он — к девкам. Так и сказал.

— А что, я только с армии. Мне двадцать лет. Погулять хочется, а твоей матери не до этого, — он махнул рукой, — в деревне этой ничего не скроешь.

Это он про Балашов.

— Мама всё узнала? — спросила Вика.

— Бабка твоя узнала и всё ей рассказала. Хотели меня выгнать, но тебе год был. Из-за тебя и остался.

Бабушка тогда сказала маме очень просто: «Тебя

замуж кто гнал? Вот кого выбрала — с тем и живи. Глаза видали, кого выбирали».

Пока Вика была маленькая, работали вместе — на одном текстильном заводе.

— А потом завод закрыли, мы и остались без работы. Ты — в первом классе, а дома жрать нечего. Прямо как в 90-е.

В Балашове два завода было — текстильный и мясомолочный. Закрыли один, потом второй.

— Варианта осталось два, где работать. Почта и железнодорожная станция. Больше идти некуда. Но там всё уже было занято. Мы же не одни без работы сидели. Решили торговать.

Рынков в Балашове ещё не было. То есть был один — с продуктами. Но это не в счёт. И вдруг стали появляться палатки с новыми модными тряпками, сумками, кожаными куртками, позолоченными часами.

— В общем, всякое барахло, — говорил отец. — Сняли палатку, место, поставили. Я взял машину в аренду, стал ездить в Саратов, закупал дешёвых шмоток, цены поставили в полтора раза выше. Проторговали месяц. А потом пришли ребята, объяснили, чьё место мы заняли. И всё, что не продали, пришлось везти обратно в Саратов, отдавать за бесценок. Спорить я с ними не хотел, сама понимаешь, ты в школу одна ходишь, мало ли что, город-то маленький. В общем, я не хотел, чтобы ты домой не вернулась. Долгов получилось, конечно, много. Вспоминать не хочу, как выбирался из всего этого. Как к бабке твоей на поклон шёл. Это после всего — к ней на поклон. Только ради тебя денег и насобираала. Дала.

Вот тогда появилась мысль — Москва.

— А в Москве таких ребят нет? — спросила Вика.

— Есть. Но в Москве договориться проще. Всё уже куплено и поделено. А у нас-то всё с опозданием. Только делить начали и до сих пор никак не делят. В Москве понятно: кому платить, а кому — нет. В Москве — это бизнес. Бизнесмены все, а не пацаны с монтировкой.

— А разница между ними есть?

— Разница? Да нет. Но Москва — это Москва. Сама увидишь.

Как жил первое время в Москве — отец говорить не стал. Как нашёл нужных людей, как стал возить вещи. Где только не был... Как нашёл комнату, перевёз мать, а Вику оставил с бабушкой.

— Не рада, что едем? — спрашивает отец.

— Страшно.

— А мне не страшно было, когда ночью в фуре спал посреди поля? Но я же для тебя всё. Если бы не ты, бросил бы всё к чёрту.

— А мама?

— А что мама? Разве с ней жизнь?

— А чего бы ты хотел?

— Жить бы в деревне, в своём доме. Своё хозяйство. Земля, поле. Всё бы было. И не надо ничего другого.

— Так почему же нет?

— Да куда я теперь? Впрягся уже. Хочу взять ипотеку. Квартиру где-нибудь в области купить. На первый взнос накопил. Мы с тобой в Москве будем жить. Как все живут.

Вика слушала всё это очень долго, и ей было жалко отца. Она представила: он один, посреди поля, ночью, в фуре. А вокруг какие-то ребята с монтировками, которые требуют денег.

А где-то там — Москва. Город, в котором всё есть. Где много красивых домов. Где все живут счастливо. И отец едет в этот город быстро и почти без остановок.

* * *

Школу нашли очень быстро — прямо напротив дома. Вику взяли без собеседования. Спросили только про оценки.

— Троек почти не было, — ответила Вика, — только русский сложно.

Директор кивнул и ничего не сказал.

Олисава Тугова

г. Рыбинск

Восхождение

Рассказ

Огромный, неповоротливый «Урал» вдруг как-то неожиданно легко развернулся, рыкнул и исчез в клубах ватного тумана.

— На ужин хочет успеть, зараза, — протяжно прокомментировал Яшка, поправляя на плече ремень гитары. Новички-духи, прибывшие с сержантами на занятие по альпинизму, подпрыгивали, потягивались, «заземлялись» после тряского «Урала». Сафрону казалось, что гора под ногами сонно поворачивается, разбуженная незваными гостями. Дорога обрывалась, дальше плавали в тумане верхушки камней, похожие на могилы старого кладбища.

— Не видно ни черта! Куда идти-то? — прогудел чей-то сонный голос.

— Это хорошо, что не видно, — отозвался Лис.

После его слов туман стал ещё гуще, а тишина вокруг — глуше.

— Ребята! Идём на базу за снаряжением. И потом — скальная тренировочка, — бодрый бас штатского инструктора стал слышен прежде, чем из белого киселя появилась его яркая штормовка.

— Может, завтра? Сегодня обустроимся, у костра посидим... — предложил Яшка.

— Завтра с утра — восхождение. А вы даже страховочные карабины застёгивать не умеете. Вот и потренируетесь, — отклонил запрос инструктор, покачивая окладистой бородой.

— В колонну по одному. За направляющим — марш! — гаркнул Лёнька. И тёмная гусеница повихляла к могильным камням.

Крутой склон скалы, мокрый от тумана, уходил вверх. Где-то там, высоко, ползали пауками Лис с Яшкой, закрепляли страховочные тросы. И Жеке, переувлаженному ремнями, тоже нужно было подняться туда.

— Три точки опоры! Три! — шаманил инструктор.

Пальцы скользили. Ноги теряли опору. Колени дрожали. Поддерживал только тонкий натянутый Яшкой трос. Кот прижимался щекой к неумолимому камню и скашивал глаза вниз. Там болтался туман.

— Вниз не смотреть!

Сафрон не успевал ни бояться, ни думать. Прежний Жека с его смешными мечтами и привязанностями остался внизу. По скале вместо него распласталась механическая послушная кукла. Это всегда работает. Кукла не сомневается, не устаёт. Но может сломаться. Сломаться не давала вера в Чайкина — что он там, он всё закрепил верно, он удержит. Спасёт. Холод камня проникал под кожу, разрывал, царапал. Но не мог убить. Этот маленький жгучий трос соединял Кота одновременно со всеми, кто завис над туманной пропастью, с усилиями их рук и ног, с горячими головами, с мокрыми ресницами. Огромная сороконожка облепила скалу, обвилась, обхватила десятками лапок.

Жека был одной из этих лапок — надёжной, стальной и сильной.

— А теперь полетай! — Яшка оказался неожиданно рядом, толкнул в грудь — и Кот полетел вниз, расставив руки и ноги. Где-то между рёбер крутилась неуловимая, но жаркая радость. Страховка спружинила и опустила мягко. Рука инструктора похлопала по плечу, когда Сафрон негнушимися пальцами отцеплял запотевший карабин. Хотелось снова туда — наверх.

Поздним вечером новички-альпинисты превратили дощатую веранду базы в тюленьё лежбище. Посередине запыхавшаяся горелка в десятый раз кипятила чайник и стояли в очередь жестяные кружки.

Инструктор рассказывал традиционную историю про чёрного альпиниста:

— И когда его лучший друг сорвался со скалы, он понял, что вдвоём им не выбраться, и перерезал трос. Парень упал в расщелину и погиб. А второй вернулся домой, где его ждала девушка, из-за которой они спорили с товарищем. Говорят, это и стало причиной, по которой он не стал спасать друга.

— И с тех пор призрак чёрного альпиниста бродит по горам, заглядывает в лица спящих, ищет среди них предавшего его. Он может предупредить о беде, а может и погубить...

— А ещё есть легенда про одного альпиниста, которого послали в долину за хлебом. Но он заблудился в снегах и погиб. Солнце высушило его до пустой оболочки. Обтянутый кожей скелет с пустыми глазницами до сих пор шатается по леднику и просит хлеба...

— Дайте хлебушка! — захрустели мелкие камни, и снаружи из темноты под слабый свет горелки протянулась чёрная худая рука.

Опешившие на секунду пацаны разглядели Яшкин оскал, белеющий в ночи, и заржали. Яшка прыгнул на веранду, потёр руку, испачканную землёй,

и потянулся за гитарой. На струнах качались отблески огня, Чайка взял пару тоскливых аккордов. Все при-молкли и ждали.

— А зачем тебе мой хлебушек? — нечеловеческий, пустой голос будто шёл из глубокого колодца...

Кот инстинктивно сглотнул: от страха сжалось горло, и тут же на помощь пришла логика. В темноте хохотал Лис и гремел ведром.

— А Лёнька с пустым ведром — это к добру или к худу, — ехидно поинтересовался Яшка.

— Пацаны, я чуть не обделался, — пожаловался со смехом кто-то впечатлительный.

Яшка заиграл и запел странную песенку.

*Я с детства был испорченный ребёнок,
С родителями был я очень груб,
Я горы полюбил ещё с пеленок,
Эй, Жека, поддержи мой ледоруб.*

Кот знал, что там по тексту должен быть Жора. Чувство единения пропало. Хотелось кинуть злым, колючим словом в Яшкин кривляющийся в песне рот. Припечатать, чтобы заткнулся. Но было нельзя: тюлений круг посмеивался, косился в его сторону и эротически интерпретировал ледоруб.

Сафрон встал и, перешагивая через сослуживцев, ушёл в дом — спать. За его спиной сержанты зазвенели литровыми армейскими флягами.

С утра распогодилось, ветер унёс туман. Горный хребет стоял, опутанный только облаками. И далеко была видна чёрная вереница солдат, поднимающаяся к ледникам. В перевалах каждый камень отбрасывал тень, будто в японском саду, и Кот представлял, как по весне эти каменные дороги наполняются бурлящей водой. Шли сноровисто и бодро. К обеду жара сменилась метелью и снежной пудрой под ногами. Тропа обледенела и стала скользкой. Инструктор приказал дальше идти в связках. Вереница растянулась. Всё чаще то один, то другой садились в снег и отпыхива-

лись. Только низкорослые и поджарые Лис и Чайка шли впереди и не сбавляли темп.

— Эй, служивые, подъём! — ругался инструктор. — Вот, смотрите на своих сержантов, их, плюгавых, должно было уже ветром снести, а они идут себе впереди. Вы не мужики, что ли?

Стало тяжело дышать, воздух будто пробуксовывал в лёгких и не насыщал. Тропа прижалась к горе, зубастый ледяной провал откусывал от неё всё больше и больше. Облака плавали где-то рядом и вниз смотреть не хотелось. Когда дошли до вершины, Сафрон не почувствовал вчерашней радости — только усталость и желание прямо тут лечь и уснуть. Над облаками не поднялись и солнца не увидели. Снежные осколки били в лицо.

— Поздравляю с первой вершиной! — у инструктора борода оцетинилась множеством крошечных сосулечек.

На привале Лёнька с Чайкиным передавали друг другу Яшкину флягу. Сафрон подсел к ним.

— Будешь? — поднял руку с флягой Яшка.

— Не пей, ты не сдюжишь, — ухмыльнулся Лис.

— Вы вчера разве всё не вылакали? — парировал Кот.

— Не, без бухла Чайкину в горы не подняться. Он высоты боится.

И Сафрон только сейчас заметил сведённые Яшкины скулы, почерневшие глаза и дёрганные движения:

— А с парашютом он как?

— Как... Выталкиваем.

Льдышка обиды на Чайку начала таять. На этого испуганного мальчишку смелому Коту обижаться было смешно:

— А чего ж тогда в горы ходит?

— Со мной, — Лёнька широко распахнул руки и подошёл к самому обрыву. — Красота здесь. И вечность!

— Ладно, дай хлебнуть, — Сафрон взял у Яшки флягу и плеснул в рот что-то жгучее, вспомнилось, что водку надо пить залпом. И он глотнул ещё. И ещё.

Дыхание забило — не вздохнуть, разрывало изнутри. Кот закашлялся.

— Что там у вас? — забеспокоился инструктор.

— Горная болезнь. Сейчас пройдёт, — подскочил к Жеке Лис. — Дурак, это ж шило. Хоть бы спросил. Много он навернул?

— Прилично, — поболтал флягой Чайка.

Жеке стало смешно: вот жмоты.

Потом вспомнил про фотографии и защёлкал телефоном. Героических кадров на вершине не получилось: в кадр лепились какие-то краснорожие дрожащие обезьяны посреди грязноватых скал и ледяной метели. На спуске Кот забежал вперёд и пробовал снимать связки, его ловили и пристёгивали к Яшке с Лисом. Он матерился на инструктора и на сержантов, пел песню про ледоруб. Не замечал, как крепко и бережно держит его Яшка, позабывший про свой страх высоты.

Как только спустились обратно в летнюю жару, Жека осел на горячие камни и больше не встал. Сознание совсем спуталось и выключилось. Последнее, что обрывочно запомнилось, как его грузили в «Урал».

Семинар поэзии

Руководители:

Максим АМЕЛИН (г. Москва) — поэт, переводчик, литературный критик, главный редактор издательства «ОГИ».

Юрий ТАТАРЕНКО (г. Новосибирск) — поэт, драматург, журналист.

Юрий Татаренко:

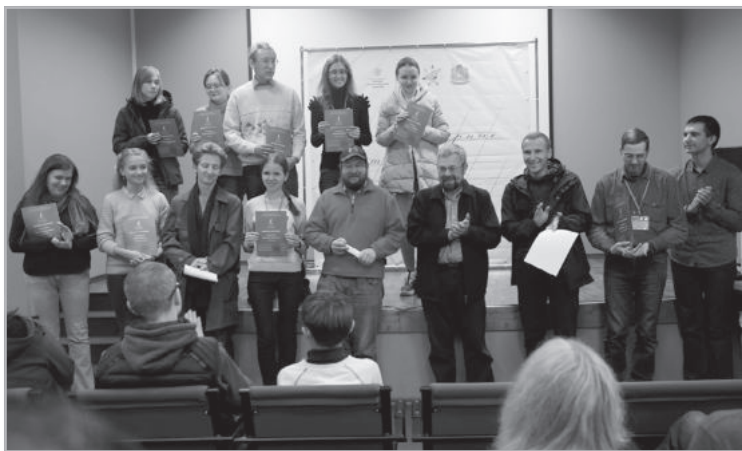
«На фестиваль Анищенко я приезжаю третий год подряд и смотрю, как развивается фестиваль. Что отличает в первую очередь – это большая заинтересованность организаторов, не каждый фестиваль этим отличается, это большой плюс. Во-вторых, всегда очень интересный подбор мастеров. Каждый год кто-то повторяется, кто-то — нет, но это всегда ведущие литераторы в своих направлениях: поэзия, проза и так далее. Что касается непосредственно ребят, которые приезжают. Кто-то... По-моему, Дмитрий Вилков из Нижнего Новгорода на нашем семинаре три года подряд. Может быть, он приезжал даже и раньше, и, конечно, интересно следить за тем, как он прогрессирует.

Причём интерес формата обсуждения ещё и в том, что авторы развиваются не только как авторы, собственно говоря, но и ещё как критики, аналитики. То есть люди учатся разбирать, обсуждать. А это довольно сложно — за короткий промежуток времени составить внятное высказывание, чтобы в нём всё было по делу. И у того же Дмитрия самые интересные разборы, он всегда очень качественно к этому относится. В общем, с него можно в этом смысле брать пример.

Этот фестиваль для меня проводится в незнакомом месте, хотя пейзаж очень знакомый. Та же река и те же горы, и для меня это очень важно. Я не побоялся ночного купания даже — это тоже, что называется, погружение в материал, в стихию топоса. Это интересный опыт. И поэтому я, конечно, с благодарностью воспринимаю всё, что происходит вокруг.

Мне нравится формулировка, которую я услышал, когда учился в театральном училище: «Научить нельзя, но можно научиться». Очень многое зависит от степени перфекционизма и требовательности к себе самих авторов. Если человек хочет учиться, для него семинары подобного рода, а их сейчас очень много для молодых, это отличная возможность. То есть можно набираться как от своих сверстников, так и от мастеров. Я наблюдаю прогресс на примере того же Дмитрия Вилкова. Это, безусловно, идёт на пользу. Другое дело, что у всех разные скорости, разные задачи. Каким ещё образом можно научиться. Кто-то идёт более традиционным путём, поступает в литературный институт, а потом пишет сценарии к сериалам. Почему нет, в конце концов? Кто-то учится на великих предшественниках — просто начитанность, насмотренность. Можно взять Серебряный век, прочесть внимательно, и в голове уже что-то отложится. Мне кажется, что ищущий человек должен много читать. Я сам обожаю читать — и книжные новинки, и классику перечитываю. Это всё не просто так, это всё каким-то образом перелопатится и кристаллизуется».

Семинар поэзии
(руководители — Максим Амелин и Юрий Титаренко)

Анатолий Беляков

г. Самара

* * *

Вечер юный пришёл,
Худо с собой не взял.
Чай заварил — хорошо,
В ладонях звёзды размял.

Ты оставила в ночь:
Ну, куда же ещё?
Не прогонишь же прочь.
Да и с ним хорошо.

Красным протри платком
Неба сухую кору,
Чтоб туча-лужа котом
Свернулась в ногах поутру.

Ветер свистит, как вожжа, —
Кутайся в свечки лучи;
Два следа от ножа —
Тёплым чаем лечи.

Их не жаль потерять —
Свистом в небо пусти.

Чтоб не раз и не пять
Счастья были горсти.

И пока полыхает свеча,
Раздвигая тьмы-камышы, —
Сбрасывай тяжесть с плеча,
Полной грудью дыши.

Ночной Нижний

Ночной Нижний — вот красота,
Месяца серп наточен.
Всё равно, что ты дико устал,
Что твои смежаются очи.

Ночь в незнакомом городе —
Ты лучше не знаешь момента.
Щебня хруст, будто жёлуди
В неделю последнюю лета.

Смартфон твой глухо разряжен,
Дороги не знаешь — дурак.
Дым льётся с Волги лебяжий,
Метлой подчищая мрак.

Коронавирусное

В конце марта улицы вымерли
Птицы шумели белыми крыльями
Один человек проходил раз в полчаса
Площадь пуста дорог полоса

От двери к закрытой до двери закрытой
В жёлтом шагал курьер общепита
У входа он ставил пакеты
В них пахли приятно чьи-то обеды

Самолёты взлетали пустые и редко
Закончился мир на лестничной клетке
И месяц ближайший сидели мы дома
Смотря как весь мир окутала кома

Екатерина Богданова

г. Ульяновск

* * *

С неясной печалью вздохнули сирени.
Как их аромат мимолётно пьянящ!
О, как мне прожить эту жизнь без сомнений,
Без лютой тоски, что крадётся под плащ?

Напрасно печалюсь, напрасно тоскую
И так за жестокость кляню белый свет.
Я делаю шаг. Я ничем не рискую.
Для сильных душой невозможного нет.

Гоню прочь тревоги, стираю все страхи,
Назло всем врагам о бескрылье забыв.
Пусть об одиночестве воют собаки,
Во всём обвиняя прилив и отлив.

С неясной печалью вздохнули сирени.
Как их аромат мимолётно-пьянящ!
Теперь я живу на Земле без сомнений:
Я стала подругой своих неудач.

* * *

Я говорю спасибо неудачам,
Хотя их смысл порой непостижим.
Не только сладкий миг победы значим,
Пусть даже мы им свято дорожим.

Я верю: есть мажор всегда в миноре.
Не бойся длинных суетных дорог,
Ведь ты не знаешь, от какого горя
Тебя Господь печалью уберёт.

* * *

Как сладостна вечерняя прохлада
И ночь, что так спокойна до утра!
Для радости мне роскоши не надо:
Достаточно и лёгкого пера.

Ничто не злит, не мучит, не тревожит,
И время словно шёлковая нить.
Теперь мне мир в душе всего дороже,
И научилась я его хранить.

* * *

Не покидай меня, прошу, любимый май,
За перевалы и моря не уходи.
Вишнёвый сад, нарядов нежных не снимай
И круглый год в глухой душе моей цвети.

Трель соловьиная и благостная тишь,
Деревня старая бесхитростно-грустна....
О время, время, отчего ты так летишь,
Когда на Волгу возвращается весна?

Дмитрий Бриккель

г. Нижний Новгород

* * *

Однажды, проснувшись числом чёрно-белым
На новеньком календаре,
Напомни лучам, ты ведь так и не спел им
Частичку себя в декабре.

Однажды, проснувшись некошеным полем,
Забывтым ржаным колоском,
Земле ты потресканной воющей болью
Напомни о месте земном.

Проснувшись однажды над Рейном за милю
Туманом густым у бровей,
Напомни о силах природы и силе
Связующих судеб с ней.

Однажды, когда заиграет лучами
На теле твоём рассвет,
Проснёшься ты формой людской и мечтами,
Придумаешь целый свет.

* * *

Мы оставляем на дорогах громкий след,
 Расплачиваясь кармой, внутренним свечением,
 А мама варит гречку на обед,
 На окнах запотело отражение.
 В той гречке был какой-то высший смысл,
 Не понимали мы, когда смотрели снизу.
 На плитке в гари появляется ответ:
 «Ну, вот и двадцать пять, мам, я оформил визу».

На тихой «школьной» загорелись огоньки,
 Под липой вымерли все детские мгновения,
 Но мама, гречку помешав, вдруг нарисует от руки
 Для лодочек и ручейков два хрупких помещения.

* * *

Когда в перспективе нам будет по тридцать,
 Всё так же ли сердце твоё будет биться?
 Всё так же ли часто твоё молчание
 И взгляд твой спокойный мне будут сниться?

Когда в перспективе нам будет по сорок,
 Всё так же любить до берёзовых корок?
 До слёз ледяных, до прогулок ночами,
 До всего, что когда-то друг другу кричали?

Когда в перспективе родишься поэтом,
 Чтоб смерть описать и запомниться где-то,
 Чтоб в лоб рассуждать о величии слова,
 Чтоб в тридцать и сорок любить без совета.

Когда в перспективе зеркального круга
 Твоё отражение заполнится светом,
 Нам будет лишь важно, что есть друг у друга,
 И будет не важно, ни где я, ни где ты.

Ксения Бурлак

г. Нижний Новгород

Себе

Закрывая глаза на всё,
скажи:
Так ли просто идти, не видя
путь?
Ты мечтаешь ловить детей
во ржи
И уверена — будешь.
Когда-нибудь.

А пока говоришь: «Жизнь такая, что ж», —
И бежишь, достигаешь, опять бежишь...
А тем временем где-то пустеет рожь.
Но пока тебя ждёт хоть один малыш,

Устремляйся к себе —
увидишь Свет.
Это Искра твоя —
доверься ей.
Оставляй самый важный,
глубокий след.

Будь счастливой.
Сияй.
Люби детей.

Три

Три кита и три дороги.
Верь, надейся и люби.
Подели слова на слоги
И вальсируй — раз-два-три.

Раз-два-три — волнуйся, море,
Да на месте замирай.
Огоньки на светофоре.
Ад, чистилище и рай.

Тело, дух, душа — и снова
Разговор о бытии.
Мир стоит на трёх основах,
Что у каждого свои.

* * *

песни ветра в ми миноре,
на часах — ноль-ноль.
каравай луны и море —
хлеб, вода и соль.

вдох и выдох — так спокойно
верить и прощать,
и прибой бесперебойно
учит нас дышать,

волю возвращать на воле,
отпускать вину.

все обиды/беды/боли
превращать в волну.

Дмитрий Вилков

г. Нижний Новгород

* * *

Расстроенный голос электрички
Долетает с оставшегося за спиной переезда.
Полосатый надзиратель, как всегда, против.

Перемигиваются потусторонние буркалы семафоров.
Камо грядеши, камю?
Посторонний, изыди.
Защитные металлические щиты оцетинились,
словно рота противотанковых ежей,
Обороняя все подступы к микрорайону.

Красные пожарные, стоять. Вой сирен здесь бессилён.
Водитель скорой помощи равнодушно курит
у открытой двери.

А жив ли пациент?
Надпись на оранжевом боку бензовоза
Гласит: «Огнеопасно!»

А когда механический харон
Порой поднимает неуступчивую руку,

Автобусы едут мимо, всегда мимо,
 Минуя безымянную остановку
 В полной уверенности, что всё это — навсегда.

Но, поднимая голову, в разрывах туч —
 белый небесный рубец
 Первого освобождённого после изоляции самолёта.

Сувениры

Так много нам словами не сказать,
 Возврата нет, и откатилось лето,
 Как галька, ускользнула благодать,
 Но в сердце шум — восьмое чудо света,

Он чудится, восьмое чудо тьмы,
 А мы ползём по опустевшим пляжам,
 Навстречу нам предчувствие зимы,
 Мы замолчим и в раковины ляжем...

Ты слушаешь?.. За створками Азов
 Ворочался в угаре самогонном,
 Проектор бил наотмашь, рвался зов,
 А Крымский мост маячил за вагоном,

Шторм бешено вылизывал пролёт,
 Как Цербер, не жалея рук Орфея,
 Волошин прав: и Греция пройдёт,
 И Генуя, и пена схлынет с шеи

Однажды обнажившихся миров,
 И наш двойной хитиновый покров
 На волю пустит (выписка больного!) —
 Ещё никем не сказанное слово,
 Над мраком наводящее мосты, —
 Жемчужину слепящей наготы.

Ещё никем
 не сказанное
 слово.

* * *

Словами сердцу насладиться,
Напиться вдоволь не дано,
Но ты поёшь на ветке, птица.
И я молчу. Мы — заодно.

Поэзия в бетонной клетке
Оглохла с веком наравне,
Но птица голосит на ветке
И не даёт умолкнуть мне.

Тамань

Уже прочерчены дороги,
Пробиты наши колеи,
Космические недотроги —
Кометы — жгут хвосты свои,
Касаясь жарких звёзд по-лисьи;
Планетам — взмах исподтишка,
Следящим: мы не добрались ли
До шва судьбы воротника,
До тонкого вселенной горла,
Горнила, бьющего за край
Протуберанцев: речь замёрзла,
Звучи, звучи, не умирай,
Не повторяйся: жив Печорин,
Страницей канувший в ночи,
Когда разносится над морем:
Не умирай, звучи, звучи,

И в море, как частицы свьше,
Огни на рейде дышат, ждут,
Грохочет порт далёкий,
слышишь,
И колеи туда ведут,

Дай только руку.

Мария Леонтьева

г. Санкт-Петербург

Село

Причалил к лету детства пароход.
Деревья отражаются в прозрачной,
Тугой воде, дни катятся легко,
Но кто-то обижается и плачет.
И этот плач, как бабочки крыло,
Страхнувшее пыльцу в альбоме чьём-то.
Летит под небом пыльное село
И нет ему ни званья, ни почёта.
Свой грозовой раскатистый мундир
Торжественно наденет громом внутрь.
Высаживает стариков в пути,
Взбивает ветром облачные кудри
Детей. Из века в век струится свет
И всё в нём тонет, дремлет на веранде
Кот полосатый. Ветер в голове,
Умолкшая гитара над кроватью.

* * *

Вообразив себя зонтом,
Рос борщевик в саду Таврическом.
Когда включили электричество,
Не спали утки под мостом.

Спал ветхий аварийный дом,
Дремал стаканчик в автомате,
Курил врач в новеньком халате,
Не представляя, что потом.

Когда повеяло землёй,
Дождливым лесом с краю сада,
Глядел цветок из-за ограды,
Подслеповатый часовой.

Музей

Целиться в облака белый лоскут,
В синий колодец в берёзовых брызгах.
Знать: ни за кем никогда не придут,
Смерть не имеет рабочего списка.

Жить на окатышах солнечных верб,
Лечь динозаврами в тёплую глину,
Мимо эпох без сознания и треб,
В камень вминать непослушную спину.

В провинциальном музее застыть
Возле прохода к жукам и кораллам.
Старый смотритель, не брови – кусты,
Ходит вокруг без конца и начала.

Екатерина Макушина

г. Воронеж

* * *

На рыжем перроне потянет смолой и дождём —
Куда же? Когда же? Лежи, эта жажда не в пору —
Стоянка, изнанка, полынное дикое поле,
Устали составы — давай же и мы подождём.

Ты слышишь — гудками — опять перекинут между.
Привыкнуть, притикнуть, клубком укатиться

по следу

Туда, где по вторникам бьют, а целуют — по средам,
А может, иначе, а может —
ты спи, я держу.

Ты спи, это тихий пустяк, перестук, полустанок,
Качнёмся-покатимся — Вена, Самара, Крыжополь,
За шторой забрезжит-забрызжет безвирусно-жёлтым,
Твой вдох — одеяло — и жду — и держать не устану.

* * *

удовольствие видеть коробки многоэтажек
раскрашенные пронзительно-ярко радостно
глядящие небо голыми крышами
окна распахнувшие в наглой усмешке
я мол такой и сякой подпираю облако
я твой заветный плод наливное яблоко

а глядишь и что-то внутри подбирается
кажется вот-вот рванёт не то метеор
не то корабль инопланетных гостей
прямо в гущу многоцветья в бетонные лоскуты

удовольствие видеть хрупких в два этажа
с подслеповато поднятыми занавесками
молодящихся подкрашенных до наивности
чуть сильнее подуей завалятся набок
к изумленью непуганых воробьёв

а всего забавнее если рядом
звонкий богатырь пустая громада
с тихой игрушкой под вуалью тюли

впрочем и порознь
глядя на тех и на этих
думается прежде всего о любви

Девятое августа

вера сергеевна подаёт на развод
на столе мирового судьи заявление в три строки
ваша честь моя пудра уже не берёт синяки
я добром прошу «уходи»
он икает хватая ствол

марья петровна покачивает головой
глядит с осуждением
ну подумай хоть и дурак да свой
помнишь то колечко на день рождения

ну куда ты с детьми неделя зубы на полку
 ой наплачешься ой пожалеешь гордая
 видно тебя в интернетах сбивают с толку
 блогеры инстаграмщицы забугорные

ты меня не слышишь глупая голова
 погоди рубить
 ну хоть рассуди сперва

марья петровна смотрит подруге вслед
 хочется плюнуть уж так терпения нет

что ж
 пора подниматься готовить ужин
 разувать в прихожей в хлам поддатого мужа
 замахнётся — ладно
 он ведь любим и нужен

марья петровна держится за бока
 рёбра ноют но видно целы пока

* * *

Я не видела счастливей весны.
 В мать-и-мачехе купается март.
 Разливаются сосновые сны
 По укрытым запоздало домам.

Не зови меня назад, погоди,
 Будет время — на замок, под зарок.
 С небом нежности один на один —
 Кто упомянет набегающий срок?

Воля вольная, пройти по тропе
 Тихо-тихо, не винясь, не спеша...
 Кто-то с пеной о столпе, о толпе.
 Мне бы — чуточку ещё подышать.

Евгений Мельников

г. Саратов

Журавли

Улетают на юг журавли,
Видя осени грустные лики,
И плывут по туманной дали
Их печальные, звучные крики.
Как трубят на просторах небес
Эти птицы в порыве едином!
И любят поле и лес
Журавлиным растянутым клином.
Как нужны они там, в облаках,
Украшение картины осенней —
Не случайно воспели в стихах
Их поэты Рубцов и Есенин.
Не с того ли так хочется мне
Воедино с природою слиться:
Путешествовать там, в вышине,
Доверяя прославленным птицам?
Посмотреть на красоты земли...
Ну а я, зачарованный глушью,
Лишь смотрю, как летят журавли,
Будоража бродячую душу.

Первая оттепель

Казалось бы, какой пустяк,
 Всего лишь оттепель настала,
 А то весна взяла рюкзак,
 В дорогу список написала.
 Пока ещё задумчив взгляд,
 Ведь в мыслях — хлопоты и сборы.
 Уже билет на поезд взят,
 Привычный, мартовский и скорый.
 И ждут её который год
 Всё те же вечные мытарства:
 Топить сугробы, плавить лёд,
 Страдать от зимнего коварства.
 Но в мире слышатся слегка
 Весенних сборов перезвоны:
 Кудрявей стали облака,
 Над Волгой каркают вороны.
 И небо сделалось нежней,
 Его наряд лазурно-светел;
 А февралю остаток дней
 Уже считает южный ветер.
 Вот потому-то с прошлых лет
 Весною ждём мы перемены:
 Уж коль она взяла билет,
 То к нам прибудет непременно.

Летний рассвет

Летним утром чудная погода
 И туманов сотканная бязь.
 Хорошо проснуться до восхода
 И его встречать не торопясь.
 У реки в природной колыбели
 В эти предрассветные часы,
 Где кричат скрипуче коростели,
 Травы серебрятся от росы,
 Где мокры природные страницы,
 Комары тихонечко звенят —

Хочется с тобою поделиться
Всем, что есть внутри и вне меня.
Потому что встала ты с зарёю
И пылает новая заря.
А её встречают рядом двое,
Понимая, слов не говоря.
Всегда есть место толике чудес.
А среди них — полярное сиянье
И звёзды, улетевшие с небес.

Тишина

Давай поговорим о тишине,
Что нас так незаметно окружает.
Её сегодня часто не хватает
Средь суеты и в каждом новом дне.
По-разному одетая она,
Но каждый облик выражен впервые:
Раскаты завершает грозовые
И с осенью прохладною дружна.
Загадочна, как зимняя купель.
Не потому ли с нею нам уютно,
Что тишина совсем не абсолютна,
А лишь для звуков многих колыбель.
Ей были изначально рождены
Удары капель, тихий шёпот листьев,
Шум ветерка и птичьи пересвисты —
Они среди безмолвия слышны
И душу эхом пролетят до дна.
Вот почему, когда на небе тучи,
В квартире будет грустное беззвучье,
А на природе — просто тишина.

Надежда Новикова

пос. Прибрежный Самарской области

Никаких новостей

Никаких новостей, только август собрал чемодан
И стоит здесь в дверях, разминая затёкшую шею,
Наливает портвейн и бросает под ноги каштан,
Говорит, я устал, брат. Как смертный теперь старею.

Где-то там меж лугов, оголивших свои животы,
Ветер памятью пахнет, сентябрьским сухоцветом —
У природы мотивы явственны и чисты.
Звёзды сыплются маминым жемчугом из браслета,

Тень стекает в асфальт, месяц выгнут, как девичья
бровь,

Бог склонился над городом, чиркнув своей
зажигалкой.

Август тихо уходит, как юность и чья-то любовь.
Только мне ничего, совсем ничего не жалко.

Море

А море шипит и плавится, как свинец.
Взобраться на гору, уставиться в горизонт:
Бескрайняя пасть и маяк — белёсый резец,
И взгляд твой картиной этой заворожён.

А море волнуется. Море считает «раз».
И волны смыкают пласты над его глубиной.
В нём блики скользят, как по проволоке ловкий
гимнаст,
И солнце в зените, как зоркий городской.

И золота пыль, и степь, и небесная синь,
И счастье-мгновение (а в счастье ты знаешь толк).
Зажмуришь глаза и кричишь из последних сил:
«Море моё, наконец я тебя нашёл!»

Если не пишешь

Если не пишешь, сливается тяжело
Ржавой водой застрявшие в горле фразы,
Небо ночное — и небо, конечно, в алмазах,
Только глазами сверлится потолок.

Слово не птичка. Кто и кому что сказал.
Дни искромсало, как детский набор картона,
Не потревожат беззвучные телефоны,
Не разразится бурей девятый вал.

Смерти страшнее опустошённость живых,
Где тишина разбивается ложечкой в чашке,
Чувства не вырезать ни по лекалу, ни плашкой,
Не откатить настройки до заводских.

Кончились пули в обойме обидных слов.
Наши прицелы как в уличном тире сбиты.
Мы засыпаем в квартирах из монолита,
Бог рассыпает над городом просо снов.

Если сказать больше нечего — карты биты.
Если не пишется — это про нелюбовь.

Мария Тухватулина

г. Рязань

12 месяцев

Не спрашивайте, где меня носило,
Какая меня пестовала сила:
Была лишь ночь и люди у костра.
Я никому из братьев не сестра,
Они меня погреться пригласили.
Мели снега, дожди ли моросили —
Обугленной картошкой угостили
И расспросили, чья такая есть.
И вот под Новый год благая весть:
Меня от вас на волю отпустили.
Вся ваша злость — невежество, бессилье
Пред поступью чудес и бытия.
Право ли зеркало, что в нём кривляюсь я
И песенку смешную напеваю,
Над вами тили-тили, трали-вали?
Уеду, в тарантасе ли, в трамвае.
О трын-траве, объёме каравая
И прочее сакральное — слова
Сейчас же распускаются цветами.
Дивитесь, как баран над воротами, —
За чудом ли меня вы посылали,

Не зная, что я выстою пред ним.
Я выжила, я вижу — прорастают,
Рассыпавшись, бенгальские огни.
Теперь поздняяк пристёгивать ремни.

* * *

Записки от старых друзей
Истлеют, но не до конца.
Ты в памяти носишь музей,
Он чётче на пальце кольца.
Как будто любой календарь
Готов перепутать листы.
Вот Пасха, а вот Коляда,
Вот ближнего время простить.
У времени почерк врачей,
Который так трудно понять,
А в доме всё меньше вещей,
Которые старше меня.

* * *

Как девочка Маша пришла в предпасхальный мир:
Страстная неделя не время для жизни всласть,
Но завтра можно в ответ на благую весть
Родне говорить, что девочка родилась.
И девочка вышла не то чтобы кровь с парным,
Со дна тёмно-карих смотрит её душа —
То первой любовью, то первой поездкой в Крым.
Она не-до-ста-точ-но хороша.
Затем ли строчку — сложную, простую —
Оценит только псих и идиот,
Что День рожденья выпал на Страстную,
А с Пасхой никогда не совпадёт —
Незнамо нам. Пускай она и дальше
По-своему, по-птичечьи живёт.
— Христос Воскресе. Как назвали? Машей...
На то она и жизнь такая вот.

Екатерина Ферафонтова

г. Самара

* * *

Зима набрала обороты,
А я набирал в рот воды.
Скажи, говоришь мне, ну, кто ты?
Кто ты?

Я вырос у дальних окраин,
Я был лишь мальчишкой в степи.
Мой дом — позабытый Аркаим.
Терпи.

Живучесть как след беспородных.
Запаянный в город грехов
Всецело забыл вкус свободы
И зов.

Ты смотришь и хочешь ответов.
Жизнь грубо толкает в плечо.
Пройдёт десять лет, спросят, где ты?
И кто?

Беспечность — чужая отравка.
Взросление уже позади.
Не поздно, ты скажешь. Но рана
В груди.

Закат наполняет багрянцем
Твой город и тысячи тел.
Я больше не в силах угнаться.
Предел.

Захлопнется дверь, дрогнут стёкла.
Ты бросишься прочь, точно пуля.
И вывернутым остолопом
Уйду я.

* * *

Бескрайняя серость в тебе вызывает тоску,
Тебе неприятны пейзажи степей и разливов.
В бесцветные будни рука приближалась к виску,
Затем отдалялась и медленно падала мимо.

Иллюзия света играла на нервах минор,
Ты штору отдёрнешь, а к вечеру снова впотьмах.
И цикл, казалось, замкнулся быстрее, чем штор
Движение руками вперёд и назад.

Линейность картин проедала под рёбрами брешь.
Скучна и безрадостна вечность и вместе с ней день.
Без разницы вовсе, что трогаешь, слышишь и ешь,
Без разницы вовсе, февраль, то ли март, аль апрель.

Ничто не меняет тягучесть бессмысленных дней,
Ничто не меняет отсутствие памятных дат.
Ты видел, как солнце растёт на глазах во сто крат,
А после становится меньше и снова бледней.

И всё повторяется снова и снова вокруг,
 По правилам всё, регулярно, точь-в-точь.
 А если решишь, что готов разорвать этот круг,
 Оставь занавески раскрытыми в ночь.

* * *

Небо тяжёлое, словно чугу́н.
 Что же ты так не кстати
 В паре немых сине-серых лагун
 Веру свою утратила?

Что же чернее лицо твоё
 Драпа, что до запястий?
 Вьётся крикливое вороньё
 Над иллюзорным счастьем.

Верно, обман под полою несла
 Глупо и терпеливо.
 Да не торопится в край весна,
 Край ноябрём накрыло.

Что ж содрогаешься на ветру,
 В зимнем пальто шагая?
 Так ведь на драп наплевать нутру,
 Коли душа нагая.

Слов не уронишь, сомкнёшь в ночи
 Губы, не веря аду.
 Право, никто не ищет ключи
 От сундуков без клада.

Семинар детской литературы

Руководитель:

Дмитрий ЕМЕЦ (Республика Крым) — писатель-фантаст, автор романов для детей и подростков.

Дмитрий Емец:

«Здесь ощущение творчества, ощущение какой-то... молодой смелости, стремительности. И одновременно тусовка, одновременно Волга, ничто не напрягает. Всё происходит в новых, уютных базах отдыха, рядом с рекой, и это имеет какие-то пионерские детские очертания. Здесь хорошо.

Очень интересные работы каждый год приходят. Есть какой-то определённый состав, который посылает свои работы год от года, и это очень хорошие, сложившиеся авторы. Видно, что они растут, видно, что или от фестиваля получают пользу, или сами продолжают прогрессировать.

Сейчас путь в литературу в основном идёт через конкурсы, но не только через «Сестру таланта», но и

*Семинар детской литературы
(руководитель — Дмитрий Емец)*

через целый блок конкурсов. Чтобы автору пробиться, его рукопись должна быть прочитана, и обычно победители конкурсов публикуют книги. Есть «Русский букер», «Новая детская книга», просто «Новая книга» — огромное количество конкурсов. Можно принимать участие в них, но не заигрываться — понимать, что совсем не обязательно одержите победу, но тем не менее просто посылать свои работы, ведь это большой шанс для малого писателя. Может быть, главный шанс последнего десятилетия».

Розалия Вахитова

г. Уфа

У меня появился жираф

Рассказ

У меня появился жираф. Я шёл после школы, и он за мной увязался. Я огляделся в поисках его хозяина — вокруг не было ни души. Тогда я решил его отогнать, но как отгонять жирафов? Я шипел, топал ногами и кричал, но жирафу было всё равно. Он смотрел на меня огромными любопытными глазами и продолжал идти. Кажется, я ему понравился. Так мы дошли до моего подъезда. Мне не хотелось с ним расставаться. Он был очень красивый — такой высокий и ярко-рыжий, словно солнце, словно кусочек лета в этом сером осеннем городе!

— Нам пора прощаться, — сказал я жирафу.

Жираф непонимающе уставился на меня, как будто говорил: «Ты чего? Нормально же всё было!»

Что он теперь будет делать один? Скоро холода, ещё заболит. Или его заберут плохие люди. Я смо-

трел о них по телевизору, они зовутся браконьерами. Мне стало жаль беднягу, и я забрал его домой. Завёл к себе в комнату и попросил сидеть тихо.

Жираф оказался непослушным. Он с интересом обследовал квартиру, принимался, шевелил ушами и даже попробовал на вкус обои. Я присмотрелся к моему жирафу. У него были странные инопланетные рожки. Шею и спину покрывали оранжевые пятна разной формы и размеров — будто кто-то нарисовал на нём карту Африки, только я не умею её читать.

Вдруг я представил реакцию мамы. Она мне даже собаку не разрешила завести, а жирафа тем более прогонит. Ну, ничего. Я буду сам его кормить и выгуливать. А уже потом расскажу маме, какой он красивый и ярко-рыжий. И как я могу за ним хорошо ухаживать. Она уж точно захочет его оставить. Разве можно выгнать из дома жирафа?

А что они едят? Я как-то не подумал. Тогда я стал искать в Интернете. Выяснилось, что растения. Когда я повернулся к моему жирафу, его на месте не оказалось. Но я не испугался. Жираф — это не котёнок и даже не собачка. Жирафа найти легко.

Я обнаружил его на кухне. Он высовывал свой длинный чёрный язык и с удовольствием поглощал мамин папоротник. Ну вот, сам нашёл чем кормиться! Какой же умный! Правда мама разозлится. Но когда я расскажу, какой он у меня умный и пятнистый... она конечно же обрадуется. Разве нельзя пожертвовать цветком для такого жирафа? Жираф похлопывал длинными ресницами и был со мной согласен.

А как его назвать? У него же должно быть имя! Я задумался. Барсик? Так только кошек зовут. Шарик? Но он не круглый... и совсем не собака. Я решил, что назову жирафа Жирафом. Вдруг ему ещё не понравится новое имя? А Жираф — просто и даже необычно. У моих одноклассников Жирафов точно нет.

Мне вдруг стало их жаль. Они ведь не видели настоящего жирафа. Если у каждого ребёнка было бы по

жирафу, то все были бы гораздо счастливее. И в школу охотнее ходили. Вот возвращаешься домой, а там тебя ждёт самый настоящий живой жираф. А потом можно пойти с ним гулять. Вот так диво будет! Все будут спрашивать, откуда он и как зовут. Я буду говорить, мол, так и так, Жираф Жирафович, выписали прямо из Африки...

А потом мама нашла моего жирафа. Она хотела проверить порядок в моей комнате и увидела его. Мама долго кричала. Нет, она не рассердилась. Она просто была удивлена.

Я ей всё рассказал. Мы дождались папу, чтобы собрать семейный совет. Папа вот совсем не удивился. Папа меня всегда понимает. И жираф ему понравился.

— А что? — говорил папа. — Давайте его оставим. Откроем дома зоопарк. Будем экскурсии водить, телевидение пригласим. Можно завести ему страничку в Интернете! Жираф в квартире — вот это будет новость! Правда, Жирафыч?

Мне вдруг показалось, что Жираф ему заговорчески подмигнул.

— Этого ещё не хватало. Не нужно мне здесь никаких экскурсий и жирафов! — возмутилась мама. — Его сейчас же нужно вернуть!

— Куда? — не понял я.

— Домой, куда же ещё! Наверняка у него есть хозяин. Не сам же он к нам из Африки пришёл.

— Смотрите! — вдруг сказал папа.

По телевизору что-то говорили про жирафов. Мама тут же сделала погромче.

— Срочное известие! — сообщил диктор. — Из зоопарка сбежал детёныш жирафа, может быть опасен. Пожалуйста, будьте бдительны! Ни за что не подходите к нему. Если увидите, сразу же звоните нам!

— Да это же про моего жирафа! — воскликнул я.

— Придётся вернуть его зоопарку, — произнёс папа.

— Но ведь он сам оттуда ушёл. И пришёл ко мне. Я даже имя ему дал. Значит, он теперь мой.

Мама покачала головой:

— А если у него там родители? Наверняка он по ним сильно скучает.

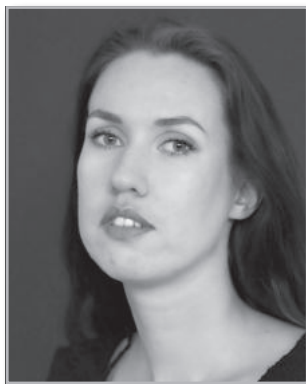
Я посмотрел на жирафа. При маминых словах его чёрные глаза блеснули.

— Хорошо, давайте его вернём, — сказал я.

И мы вернули жирафа. Работники зоопарка долго нас благодарили и разрешили приходить к нему в гости. Ему там и вправду было лучше. Я познакомился с его мамой и папой. Но они были такие высокие и гордые, что даже не заметили меня. Неужели и мой жираф когда-нибудь станет таким? Жираф обиженно замычал, и мне подумалось, что, даже когда вырастет, он меня не забудет. А мама мне купила собаку. Красивую такую собаку. Рыжую, с пятнышками. Я тоже назвал её Жирафом. Она, конечно, не жираф, но тоже очень-очень хорошая!

Ксюша Вежбицкая

г. Реутов

Мальё

Главы из повести

Глава 1. Новые соседи

Гусеница спускалась с крыши на ниточке. Ей осталось совсем немного до Сашкиной загорелой ноги. Подвинуться — невозможно. Девочка вяло наблюдала, как изгибается насекомое. На полпути гусеница вдруг замерла и повисла в воздухе. На мгновение Саше показалось, что та засохла. Вот уже две недели стояла жара.

Девочка закинула ноги на перила балкона, а руки распластала на полу. Он не был прохладным. Ничего не было прохладным. Даже речка нагрелась, как тропическое море. Все окна и двери в доме открыты настежь, но в них не проникал ветерок — воздух словно застыл. В окна залетали только мухи, наполняя зной противным жужжанием.

— Скучно-о, — пожаловалась Сашка.

— Ага, — согласилась Леся, в сотый раз пролистывая измусоленный журнал.

Леся приходила к ним каждый день. Они играли в карты, «паслись» на огороде, когда была ягода, и предавались бессовестному летнему безделью. Последние дни ничего не происходило и стало особенно скучно.

— Скорей бы три часа, — ныла Сашка, ковыряя болячку на месте комариного укуса.

В три их отпускали на речку, а до того времени нужно ждать, пока «вода не нагреется». Саша покосилась на старые часы и вздохнула. Едва перевалило за полдень. Секундная стрелка ползла издевательски медленно, разрезая душный воздух острым кончиком.

— На речку хочу.

Леся глянула на часы.

— Меня до трёх не отпустят.

— Да знаю я, — проворчала Сашка.

На лестнице кто-то затопал, деревянный люк с грохотом откинулся, и на второй этаж взобралась загорелая лохматая девчонка с синяками на коленках — Сашкина неотвязная младшая сестра.

— Малая, топаешь, как стадо коней на водопое.

— По соседскому участку люди ходят! — сообщила девчонка, переминаясь с ноги на ногу от нетерпения.

— Брешь, — вскинулась Сашка.

— Сама посмотри!

Сашка подпрыгнула и выругалась, когда гусеница чуть не застряла у неё в волосах. Девочки бросились на улицу, заставив ступеньки лестницы надсадно скрипеть. Во дворе они затаились у бака с дождевой водой.

По соседскому участку, который уже пару лет стоял заброшенным, действительно бродили люди, осматриваясь по-хозяйски. То была семья: мама, высокий папа и два мальчика-подростка. Последние уже проверяли на прочность раскидистую яблоню.

— Обалдеть, — выпалила Сашка.

— Теперь там малины не поесть, — с грустью отметила Малая. Когда ягода поспевала, они всегда лакомились на бесхозном участке.

Один мальчик едва не упал с яблони. Подружки прыснули.

— Вот припадки, — обзывалась Сашка, но в её глазах зажёгся огонёк интереса.

Со стороны соседского участка старый дачный дом девочек высился глухой стеной. На втором этаже было лишь маленькое вентиляционное окошко. Оно для наблюдения не годилось: девочки не хотели быть замеченными. Однако находчивые подружки обнаружили куда более удобный способ следить за захватчиками малинной территории. Второй этаж дома оказался не утеплён, и в деревянной стене образовались маленькие «глазки». Каждой девочке нашёлся такой по росту.

Похоже, новые соседи решили здесь обосноваться. Они принесли много вещей из машины, распахнули дверь дома и стали подметать полы. Но это взрослые. Мальчишки же бесстрашно исследовали новые владения.

Малой наблюдение быстро надоело.

— Са-ша, поиграй со мной, — канючила она.

Но Саша и Леся об играх и думать забыли.

— Надо с ними познакомиться, — решила Сашка.

Малая закатила глаза.

К выходу готовились тщательно, галдя у старого надтреснутого зеркала. Леся любовалась своими распущенными — до пояса — золотыми волосами. Она была маленькая, тоненькая и миловидная. Чуть вздёрнутый нос девочки украшала россыпь веснушек. Сашка попыталась причесать свои тёмно-русые волосы, чтобы те легли, как у Леси, но получилось какое-то гнездо. Она уже сильно выросла, стала крупнее подружки и втайне стеснялась длиннющих рук и ног. Черты лица у Сашки тоже крупные: нос-картошкой, большой рот, густые брови над любопытными зелёными глазами с тёмной рамкой-ореолом вокруг зрачков.

Из городских и, стало быть, хороших вещей подружки извлекли две заколки с бабочками и помаду.

Малая разглядывала взрослый артефакт:

— Вкусно пахнет.

— Дай сюда, — Сашка отобрала у неё помаду и смачно покрасила губы.

— Блеск, — захопала в ладоши Леся.

— Фу, сигаретница! — кривилась Малая.

— Чего?

— Так красятся только восьмиклассницы, которые за школой курят.

— Много ты знаешь!

Закончив наряжаться, девочки спустились вниз. С жеманным видом Саша и Леся продефилировали по дорожке, часто перешёптываясь и хихикая. Этот участок огорода хорошо было видно соседям. Малая от нечего делать плелась за сестрой и срывала на ходу травинки.

Соседская мама улыбнулась им.

— Здравствуйте! — хором поздоровались подружки.

— Здравствуйте, девочки, — ответила соседская мама. — Вы здесь живёте?

— Да, с бабушкой, — отвечала Сашка, гордо держа Лесю под руку.

— И с сестрой! — вставила Малая.

Мальчишки в их сторону даже не взглянули, убежали вниз — наверное, обнаружили озеро.

— Саша, вы с кем разговариваете? — окликнула девочек бабушка.

— Блин, — выругалась Сашка, стирая помаду запястьем.

— А у нас соседи новые! — радостно кинулась докладывать Малая. И Сашка радовалась. А чему — не знала.

Глава 2. Шалаш

— Я выбираю светленького, — заявила Сашка, указывая на соседского мальчика, который что-то мастерил во дворе.

Леся хихикнула:

— Тогда я выбираю тёмненького.

— Пикачу, я выбираю тебя! — крикнула Малая.

Почему-то их всегда охватывала смешливость поблизости от мальчиков. Те, к слову, по-прежнему не обращали на соседок внимания.

— Вот припадки, — кривилась Сашка.

И вновь смешки.

Они валялись на траве, устроив «пикник» у дома. Место выбрано стратегически правильно, чтобы просматривался соседский двор. Подружки лакомились бутербродами с маслом, посыпанным сахаром, и запивали морсом из прошлогоднего варенья.

— Чего они пият там? — спросила Малая с набитым ртом.

Один из мальчиков с самым деловым видом пилил старую доску. Его брат тем временем таскал из дровницы листы фанерки.

— Скучота, — зевнула Леся.

Несколько дней мальчики сооружали деревянный шалаш во дворе, стуком молотка заглушая девичье пение и смех. В выходные к соседям приехал папа и помог засмолить крышу, чтобы дождь не испортил укрытие. После окончания работы мальчики спрятались в шалаше, захватив с собой фонарик и чипсы.

— Тоже мне, — пожимала плечами Сашка. — И мы такой можем построить. У нас досок со старого забора — завал!

Бабушка полола грядки, когда её атаковала стайка беспокойных девочек. Сашкина бабушка крепкая и несуетливая. Во всех её движениях чувствовалась неторопливость и основательность. Она уверенно дёргла сорняки и нежно поправляла листочки растений. Из-под советской панамки на девочек посмотрели добрые глаза.

— Ба, можно мы старое покрывало возьмем? То, дырявое?

— Зачем вам? — спрашивала бабушка, отирая со лба пот.

— Мы шалаш будем строить!

— Вот придумали.

— Мы покрывало возьмём и стулья! — крутилась вокруг Малая.

— Нет, стулья я не разрешаю брать.

— Зачем тебе стулья, балбеса кусок? У нас же доски и ветки есть! — одёрнула сестру Сашка. Как бы Малая опять всё не испортила.

— Ну, стройте. Только там, у ограды.

Бабушка иногда строжилась, конечно, но всегда помогала. Даже выдала старую клеёнку для крыши шалаша.

— Мы сейчас такой шалаш выстроим, закачае-тесь, — грозилась Сашка, принимаясь за дело.

— Хочу быть дизайнером, — сообщила Леся и достала старые игрушки из коробки, чтобы украсить шалаш.

Со строительными навыками у девочек не задалось. Шалаш выглядел хлипким: доски-стены недостаточно глубоко вошли в землю и шатались, а крыша, укреплённая на ветках дерева, всё время падала. Зато аскетичный мальчишеский деревянный домик, похожий на собачью будку, не шёл ни в какое сравнение с разноцветным девичьим шатром. Тот был такой пёстрый, что, казалось, из него вот-вот покажется цыганский табор с гитарами.

Вход в шалаш охраняли китайский зелёный заяц с надорванным ухом и застиранный медведь. На прутики Леся повязала советские банты, а Малая повсюду расставила цветы с ближайшей поляны — медуницу и полевые ромашки. Внутри девочки разложили игрушечную посудку, пустые бутылки от духов и старую мамину косметичку — словом, всё, что составляет девичье богатство.

При попытке залезть в него втроем шалаш опасно накренился, но выдержал.

— Круто! — радовались строительницы, согнувшись в три погибели. В шалаше действительно уютно. Цветы дарили луговой аромат, на стволе дерева, под

которым обосновались девочки, выступили капельки смолы. Когда в них втыкаешь ноготь, они пахнут, как новогодняя ёлка. Укрытие от взрослого мира, первый собственный дом.

Ночью прошёл сильный ливень. Он обрушил крышу шалаша, но девочки расстелили её заново.

Глава 3. Прятки и догонялки

Саша извелась. Она уже и позавтракала, и расчесалась, а Леси всё не было.

— Ба, я к Лесе, — не выдержала наконец Сашка.

— Я с тобой! — Малая бросила игрушки ради такого дела.

К Лесе они ходили нечасто. Лесина бабушка не позволяла шуметь, бегать, громко играть, смеяться и хватать со стола. На их кровати, увенчанные горкой взбитых подушек с ажурной вязаной сеточкой, и сесть нельзя. Леся рассказывала, что по утрам бабушка инспектирует, как девочка заправила кровать, и заставляет переделывать по нескольку раз. Поэтому обычно девочки сидели у Саши.

Леся жила через озеро. Нужно пройти полукруг по тропинке мимо заросшей ряской воды и орущих лягушек. Лесин дедушка недавно выстроил у дома новое большое крыльцо с кирпичными колоннами. У этого крыльца геометрически ровно бутонились роскошные розы и пионы.

Из-за жары дверь дома открыта настежь. Саша торопливо постучала. Из комнат выплыла сухонькая Лесина бабушка, и показалось виноватое лицо подружки.

— Здрасьте, а мы к Лесе.

— Олеся сейчас занимается внеклассным чтением, — холодно заметила бабушка и посмотрела на сестёр так, словно и им бы не помешало запереться в душевной комнате с книгой. Позади Леся кривлялась, изображая страшные муки, и Саше пришлось постараться, чтобы не прыснуть.

— А, ну мы пойдём тогда.

— Бабушка, ну, можно, я потом на речку пойду, когда дочитаю, — канючила Леся.

Домой не хотелось. Бабушка непременно попросит что-нибудь делать, раз они не заняты: полы мыть или картошку чистить. Минуя дом, сестры вышли на дорогу. К ним выбежала соседская дворняга и весело потрусилась следом. Пыльная дорога вела вверх на холм вдоль зелёных, пустых в будний день дач. Гулять и глазеть по сторонам куда веселее, чем изнемогать от духоты дома.

Иногда девочки останавливались у чужого забора, чтобы посмотреть, как там живут люди: какие у них есть ягоды, собаки или, что очень редко, другие дети. Некоторые счастливики были обладателями надувного бассейна. В такую жару он казался особенно соблазнительным.

— Всё бы за такой отдала, — кусала губы Сашка.

Дорога круто изогнулась, и сёстры взобрались на холм, откуда открывался живописный вид на лес. Лес уходил к горизонту, и не было ему конца. По другую сторону дороги блестели кресты деревенского кладбища. Девочки сошли с дороги в поле и брели, отмахиваясь от надоедливых мушек. Достигнув вершины холма, они стали спускаться, чтобы лучше разглядеть серебристые змейки железнодорожных путей, по которым временами ходили электрички и товарняки с углём. Болтая ни о чём, сёстры спустились достаточно низко, когда на путях показались две фигуры.

Девочки замерли. Незнакомцы шли по путям вразвалочку, перебросив футболки через плечо. Инстинктивно Сашка ощутила угрозу, исходящую от них: места здесь дикие, до домов — далеко. Завидев сестёр, мужчины внезапно остановились. Они перекинулись несколькими словами, один кивнул в сторону и засунул руку в карман. Потом знакомцы быстро свернули с путей и большими шагами направились в сторону девочек. Казалось, они вот-вот побегут.

У Сашки помутнело в глазах. Не сговариваясь, сёстры бросились к дому. Сашка бежала со всех ног: в горку бежать трудно, но девочка боялась оглянуться.

— Са-ша! Подожди меня! — кричала позади Малая. Но Сашка бежала, не останавливаясь, только воздух в ушах свистел. По прямой бежать легче, а с горы ещё быстрее. Сашка даже обогнала соседского пса.

— Са-ша! Подожди! — молил голос позади. Но останавливаться слишком страшно.

Недалеко от знакомых домов Сашка наконец перевела дух. В ушах шумело, сердце колотилось. Малой не видать. Сашка перестала дышать, изо всех сил напрягла слух. Тело онемело от ужаса: что же она наделала-то? Что, если те поймали сестру? Девочка готова была разреваться.

Наконец из-за поворота выскочила Малая, поднимая клубы пыли.

— Ты! Ты — предательница! — толкнула она Сашку со всей силы.

— Да не ори! — опомнилась та, взяла младшую сестру за руку, и теперь они уж вместе побежали к дому, где, проскользнув за ограду, спрятались в шалаше. Со стороны дороги тот был надёжно укрыт вишнёвыми деревьями, забором и горкой угля на растопку.

Девочки затихли, переводя дух. Они во все глаза глядели на дорогу, боясь увидеть преследователей.

— Я всё бабушке расскажу! — грозилась Малая громким шёпотом.

— Тс-с! Тихо!

Они просидели в шалаше целую вечность, вздрагивая от каждого звука.

— Не рассказывай, — попросила Сашка, украдкой глядя на сестру.

— Ты меня бросила!

— Я испугалась! — оправдывалась Сашка. — Ну, не рассказывай бабушке! Проси что хочешь.

Малая огляделась.

— Помаду хочу.

— Забирай, — нахмурилась Сашка.

Уговаривать не пришлось. Малая повертела в руках тюбик, вывинтила помадный розовый столбик. Понюхала — пахнет вкусно, как жвачка. Малой никто не покупал жвачку. Она не удержалась и откусила маленький розовый кусочек.

— Тьфу, гадость!

Помада на вкус оказалась маслянистая и совсем не сладкая.

Вдруг у шалаша хрустнуло, будто кто-то крался к ним со стороны участка. Малая выронила помаду и вцепилась в руку старшей сестры. Сашка побледнела. Кто-то откинул покрывало у входа резким движением, и девочки завизжали. Не ожидавшая такого приёма, завизжала и Леся.

— Что, змея? Змея там? — закричала бабушка с участка. Но подружки не могли ответить, только тряслись от беззвучного смеха, завалившись на спину и накренив шалаш.

Глава 4. Горе луковое

В следующие выходные папа соседских мальчиков установил во дворе качели. Теперь ребята целыми днями качались, пытаясь проделать на бедных качелях «солнышко» — опаснейший поворот вокруг оси. Девочки наблюдали за ними через секретные дырки в стене и вскоре узнали имена скучных соседей, точнее — мальчишеские клички.

— Что за кличка дурацкая — Флэш, — ворчала Сашка.

— Флэ-эш, — протянула Леся, — мне нравится.

— И Фонарь, — хихикнула Сашка.

— Фонарь! — расхохоталась Малая. Она одолжила у Леси цветные фломастеры и рисовала одежду бумажным куклам.

— Дурь.

— Да, тупость.

— Вообще! — Леся раскрашивала сердечко блестящей розовой ручкой. Получалось красиво.

— Нам тоже нужно, — сверкнула глазами Сашка, наконец отлипнув от стены.

— Что? Фонарь? — дразнилась Малая.

— Тайные имена! Клички, — Сашка прыгнула на кровать, отчего рисунки девочек скривились.

— Ой, можно я буду Элеонора Констанция Третья? — оживилась Леся.

— Почему третья?

— Слишком длинно, — отмахнулась Сашка, мечтательно вперясь в потолок.

— Ну, хотя бы Констанция!

— Длинно.

— Костик! Так тебя и назовём, — посмеивалась Малая.

— Я буду — Алекс, — гордо сообщила Сашка. — Ну, как Александра, только сокращённо. А ты будешь — Рыжик!

Лесины волосы так и сверкали на солнце золотом.

— Ну, нет! Я тогда буду Элис.

— Стоп, а у меня какая кличка? — оторвалась Малая от рисования.

Подружки взглянули на лохматую девчонку, всю перепачканную фломастерами.

— Малая, так у тебя уже есть она, кличка-то, — ответила Сашка.

— Это нечестно! — завопила девочка. — Я хочу — нормальную!

Но подружки только хихикали.

— Я бабушке расскажу! — Малая швырнула фломастеры и побежала жаловаться.

— Бабушка-а! Леся — Элеонора Констанция Третья, а я — Малая!

— Для меня вы все малые, — с улыбкой ответила бабушка, на что девочка разозлилась ещё больше.

Со второго этажа донёсся совершенно оскорбительный громкий хохот.

На следующий день Леся принесла несколько городских вещей и девочки принялись меняться одеждой и крутиться у зеркала. Сашке достались яркий топ, юбка в складку и босоножки с длинными завязками, которые, будто плющ, обвивали покусанные комарами ноги. Леся выбрала Сашкины джинсы с блёстками, Малая нацепила бейсболку задом наперёд, и новоявленные Алекс и Элис отправились дефилировать по огороду, спотыкаясь в босоножках на каждой кочке и называя друг друга новыми именами нарочито громко.

Увлечённые «серьёзными» делами, соседи их по-прежнему не замечали. Тогда девочки решили действовать по-другому. Они придумали мероприятие, которое дурацкие мальчишки ни за что не пропустят. Ведь нет ничего интереснее, чем жечь костёр. Даже шалаш и качели проигрывают в сравнении с ним.

— Ба, а у нас есть что посжигать?

— Полей-ка вон там, — бабушка вручила Сашке шланг для полива, из которого тонкой струйкой лилась озёрная вода. Девочка быстро передала его сестре, и та принялась обливаться себе ноги: к вечеру не стало прохладнее.

— Есть, ба?

— А что вам?

— Костёр хотим.

— Только за участком, — разрешила бабушка, бережно подвязывая огурцы.

— Ура! — завопила Малая и чуть не облила бабушку, но вовремя отпрыгнула на грядку.

За участком лежала хорошая поляна, куда девочки натащили веток, жухлые сорняки и мусор из дома. Комары атаковали со всей наглостью, кусая тонкие венки щиколоток. Леся сбегала домой переодеться от комаров и принесла немного колбасы.

Костёр разгорелся удивительно быстро, и уже скоро можно было насадить на палочки колбасу и коптить её над огнём. К колбасе полагались большие ломти хлеба, которые казались такими вкусными с солью.

Всё это было весело и шумно, только вот соседи, спасаясь от комаров, давно скрылись в доме. Из их окон доносился шум телевизора.

— Глупые какие, неужели непонятно, что надо подойти — познакомиться.

Едва стемнело, с соседнего холма раздался строгий голос:

— Оле-ся!

Сашка залила костёр водой из бака. Где-то внизу Леся неслась домой, на бегу доедая подкоптившийся хлеб с опалённой мякотью.

На следующий день бабушка пекла пирожки: с картошкой, капустой и самые вкусные — с ревенем. Получился целый таз.

Сашке вдруг пришла в голову очередная гениальная идея.

— Ба, а можно наших новых соседей пирожками угостить?

Они набрали пирожков, положили их на красивую тарелку и двинулись на заветную соседскую территорию. Едва смущённые румяные девочки возникли у ограды, мальчишки убежали за дом. Зато соседская мама была очень любезна и поблагодарила их за гостинец.

— Вы сестрёнки? — спросила она, мягко и понимающе улыбаясь.

— Нет, — стеснительно пискнула Сашка.

— Вообще-то да, она моя сестра, — надулась Малая, скрестив руки на груди.

— А я там живу, — Леся махнула в сторону озера, ковыряя босоножкой комочек глины на дорожке.

Соседская мама унесла пирожки в дом, и девочкам ничего не оставалось, как вернуться на свой участок. Дурацких мальчишек и след простыл.

— Вот припадки! — злилась Сашка.

На другой день девочки вновь прилепились к стене со смотровыми глазками. Мальчишки лужгали семечки во дворе. Один качался на качелях, другой болтался на перилах крыльца — так близко.

Со злости Сашка запустила в них луковицей, коих великое множество сушилось на газетке вместе с чесноком.

Девочки прыснули и прильнули к стене. Сашка взяла ещё одну луковицу и бросила её в вентиляционное окошко. Луковица не долетела и упокоилась на крыше соседской пристройки.

— Дай попробую! — воскликнула Леся, набирая целую горсть снарядов.

— И я! — подпрыгнула Малая.

Пара луковиц благополучно улетели в кусты, но одна, особо меткая, попала прямо по нахальной макушке младшего из братьев.

— Эй! — воскликнул он, ища глазами обидчика.

Девочки умирали со смеху, закрывая рот ладонями. За своей дырчатой стеной они видели всё, но сами оставались невидимыми.

Ещё одна луковица с баллистической точностью спикировала на горку шелухи от семечек, учинив бардак. Завидев мусор, ничего не подозревающая соседская мама принялась отчитывать сыновей. Мальчишки громко возмущались и яростно вперились глазами в соседскую стену. Девочкам наконец удалось привлечь внимание, они чувствовали себя отмщённым и веселились до самого вечера.

Пока бабушка не поднялась на второй этаж за головкой чеснока к супу.

— Саша, а куда весь лук-севок подевался?

Карандаши в руках девочек замерли.

Тишина.

— Саша!

— Что сразу Саша?!

— Лук, спрашиваю, куда подевался?

Девочки стыдливо уставились в пол. Бабушка начала головой, поняла, чьи проделки.

— Это вы что натворили-то?

Сознаться — стыдно, но бабушка не отступала. Наконец Малая не выдержала.

— Ну, мы кинули их туда...

— Куда? — всплеснула руками бабушка.

— Туда, — едва заметно кивнула младшая из сестёр в сторону вентиляционного окошка. Бабушка внимательно посмотрела на него, а потом строго — на девочек.

— Что же натворили-то? — причитала она. — Это же наш урожай был. Сами его поливали. Что теперь посадим на следующий год? Что мы маме в город отправим? Что будем есть? Неужели покупать то, что в огороде растёт?

Бабушка устало опустила на кровать, сняла платок и по-деревенски утёрла им лоб.

— Это же свой урожай повыкинули.

— Ба, не рассказывай маме, — хныкала Малая.

Бабушка махнула на неё рукой и заторопилась в огород.

— Ба, ну, пожалуйста!

— Кнута батырского на вас нет!..

Саша угрюмо поплелась за дом. На полпути за ней увязалась Малая. В кустах они с чесноком и луком управились быстро, а вот на соседскую пристройку оказалось не так-то просто влезть. Тут настала очередь веселиться соседских мальчишек, наблюдавших за их неловкими попытками и выпускавших шуточки. Узнав, в чём дело, соседская мама вынесла девочкам приставную лестницу.

Саша умирала со стыда, лазая по крыше на карачках. Это продолжалось целую вечность, пока все до одной луковицы не были спасены и водворены на второй этаж. Заслышав про луковый скандал, Леся не навещала их несколько дней.

Яна Гальченко

г. Киров

Переход

Рассказ

Декабрь в валенках сидел на крыше. Ему столько лет, сколько этому миру, однако ни такая цифра, ни седая борода не мешали ему лепить отменные снежки и кидать в прохожих. Попав, он довольно болтал ногами и смеялся. Машины на стоянках превратил в гигантские торты. На шапке профессора философии, стоящего в очереди у ларька «Роспечати», к радости студентов, нарастил роскошную снежную кучу.

Назабавившись, спустился в улицы. У торгового центра шла разгрузка товара. Декабрь попросил у грузчиков прикурить и постоял рядом, чтобы мясо не разморозилось. Заштопал ковёр на бульваре, повреждённый трактором, подровнял трассу лыжникам.

Вечером подбросил дров к северному сиянию. Подогрел свой походный чайник на трубе ГРЭС, посвистел месяцу. Сидя на кустах калины, они пили чай из больших чашек.

Город в толстом свитере из снега укладывался спать.

* * *

По потолку крадётся январь — звёзды звенят в мешке. В старых ботинках, в кармане пирог, на часах брелок из луны.

Он праздничный, он окна домов потрогал, он спящих укутал, он хочет, чтобы каждый тихий и звонкий день был для них.

* * *

Февраль — стареющий царь. С дремлющего деревянного дворца свисают застывшие белые гребни, и по замороженным стёклам лучи солнца скользят полуспящими.

По толстым коврам сквозняки стали отдавать звоном, и на окнах ледяной папоротник прочертился голубым. Время гостям просачивалось каплями на стрелках старых дворцовых часов.

Ладонь царя от серебристого меха одежды — вверх:

— Устроим встречу, добрую встречу! Мы видели своё, хорошо ли, плохо ли — делали. А дальше — достойным и молодым!

А пока ещё царствовал, и серебряные кубки с выпуклыми узорами качаются и поднимаются, и бороды глушат смех. Владения хранят воины с вьюжными голосами и мальчишки с колкой, блестящей пылью.

* * *

Солнце предлагало ей одежду. Набрасывало на локти бледно-серое с опадающим стеклом, розовые длинные перья с золотыми концами, густое зелёное и такое белое из туманов, что позавидует Англия.

Весна выбирает серое платье и мокрого асфальта пиджак. Расправляя складки, рассыпает на горожан большие прозрачные капли.

* * *

Весь в дыму и в восторге от громкости своего гудка, поезд протарахтел на станцию.

Среди его пассажиров была аккуратная старушка с соломенной корзинкой в руках, одетая в серое пальто с цветочной вышивкой и льняную юбку. В городке ещё лежал снег, но на пушистых седых волосах дамы, убранных в пучок, не было головного убора.

Она прошла через здание вокзала и отправилась в сторону большого городского парка.

Отыскав полянку в самой его глубине, старушка аккуратно поставила корзинку на землю и открыла крышку.

Внутри на подстилке из свежей травы сидел зверёк, весьма похожий на зайца. Гладкая шкурка серого цвета, жёсткая шерсть, длинные уши и жёлтый живот, однако на лапах тёмные копытца. Светлые усы зашевелились на свежем воздухе, и питомец перелез через край корзинки.

Обнюхав снег, зверёк попробовал его на вкус. Наклонил голову, подумал и стал поедать снежные залежи. За несколько минут он расчистил полянку и занялся сугробами вокруг деревьев.

А колючие барбарисы и дубы потягивались, разминали сучья, стряхивали остатки снега и шумели проснувшимися голосами, приветствуя старуху Март.

Та с улыбкой покивала головой, повесила корзинку на локоть и, напевая, отправилась обратно к станции.

* * *

Лохматая апрельская голова оторвалась от белой подушки и шлёпнулась обратно. Глянув на календарь, косо прицепленный на стене у кровати, он всё-таки встал. Быстро умылся холодной водой, выпил компота, заботливо оставленного ему в кувшине на столе, и выкатился на улицу.

В подтяжках на грубых брюках, с карманами подсолнечника, в ботинках не для луж со снегом, он напоминал беспризорника.

Отдав запасы солнца дворовым котам, разводил руками: на людей не хватило. Любя лошадей, он для них первых растопил и посушил дорожки, набросал по краям одуванчиков. Убрал похожую на море лужу, которую каждый день с трудом обходила глазастая девочка, но ей же за воротник швырнул снега с крыльца подъезда. Лёд на школьном дворе оставил, несмотря на ругань дворника, и первый катался на подошвах, а за ним орава учеников.

На маленьком стихийном рынке остановился у торговки выпечкой. Порылся в карманах, однако монет не нашлось, и он нимало не смущаясь весело развёл руками. Женщина, хохоча, бросила ему в руки пирог.

Парень поднялся на холм за торговым центром, постелил куртку на землю, улёгся и занялся пирогом.

Вокруг из прошлогодней травы полезли жёлтые мать-и-мачехи.

* * *

Май с подругами Атикат, Илтой, Ажар и Рахией босыми ногами по крышам. Они красивы, сильны и любят своих мужчин.

Атикат шепчет, оглаживает руками землю, кору, лепестки, посуду в чайных, шерсть, корзины, стебли, бутоны, стволы. Все они, и даже камни, дают свой аромат.

У Ажар корзина, в которой бумажные свёртки. Стоя на крыльце мира, она бросает и бросает из них семена.

Рахия улыбалась, шла куда хотела и где хотела сидела. Ветер вытягивал голову у неё на коленях, рычал и сворачивал кольцами хвост. Это главное, что от неё требовалось, — свободно идти и свободно смеяться.

Илта расстилает свой платок, и мягкая, пахучая темнота обнимает прохожих, дома, тротуары.

Май, вытянув ладони к небесному ковру, начинает свою песню.

* * *

Открытая банка с летом стояла на столе. В тишине комнаты из круглого отверстия, как бы издалека, слышны разнообразные звуки: звяканье посуды, шум волны, смех, жужжание бензопилы. Были голоса продавцов из фруктовых ларьков, какое-то скрипение и постукивание. Всё это смешивалось, одно переходило в другое.

Из банки шли запахи, они тоже перемешивались: сочный огурец и варёная кукуруза менялись на ароматы распиленного бревна и сигарет.

По всей комнате вдоль стен на деревянных стеллажах стоят другие стеклянные банки. Грубоватые мужские пальцы передвигают их, открывают и снова плотно прикручивают крышки.

В банку, стоявшую на столе, они добавили паровых гудков, запаха мокрого белья и тархтения града. Её содержимое зазвучало невнятно, как ненастроенное радио, потом снова стали различимы отдельные голоса.

Сильные руки взяли банку и аккуратно вылили за окно.

Содержимое растекалось на улицах, по стенам домов проникало в открытые форточки. Таких пока было мало, и лето задерживалось на стёклах. Когда окна распахнутся, оно заплывёт в квартиры, разреплет газеты, шерсть котов и собак, встряхнёт комнатные цветы.

Оно похозяйничало в парках и на клумбах, быстро и весело разбежалось на набережной, подпрыгнуло и окончательно опрокинулось на город.

* * *

— Ваня, спой песню!

Парень с гармоникой выводит пчелиный звон, запах одуванчика, шум свежего ручья и ещё что-то большее.

— Ваня, сыграй жалостливо!

Тот клонит голову, и лица прячутся в окнах, серой водой поливаются травы, и жмётся по веткам яблочный цвет.

Когда замокает платье Анюты, Иван загребаёт в горсть облака, достаёт из кармана золотого петуха, пускает его по тропинкам и крышам, и сам бежит с улыбкою дурака.

Под вечер Ваня, за пояс обняв свою Анну, тихо дыханием греет селения и города, сторожит еловые шорохи.

Июнь-парень, Июнь-девушка — дорога их рада загорелым ногам. Шиповник у них пьяный-пьяный, танец по тротуарным камням. Раскрыты руки на тёмно-зелёных стеблях, солнце на шеях, ресницах, губах.

* * *

Июль — не то итальянка, не то испанка — распахнула двери веранды и вышла на яркий зелёный газон. Её соседка Моника Блант расчёсывает волосы. Первая усмехается:

— Ты красивее меня! Дай свой голос!

Моника расхохоталась. Июль знает, что её времени нужен смех счастливой от себя женщины.

В саду напротив четырёхлетка Бонс ревёт, сломав пластмассовый автомобильчик. Что же, и дождям будет место. Сьюзен и Алан, им по пятнадцать, держась за руки, столько пускают в этот мир солнца, что яблоки созревают в этот раз как ещё не бывало. Адами, ему восемнадцать, и он думает, что уже детектив. Его мечты покрасят утренние облака. На площади игры — кому и с кем в кругу танцевать. Сара находит глазами Джейну:

— Я её выбираю!

А будь кем хочешь и имя себе выбирай любое. Июль дарит им всем свои дни и ночи, а потом пусть как знают.

Дозревают вишни, и налито тепло в моря. По кварталу бегут дети — маленькие летние боги.

* * *

Август слушал Озборна в больших недешёвых наушниках. Качество имеет значение, когда с тобой говорят на одном языке, а чужак в круглых очках мало того, что понимал грозы между небоскрёбами, так и сам мог добавить оттенков в предстоящие четыре недели.

Его Yamaha гремела по дорогам, тротуарам, балконам и проводам. Лиловые вспышки ломались в тучах, дым заполнял переулки.

В сумерках мотоцикл отправился на платную стоянку. Владелец хотел увидеть город не только в виде пятен неона, летящих перед фарами.

Обходя красочных распутных девиц, он вошёл на пешеходную часть с кафе и арт-магазинчиками. Отцепил ветер, наматавшийся на телебашню, и затолкал в карман кожаной куртки.

Август брал в свою мелодию песни бездомных гитаристов, голоса кораблей, уходящих в долгие рейсы, низкий и мягкий женский смех, звон льда в стаканах и пламя фаершников. Подумав, добавил к вечерам новый трек Земфиры и ритмы дождя в водостоках.

Небо задумчиво слушало этот блюз.

* * *

Достав местный паспорт вместо иностранного, она бросила его на приборную панель. Заграничный затолкала в тряпочную сумку на сиденье, где он провалился в мешочки с кофе, сушёными сливами, чабрецом и всякими разностями.

Старый грузовичок с открытым кузовом остановился на дороге в полях. Полная женщина с кожей

цвета шоколада, в цветном хлопковом платье, тюрбане и прочных башмаках выбралась из машины и размяла ноги.

Осень идёт медленно и думает о земле под колосями. Лицо её заливают слёзы. Она помнит каждого, шедших друг на друга и павших. Юнцы и старцы танцуют, целуются, молятся и уходят, а ей их оплакивать. И плач её всех цветов, языков и религий.

Но не только этот дождь принесён ею. Она богата. Осень щедра и хочет дарить.

Крепко поцеловав тыквы, она красит их закатом. Груши полнятся солнцем, в виноград течёт настоявшийся день. Добавляет упругости томатам, дорисовывает полосы на арбузных кожицах. Утра будут созревать в сырах, а ночи закупориваются в винных бутылках.

Грузовичок въезжает в город. Она стелет в нём дорожки ручного ткачества. Цветы на клумбах разгораются густым бордовым, фиолетовым и оранжевым. Осень убавляет тепло на улицах, и после работы жители спешат к домашним чайникам и хлебу.

Начало положено, и ей нужен кофе, крепче которого только бразильцы, его собиравшие. Она останавливается в деревянном домике гостиничного комплекса, бросает свои вещи молодому человеку, ожидающему у двери. Сентябрь поймал ключи и припарковал её колымагу.

* * *

Сентябрь побросал чемоданы в кучу, не разбирая. Из картонных коробок вывалились его оксфорды, дерби и броги из оранжевой замши и красной кожи. Плащ упал на клёны возле администрации, шарф намотался на Ботанический сад, а шляпа укатилась за фабрику.

Пока он гулял, ничем не занятый. Толкался на чetyрех городских мостах, слушал оркестры и смех. Прохожие оглядывались на запах его одеколona и от-

лично сшитый горчичный пиджак. Дел принимать не торопился.

Возле баров подозрительно порыжели деревья. Август ухмыльнулся и отменил вызов такси.

* * *

Октябрь танцевал с девушкой.

Октябрь любил девушку, ревновал к её молодому человеку. Парк, одетый в лисью шубу и белый дым от котельной, он не знал, куда девать руки, и на что ему столько времени. Набросал каштаны прохожим прямо под пятки, в туманах дороги от Ростова до Вятки. Ругаясь, «Камазы» ползут по ручьям и лужам, замочил до души, кто её-то просушит. И недовольно утки поджали лапы: его двадцатый день на них капал.

В своё тридцать первое утро он танцевал и её приглашал в танец. И в этот раз Октябрю улыбались окна офисных зданий.

Водители курят, молча, в погасающих тучах взгляд.

Октябрь уходил рассеян и немного богат.

* * *

Одетый в серое пальто, что-то из тридцатых, на шее вязаный шарф, худой и высокий мужчина сидел на скамейке под знаком автобусной остановки. Здесь ходят редкие междугородние, сейчас же больше не было никого.

Утро только просыпалось, и не очень охотно. Воздух синего цвета, кусты вокруг, совсем облетевшие, торчат, как метёлки. По дороге проехала ранняя машина хлебозавода, а всё остальное ещё молчало.

Человек на скамейке вынул бутерброд с колбасой, завернутый в бумагу. Он вздохнул, и снежная крупа от его дыхания долетела до вороны, которая приземлилась на асфальт. Птица взъерошенно и неодобрительно посмотрела на него. Мужчина отломил кусок бутерброда, бросил в её сторону.

Они завтракали в светлеющем утре и смотрели на улицы, которые всё точнее чертились вдалеке.

Ворона вопросительно посмотрела на мужчину, тот кивнул головой, и она полетела со свежей, но ожидаемой новостью.

Ноябрь поднялся, стряхнул крошки с колен, опустил руки в карманы пальто и не спеша вошёл в город.

* * *

На небе вкрутили новые лампочки. Они были ярче, но с холодным светом, и подняли их теперь выше прежних.

Готовились к зиме.

Войлок туч растягивали во все стороны и на большие пространства. Практически весь он уже никуда не годился. Цвет его был тёмных тонов — серого, с чёрными пятнами. В сильно порванные полотнища набилось много пыли, сухих листьев, веток. Те, что висели над городами, выбросили сразу, почти не осматривая. Пыль, которая с них сыпалась, пачкала всё вокруг.

От золота октября в этот раз ничего не осталось. А вот на яблоневетках сохранились все плоды. Яблоки берегли. Ими будут заниматься особо, поливать пеной инея. На солнечных местах заработают огранщики, забирая красные шарики в твёрдые прозрачные оболочки.

Выливали вёдра и вёдра грязной воды. Затем привезли новые тучи и сразу занялись их распаковкой. Эти дела должны быть сделаны до того, как звонкие каблукы новой хозяйки быстро пробегут по паркету.

Её стройная фигура появилась на лестницах. Бросив дорогие прозрачные серьги на столик, она села в кресло и, не закрывая глаз, отдыхала. Все знали, ей нужен всего час, и процесс запустится.

Даже примерного графика не было. Куда поставить хрусталь, укладывать и вешать зеркала, сыпать блестящую пыль — будет решать она.

Начали около пятнадцати часов — сразу в городах и на окраинах. С высоты, через отмеренные промежутки времени, двинулись вниз снежинки. Расстояние между ними было довольно большим, но в то же время таким, чтобы не было пустот, и выходило как бы кружево редкого плетения. Запускающим было дано указание о плавности и тишине.

Сверху стало мягко и серо. Снизу, из света витрин магазинов донеслись смех и возгласы. Переход состоялся.

Ира Данилова

г. Санкт-Петербург

Коленька

Рассказ

Я хотел попугая, но мама с папой сказали, что у меня будет брат. Я вообще такого не ожидал, потому что целый год у них попугая просил, а тут нá тебе.

Зачем мне брат? Мне попугай нужен — как у Костика, друга моего. Я к нему часто в гости хожу. У него тоже брат есть, только старший. Костик говорит, что от брата ничего хорошего в жизни не происходит.

Брат всё время за компьютером сидит и Костика от компьютера прогоняет. Ещё с братом конфетами делиться приходится и в одной комнате жить. А попугай у Костика классный: большой, серый, говорящий. Порода «жако» называется — самая говорливая из всех попугайских пород, это все любители попугаев знают.

Костику попугая купили, когда он совсем маленький был. Костик этого даже не помнит. Они с братом попугая Жаком назвали.

И всю жизнь Костик с Жаком как родные братья: по квартире летают, уроки вместе делают, в индейцев

играют (Костик перья на полу находит и за уши себе засовывает, очень похоже). И взрослых передразнивают. А ещё в пиратов играют. Жак кричит: «Карамба! На бордаж!» И на бабушку Костика налетает, крыльями хлопает. Бабушка сразу сдаётся и по орешку им выдаёт. Или ещё что-нибудь вкусное.

А ночью Костик клетку покрывалом накрывает, и они с Жаком засыпают. Лучшие друзья. Не скучно и не страшно. Особенно когда брат ночью под одеялом на телефоне играет и орать начинает:

— Танки!

С братом что? Он или в компьютере сидит, или в телефоне, или: «Отстань, — говорит, — малышня, не твоё дело».

И всё. Одно расстройство. Ни он мне не нужен, ни я ему.

Я серого попугая жако у родителей каждый день просил. Мама с папой говорили, что подумают. А потом про брата сказали. И что какой нам теперь попугай, когда у нас в доме скоро ребёнок появится. Попугай ему спать не даст, от него перья и шум. И даже на маленького волнистого попугая родители не согласились.

Я в комнату пошёл и весь вечер там сидел. Как попугай, под покрывалом. И мне «Карамба!» кричать хотелось и «Тысяча чертей!». Потому что я понял: всё, у меня теперь брат вместо попугая, и жизнь моя лучше уже не будет, только хуже с каждым днём.

Мама в комнату вошла и говорит:

— Вот увидишь, брат лучше попугая. Вылезай.

Ага, а то я не знаю! И не вылез.

Мама ушла, папа пришёл:

— Даня, маме сейчас нервничать нельзя. Она может подумать, что ты брата не хочешь, вылезай.

Вот именно, не хочу я никакого брата. И не вылез.

А потом папа с мамой вместе пришли. Папа говорит:

— Даня, давай мы тебе купим попугая, когда твой брат подрастёт немножко. Через два года. Или раньше

купим, если у него аллергии не будет на птичий корм. На корм тоже аллергия бывает. У мамы, вон, на пыль аллергия. А ты свою комнату не убираешь никогда.

Они решили, что я два года могу попугая ждать. Через два года я, может, умру. От тоски. И я слёзы тихонько о пододеяльник вытер.

Мама меня через покрывало по спине погладила. Говорит:

— Как ты его назовёшь?

Я говорю:

— Коля.

— Ну, Коля, значит, Коля, — сказала мама. И они с папой на кухню пошли.

А как мне ещё попугая жако назвать? У Костики жако — Жак. А у меня, значит, попугай жако — Жаколя будет. Сокращённо — Коля.

Я полночи слёзы о простыню вытирал, пока она вся мокрая не стала, а потом подумал, что я так давно Колю хочу, что два года как-нибудь подожду. Что я, маленький, что ли? И вообще, может, у брата аллергии на корм не будет, и мне Колю раньше купят. И успокоился немного. Но всё равно грустный ходил. Даже к Костику в гости утром не пошёл — не мог на его Жака смотреть, так обидно было.

А потом я подумал: а что, если у брата аллергия совсем не на то начнётся? И стал квартиру убирать, тряпкой плитуса мыть от пыли. У мамы же аллергия на пыль, вдруг и у брата тоже? А они с папой подумают, что на корм. И полки начал каждый день протирать.

Папа сказал, что он меня не узнаёт. А мама улыбалась всё время. Сказала, что все бы такими хорошими братьями были, так к встрече брата готовились. А я подумал, что брат в доме — это тяжело. Намного хуже, чем попугай. У попугаев хотя бы аллергии не бывает.

Потом мама в роддом уехала, а мы с папой в магазин за хлебом пошли. Я в зоотовары зашёл и на карманные деньги корм для попугая купил. В блюдечко насыпал и мокрой тряпкой вокруг блюдечка протёр.

Для чистоты эксперимента, чтобы брат корм понюхал, и сразу стало понятно, что никакой аллергии у него нет.

Папа начал в коридоре убираться. Заглянул, говорит:

— Ну, ты молодец.

Я обрадовался.

А потом папа поговорил с мамой по телефону и как крикнет:

— Даня, я тебя поздравляю! Через три дня Коля домой приедет!

И на кухню убежал, опять по телефону разговаривать.

Я покрывало с кровати стащил, сложил аккуратно. И блюдце с кормом на самое видное место поставил. Два дня по комнате счастливый ходил, лучшее место для клетки выбирал. Потом папа меня к Костику в гости отвёл. Сказал, чтобы я не мешал: у него весь день генеральная уборка.

Утром папа за Колей уехал. И вместе с мамой Колю домой привёз.

Я к двери подлетел. Спланировал, как жако. И Колю увидел. Он в пелёнках лежал. Моргал. Голова болтается, весь розовый, в каких-то пятнах.

Мама говорит:

— Даня, это Коля.

И у меня слёзы на пол закапали. Я в комнату свою побежал. На пол сел рядом с блюдцем. Подушку взял — слёзы вытирать. Смотрю, палочка от пера торчит. Я перо из подушки вытянул, возле блюдца положил.

Тут мама в комнату зашла. Посмотрела внимательно, носом шмыгнула и вышла сразу. Потом папа пришёл. Говорит:

— Иди, посмотри, как Коля спит.

И за руку меня повёл в их с мамой спальню. Рядом с Колиной кроваткой меня оставил.

Я на Колю долго смотрел. А потом за покрывалом сходил и сверху кроватку накрыл. Там, в борти-

ках, дырки, я проверил, чтобы Коля не задохнулся. И услышал, как папа входную дверь закрыл.

А потом открыл и кричит из прихожей:

— Даниил, тебе от брата подарок!

Я из комнаты вышел. А там попугай! Не жако, а маленький, зелёный. Коленька мой.

Папа говорит:

— Другого не нашёл. Сказали, тоже говорящий. Это тебе от брата Николая, в честь встречи.

А мне и не надо другого попугая!

Я к клетке кинулся. Потом в спальню. Покрывало с кровати стащил и брата поцеловал. И обнимать начал.

Мама говорит:

— Не задуши ребёнка! У него голова ещё не держится.

А сама смеётся.

Я говорю:

— Мама, папа, я вам обещаю, у него аллергии на корм не будет. И перьев в квартире не будет. Я всё кругом мокрой тряпкой буду вытирать. И шуметь мы не будем. Коля, спасибо, брат!

И клетку с зелёным Коленькой схватил, в комнату побежал кормом его кормить.

А потом я своего зелёного Коленьку говорить научил: «Брат». И ещё: «Коля хороший».

Мы с Коленькой каждый день к брату прилетали и говорить учили. Поэтому первое, что брат Коля через год сказал, было «ба» и «хо». Это значит, брат у него хороший, то есть я. И я подумал, что Костику просто с братом не повезло. А мне повезло. От этого в моей жизни столько хорошего произошло. У меня благодаря брату попугай появился.

И брату со мною тоже повезло. Точнее, с нами. Иначе как бы он без нас говорить научился?

Вера Ильина

г. Бердск

Обратная сторона сердца

Глава из повести

— Что это у меня стучит там, в спине?

— Это сердце, — ответила мама, пытаясь скрыть слёзы. — Оно у тебя просто повернуто в другую сторону.

— Я умру? — спросил я, чтобы знать сейчас и на верняка. Чтобы не мучиться этим вопросом по дороге домой из больницы.

— Нет, — она улыбнулась по-настоящему, не фальшиво. Значит, правда.

* * *

Тогда, когда я узнал о своей аномалии, мне было всего семь лет. Что-то било мне в спину сквозь рёбра, словно упрямая змея пыталась выбраться наружу. Конечно, я знал, что слева в груди у меня сердце, но не могло же оно биться в спину.

После первого визита к кардиологу выяснилось, что моё сердце повернуто на сто восемьдесят градусов вокруг собственной оси.

— Ничего страшного, — похлопал меня по плечу молодой доктор и направился к сидящей у холодной кафельной стены маме.

Ей он рассказывал что-то о желудочках, о строении сердца, улыбался и шутил. Рисков, и правда, почти не было. Мама попросила освободить меня от физкультуры и предупредила учительницу о моей сердечной особенности.

Теперь мне тринадцать, и моя жизнь, казалось бы, ничем не отличается от жизни обычного подростка — школа, улица, домашка. Когда-то я хотел серьёзно заняться футболом, но мама не позволила.

«У тебя сердце!» — эту фразу я слышу порой по нескольку раз на дню.

Мама забывает добавить «больное» сердце, хоть оно в общем-то и не больное. Просто не такое, как у всех.

Глава 1

В поисках внезапного счастья

Три года назад мы переехали в кирпичную новостройку, каждому досталось по комнате — мне, маме и папе. У меня полная семья, как любят замечать учителя в школе. Кажется, за последние лет десять иметь обоих родителей стало роскошью.

— Исай, где деньги за обеды? — послышался голос нашей классной руководительницы, Инны Николаевны. — Тебе полная оплата полагается, ты не льготник.

Исай — это я. Вообще-то меня зовут Дима, фамилия — Исаев. Вот из-за фамилии с третьего класса ко мне прилипло это прозвище — Исай. Даже учителя некоторые меня так называют. Я не против, звучит красиво, оригинально, к тому же у нас ещё двое Дим в классе.

— Будут, — напряжённо вздохнул я. Опять забыл у мамы попросить.

Мне, видите ли, приспичило именно сейчас, на уроке биологии, вспомнить свою секретную анома-

лию, переезд в просторную трёшку, наш дружный квартирный тамбур.

Дело в том, что три квартиры на нашем этаже объединены отдельной дверью. Получается общий тамбур, где можно оставлять велосипеды, санки, коляски, мешки с картошкой. Но главное не это. Главное то, что на Новый год, Пасху и чьи-нибудь именины все жильцы этих трёх квартир собирают в этом тамбуре большой стол и дружно устраивают пир. Именин и крупных праздников пока не предвещалось, а мне очень хотелось какой-нибудь радости, именно сейчас, на биологии.

— Исаев — два! — снова обратилась ко мне Инна Николаевна. — Третья двойка в четверти. Исправлять будешь или на осень останешься? Четвёртая четверть на носу.

— Буду исправлять, — снова пробубнил я себе под нос.

Вот тебе и радость...

Я снова погрузился в собственные мысли. Интересно, каково это — жить с нормальным сердцем, которое стучит в грудь, а не в спину? Жизнь человека с нормальным сердцем хоть чем-то отличается от моей? Почему мы не проходим это по биологии, а проходим каких-то никому не нужных пресмыкающихся?

— Вот тесты, — на мою парту упала плотная стопка бумаг. — Дома решишь — приноси на проверку, — объяснила Инна Николаевна.

Она одна из учителей знает о моём необычном сердце, мама рассказала только ей как классному руководителю. Ещё Гоша знает, он мой сосед по парте и друг по совместительству. Остальные в классе не знают. По крайней мере, я им об этом ничего не рассказывал.

Урок продолжается. Впереди меня — весь класс, доска с наглядными пособиями по теме «Пресмыкающиеся», серьёзная Инна Николаевна в очках, сзади — только замызганный десятками классов учебный ске-

лет. Справа внимательно читает учебник Гоша. Не то чтобы он ботаник и отличник, просто старательный ученик, который, в отличие от меня, не витает в облаках на уроках.

Змеи, ящеры и крокодилы на наглядном пособии ждали моего внимания, а я ждал звонка, который высвободит меня из этого мнимого террариума.

— Ещё физра — и конец, — тихо, не отрываясь от чтения, сказал Гоша.

— Я не хожу на физру, ты же знаешь, — ответил я вполголоса. — Пойдём в парк? Там уже скейты напрокат дают.

— Я уже три физры из-за тебя пропустил, — напомнил Гоша. — А про скейты забудь. Если твоя мать увидит, как ты катаешься, и тебе влетит, и мне за то, что тебя не уберёт.

Про маму Гоша правильно заметил. Одного освобождения от физкультуры и запрета на спортивные секции ей было мало. По её мнению, мне вообще нельзя заниматься чем-то более активным, чем ходьба.

«У тебя же сердце!» — девиз всех её параноидальных мыслей о моём здоровье.

Шансов на внезапную радость стало меньше: пропускать в этот раз физру Гоша не захотел, а значит, после уроков я в гордом одиночестве отправлюсь домой.

После звонка я прощально махнул висящим на большом бумажном полотне рептилиям и направился к выходу.

Сегодня двадцать пятое число, денег на кино или развлекательный центр я не получу. В конце месяца в нашей семье наступает гречневый период: на завтрак и ужин мы питаемся исключительно гречкой, до тех пор, пока папе не дадут зарплату. Обедаю я в школе — тут мне повезло. Но для полноценной радости этого мало.

Возле подъезда своей десятиэтажки я вспомнил нашу первую квартиру в панельном доме на пятом этаже. Мама настояла на переезде только из-за этого

проклятого пятого этажа, на который я должен был подниматься каждый день из-за отсутствия лифта. А это — дополнительная физическая нагрузка. У меня же сердце. Теперь я живу на седьмом, и, если лифт ломается, у меня появляются внеплановые выходные, благодаря маме. Надо ли говорить, что в эти выходные куда-либо выходить из квартиры мне строго запрещено?

Двери лифта привычно распахнулись передо мной, я уже сделал шаг вперёд, но тут же возвратился. Хочу послушать, как змея бьётся наружу. Пойду пешком, пора менять правила.

На пятом этаже я остановился. Прислонился к стене, быстро расстегнул куртку, нырнул правой рукой под левую лопатку. Бьётся. Как сумасшедшее бьётся. Долбится змея сквозь рёбра. Неугомонная. Может, там и правда змея, а не сердце? Улыбаюсь собственным мыслям. Частица радости таки посетила меня.

В подъезде пахнет жареной курицей. Вспоминаю про гречневый период, змея замолкает, лучик радости рассеивается. Ещё два этажа иду не спеша. Если мама узнает, что я шёл пешком семь этажей... Впрочем об этом лучше не фантазировать.

Возле двери в наш тамбур курицей пахнет сильнее всего. Баба Надя жарит, наверное. Зайти к ней?

— Вот и Дима!

В тамбуре — накрытый стол. А за ним — баба Надя из квартиры напротив, папа, мама и Игорь — жилец третьей квартиры нашего тамбура.

— Только тебя и ждём, — мама похлопала по сидухе свободного стула.

— По какому поводу? — я не верил своим глазам.

— Игорь вот... — начала баба Надя.

— Съезжаю я, — объяснил Игорь. — Решили последний раз все вместе собраться. Проводы, так сказать.

Я быстро помыл руки и присоединился к торжеству.

Игорю было около тридцати лет. Точно я не знаю. Работал он в нашей городской поликлинике хирургом. Я и сам не раз видел его в больничном халате, когда проходил плановый осмотр к кардиологу. Жены и детей у него не было, жил он тихо, никогда не скандалил, но и особой благодородности тоже не проявлял.

— И кто теперь вместо тебя? — спросила Игоря баба Надя.

Тему про то, почему Игорь съезжает, я, скорее всего, пропустил. Мама, папа и баба Надя наверняка уже допросили соседа: куда он и зачем уезжает. Мне тоже было интересно, но накрытый стол не давал мне покоя, и я принялся забивать рот салатами и печёной курицей.

— Скорее всего, никто, — развёл руками Игорь. — Ключи матери отдам, но у неё своя квартира.

— Значит, Пасху будете без нас отмечать? — зачем-то спросил я с набитым ртом. Вопрос был глупым, но я хотел хоть как-то оправдать своё присутствие за столом. Не могу же я угощаться и молчать, будто пришёл сюда только для того, чтобы поесть.

— Дима, Игорь в Германию уезжает. Там Пасху празднуют в другое время, не как у нас, — объяснила мама. — Он теперь там работать будет.

— Как же мы теперь без твоих больничных рассказов? — улыбнулся папа и достал сигареты.

О том, что Игорь покинет наш тамбур, я не очень-то сожалел. Теперь никто не будет греметь ключами у общей двери в семь утра, да и рассказы об аппендицитах и сломанных костях меня не вдохновляют.

Папа вышел в подъезд курить, а мама с бабой Надей начали убирать со стола.

— Себе! Всё себе забирайте, — требовал Игорь.

— Ну, что ты! — отмахивалась мама. — Нам не надо. Ты стол накрывал, ты и забирай.

Мама врала. Наш гречневый период был в самом разгаре, отцовской зарплаты ждуть чуть меньше двух недель. Курица, свежие салаты и фрукты помогли бы нам хоть ненадолго продлить человеческое питание.

— У меня самолёт рано утром. Всю технику отключаю, холодильник тоже, — объявил Игорь.

— Бери, Наташ, — обратилась баба Надя к маме. — У вас семья, Димку, вон, кормить надо. Ему ещё в армию.

— Типун вам! — нахмурилась мама. — У него же... — она похлопала себя по груди.

Сердце-сердце.

Да, баба Надя стала единственной соседкой, которая знает про моё сердце, как только попросила меня сбегать ей за хлебом или мукой. Не помню. Мама тут же отдала пожилой соседке приказ никогда и никуда меня не посылать. Даже за лекарствами.

— А что, с этим нельзя? — шёпотом поинтересовалась баба Надя.

Держу пари, мама и сама не знает, можно или нельзя «с этим» в армию, как и не знала, можно ли мне подниматься раз в день на пятый этаж или нет. Всё-таки рекомендации врача «не увлекаться физическими нагрузками» не означают исключить их совсем. Но маму переубедить невозможно.

— Дим, зайди ко мне, — пригласил меня Игорь.

В его квартире я не был ни разу. И зачем это он меня зовёт?

— Иди-иди, — одобрила мама, увидев моё смятение. Наверняка она знала, зачем я вдруг понадобился в квартире Игоря, иначе бы быстрее меня начала задавать вопросы.

В просторной двушке Игоря неуютно: везде разбросаны вещи, перерыты шкафы, полки, стеллажи. Два огромных раскрытых чемодана валяются в коридоре. Игорь отвёл меня в дальнюю комнату, где стояла какая-то старая кровать и запылённый письменный стол.

— Подожди здесь, — он указал на кровать.

В этой комнате Игорь не жил, даже не заходил в неё, наверное. Кровать скрипела от каждого движения, поэтому я предпочёл встать у окна, облокотив-

шись на подоконник. Над столом висела заурядная картина — мужчина в форме на лошади. Интересно, а если бы я родился два века назад, кто-нибудь догадался бы, что у меня сердце перевернуто? Вряд ли. Я бы тогда так же ездил бы верхом, стал каким-нибудь офицером, и никто бы мне не запрещал лишний раз пробежаться.

Через минуту Игорь приволок огромный мешок.

— Тут вещи, выбирай. Что не понравится — выкину.

Я не успел ничего ответить, Игорь закрыл дверь.

Куртки, рубашки, брюки не кончались в этом бездонном мешке. Мне не нравилось ничего, поэтому я был совсем не против, если бы все вещи отправились на помойку. Я оставил распотрошённый мешок у кровати и снова подошёл к окну. Офицер на картине издевательски смотрел на меня, будто знал про моё сердце и был рад своему веку.

Я показал ему язык и отвернулся. За окном уже вечерело. На секунду я поймал себя на мысли, что из моей комнаты открывается такой же вид — на детскую площадку и маленький продуктовый магазин, который даже не супермаркет.

— Да ладно тебе, — я не заметил, как в комнату вошёл Игорь. — Может, я ещё вернусь. Может, не понравится мне там. Одним соседом больше, одним меньше. Чего грустить-то?

Наверное, я бы больше тосковал по бабе Наде, чем по Игорю. С чего он взял, что я грущу об его отъезде — я не знаю. Только в одном он был прав: жажда внезапной радости ещё не покидала меня. Даже внеплановое застолье не смогло порадовать меня. Внутри будто бы появилась дыра, которую нужно было заполнить. Это я ещё на биологии понял, когда вспоминал про свой первый визит к кардиологу и наш переезд. Наверное, я думал, что воспоминания как-то заполнят эту дыру, но дыра не заполнилась. А может, и счастье сегодня было, я ведь достойно поужинал, впервые добрался

до седьмого этажа пешком. Может, эта дыра просит чего-то другого, чего я раньше никогда не получал?

Я так глубоко задумался, что даже не заметил, как молча вышел из квартиры Игоря и оказался на кровати в своей комнате.

Со мной что-то происходит, и я не знаю, что это. Дыра кричала, как младенец, — громко и невнятно, а я кидал в неё то воспоминания, то радость, то удовольствие от сегодняшних бутербродов. Но она продолжала кричать, а я не знал, чего она хочет.

Анастасия Кальян

г. Королёв

Чайная магия

Рассказ

Заваривать чай лучше в керамическом чайнике: он долго хранит тепло. Конечно, чугунный тоже хорош, хотя мне нравится меньше. Может, я слишком привередливый, но чудеса у меня в нём получаются хуже. Поршневой чайник нравится ещё меньше, хоть и держит в тонусе: хочешь не хочешь, а зарядка по расписанию.

Но, по правде, я был бы счастлив оказаться в любом чайнике, слова бы поперёк не сказал. Лишь бы снова заискрилась магия.

Ещё каких-то пятнадцать лет назад я был полон сил и жизни, чудеса плелись сами собой. Вечерами, после ужина, отец семейства бережно промывал чайник холодной водой, потом горячей, и я замирал от предвкушения: какой сегодня будет рецепт?

На голову мне сыпались горсточки чёрного чая: он был особенно любим этой семьёй. Затем листья и ягоды малины, а может — смородины. Иногда спе-

циально отваривались веточки вишни, и тогда цвет чая насыщался, густел. Временами добавляли мою любимую лимонную мяту. А если ничего из этого не было — в ход шли мёд и варенье, дольки лимона или сушёные лепестки розы.

Позволив магии чуть-чуть настояться, разливали её по чашкам. Все рассаживались полукругом, и начиналось чаепитие. Пар над чаем поднимался волшебный. Искорки чудес взвивались к потолку, кружились над головами. Люди, конечно, этого не замечали, но чувствовали атмосферу сказки. А потому принимались рассказывать истории.

Дети придумывали страшилки и жались друг к другу, потому что сами же и боялись. Родители тоже пугались, но понарошку. Отец рассказывал о других мирах и планетах, о таинственных открытиях учёных. Сыновья слушали, открыв рты, а жена тихонько посмеивалась. Когда наступала её очередь, она рассказывала о пиратах и приключениях. А иногда — о мальчиках, которые плохо учились и стали дворниками. У таких историй не было благодарных слушателей. Даже мне они со временем наскучили. Но до самого конца чаепития волшебство ютилось в чашках.

А потом всё закончилось. Никто больше не заваривал чай и не рассказывал истории. Они уехали, а меня оставили тут. Одного.

После них в квартире никто почему-то не задерживался: я даже подумал, что меня проклял забияка из турки, которого, мне на радость, отдали соседке.

Некоторые жильцы доставали чайник, не глядя пихали чайные пакетики. Один, другой, третий. Они не проводили церемоний и не рассказывали историй. Магию с ними заварить не получалось. А потом мой домик и вовсе разбили.

Очнулся в ржавом чайнике, пыльном, со свистком. И застрял там. Вряд ли кому-то пришло бы в голову заваривать в нём чай. Скорее уж, если бы и вспомни-

ли, отправили бы на свалку. И я бы растворился в воздухе, среди помойной вони и крысиных хвостов.

В ожидании конца от скуки слушал новых жильцов. Семейная пара, ругались — стены дрожали. Львиную долю времени орал, с перерывами на сон. Странно, что не поубивали друг друга.

Вдруг из какого-то далека к мужу приехала бабуля — погостить. И это она зря... Сидим теперь с ней на кухне, она — на табуретке, я — в ржавом чайнике под столом. А в гостиной орут.

— Она странно смотрит на меня! Не хочу ложиться спать в одном доме с этой ведьмой!

— Никакая она не ведьма, может, странная немножко...

— Немножко? Да у неё же конкретно кукушка поехала! Она сама с собой разговаривает! И что за ужас у неё на голове?

Выглядываю, чтобы взглянуть на ужас. Теперь понятно, почему её назвали ведьмой: у старухи длинные седые волосы, кое-где свалывшиеся в дреды. Выглядит она как шаманка со стажем.

— Она мерзкая! Убери её из нашей квартиры!

— Куда она пойдёт, ну! И будь тише: она же слышит...

— Не услышит: она глухая!

— Не глухая, — себе под нос усмехается старуха. Я усмехаюсь тоже: бабуля, выходит, надула эту истеричку.

— Какая интересная особа, — говорю.

— Спасибо, — отвечает она просто.

Высовываюсь из чайника, не веря ушам своим.

— Какое ты удивительное, милое создание, — улыбается она.

Больше бабуля тут не задерживается. Оставляет на столе гостинцы для внука: две банки облепихового варенья, одну — квашеной капусты да солёную рыбу, завёрнутую в газетку двадцатилетней давности.

Хватает мой замызганный чайник, щурится близоруко.

— Нечего нам с тобой тут сидеть.

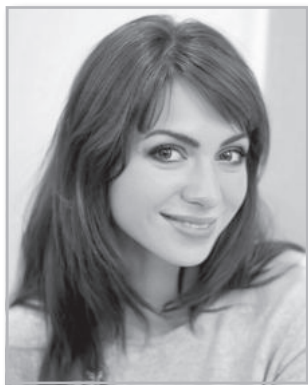
Тихонько обувается, накидывает пальто, пятнистое, будто сшитое из лоскутков самой разной одежды. И уходит с ржавым чайником в руках. С чайником, в котором живу я.

Мы долго едем к ней домой, за леса и реки. Обитает бабуля в старом домике, одна, как настоящая ведьма. С фотографий на комодке улыбаются её внуки. Правда они никогда не приезжают.

Она отмыла мой чайник. Мы готовим чай с корицей, яблоками или лавровым листом. Болтаем о том о сём. А волшебство плещется в чашках, искрится в воздухе и согревает души.

Виктория Татур

г. Красногорск

Бабушкино облако

Рассказ

— Бабушка-а, — в длинной ночнушке до пят я ныряю под одеяло, — Расскажи сказку.

Прижимаюсь к мягкому, раздобревшему телу, от которого пахнет сеном, молоком и сладким потом. С шумом втягиваю носом этот запах и готовлюсь слушать.

— Чего рассказывать? Я и рассказывать-то не умею.

— Тогда почитай.

Бабушка тяжело переворачивается на бок и тянется к тумбочке, где лежит потрепанная книжка с цветными картинками.

— Только не ерзай! — она надевает круглые очки в толстой оправе. — «Один раз Павлик взял с собой Котьку на реку ловить рыбу. Но в этот день им не повезло: рыба совсем не клевала. Зато когда шли обратно, они забрались в колхозный огород и набрали полные карманы огурцов».

— Бабушка, ты вчера этот рассказ читала, и позавчера.

— Хороший рассказ, правильный. Слушай и запоминай.

Я слушаю. И запоминаю. На всю жизнь. И каждый раз боюсь, вдруг этот Котька испугается и огурцы не вернет. Но Котька храбрый, он всегда огурцы сторожу возвращает.

— Ну, теперь спи, — бабушка аккуратно снимает пластмассовую гребенку с седых волос. И на голове у неё получаются тонкие бороздки. Она снова поворачивается на бок и выдергивает провод лампы из розетки.

В темноте я слышу, как она молится, торопливо крестясь:

— Господи благослови, Царица небесная, Матушка родная.

За окном воеет соседский пес.

— Не к добру, — заключает бабушка.

А я лежу и думаю, какое оно это недобро? И как сделать так, чтобы оно не наступило?

Мыслями уношусь высоко-высоко в небо. Там становится темно, а я такая крохотная точка, вот-вот исчезну. И не будет больше ничего. Меня не будет. И бабушки не будет. И так страшно становится. Жутко. Бр-р-р.

— Бабушка, — я прижимаюсь к ней ещё теснее, — а ты правда молодой была?

— Правда.

— Как моя мама?

— Как ты.

— Не может быть! — отвернув одеяло, я сажусь в кровати.

Бабушка легонько тянет меня к себе. Укрывает ноги и тщательно подворачивает одеяло.

— Спи уже, — вздыхает она. — Утром в лес идти, пока ягода добрая, росой напитая.

— А что, бывают злые ягоды? — я натягиваю одеяло до самого носа.

Кажется, соседский пес перестал выть. Тишина.

— Быва-а-ают, — широко зеваает бабушка. — Такие ягоды далеко за горой растут. Баба Шара, которая на

хуторе живет, их по ночам собирает. Сушит, а потом в ступе толчет. Слова страшные на нихнаговаривает.

— А потом? — мое сердце колотится. Мурашки по коже пупырышками вскакивают. И даже пальцы покалывает.

— Потом она толченые ягоды с мукой смешивает и пироги печет. Узнает, кто из детей по ночам не спит, так их пирожками и угощает.

— Ой, — я вскрикиваю и закрываю руками рот. — Она вчера мне пирожок давала. Я съела.

— Ну вот, вырастут у тебя теперь заячьи уши и нос пяточком.

— А говоришь, сказки рассказывать не умеешь, — я надуваю щеки и вытягиваю губы.

Снова завыл соседский пес. На чердаке заскребла мышь. Нет-нет, да и скрипнут половицы, словно изредка переговариваются друг с другом.

— Бабушка-а, — снова тяну я шепотом. — А когда люди умирают, они на небо улетают?

— На небо.

— И ты туда полетишь?

— Полечу. Сяду на облако и на тебя смотреть буду.

— Ты только сегодня не улетай, и завтра. И ещё долго не улетай, хорошо? А то мне без тебя скучно будет.

— Ну, это уж как Бог положит.

Я чувствую, что она улыбается. Значит, не улетит пока. А сама представляю, как Бог каждому человеку кладет в тарелку кашу. Кому-то ложку, кому-то две, а кому-то и до краев. Если ты хороший и добрый человек, тебе Бог много-много вкусной каши положит. И мне кажется, что её нужно есть не спеша, маленькими ложечками.

— А расскажи, как ты маму нянчила?

— Ой, зыбну люльку об пол и побегу корову доить. Вот и все, — усмехается бабушка. — Люлька потом долго-онько на пружине качается.

— А тебе не жалко маму было?

— Тогда не жалели. Время другое.

— Какое?

— Трудное.

— А меня тебе жалко?

— Жалко, — соглашается бабушка. — Вот твой deduшка меня всегда крепко жалел.

— За что?

— А ни за что, любил очень, вот и жалел.

Жалеть, значит любить, думаю я про себя. И мне становится всех-всех жалко. И даже соседа Ваську, который в меня из самодельной трубки черемуховыми косточками стреляет. Наверно это из-за того, что у него велосипеда нет, а у меня есть. Завтра днем обязательно дам ему прокатиться.

А рано утром я с бабушкой в лес пойду. Она возьмет огромную плетеную корзину. А я буду срывать маленькие желтые пуговицы цветов пижмы. Кажется, их можно пришить к платью и пахнуть летом. И, чем крепче их пришьешь, тем дольше оно будет.

Но лето всегда заканчивается. А потом ещё одно, и ещё.

— Ма-ам, почитай сказку, — просит меня сын.

Мы лежим с ним в той самой комнате. Правда, не осталось дивана, свидетеля наших с бабушкой ночных разговоров. Но на чердаке я нашла ту самую потрепанную книжку с цветными картинками.

— «Огурцы», — читаю я название.

— Не-е, про огурцы скучно, давай про машины или про роботов.

— А ты слушай. Слушай и запоминай. Этот рассказ ещё бабушка мне читала.

— Расскажи, какая она была.

— Бабушка? — я задумываюсь. Трудно подобрать слова, простые и правильные. Наконец нахожу нужное. — Честная. Бог ей много положил.

— Чего положил? Каши?

Сын смеется детским заливистым смехом, в котором ещё нет страха и боли утраты. А я закрываю глаза и чувствую, что бабушка, как и обещала, сидит на облаке, смотрит на нас и улыбается.

Анна Шайдурова

г. Новосибирск

Космическая бабушка

Рассказ

Много столетий назад перебрались люди в космос и обжились на разных планетах. Построили здесь дома, различные заведения и зажили, как когда-то на Земле, только ярче и интереснее.

Летали теперь в гости не в другие города, а на другие планеты. Летали не на самолётах, а на космопланах, пили не чай, а космический нектар, и фрукты выращивали особенные. Какие? Космические конечно же.

И были здесь дети, взрослые и, конечно, бабушки. Вот про одну такую космическую бабушку и пойдёт рассказ.

Итак, жила-была бабушка. Кхе-кхе, ну, да, космическая бабушка. Она отличалась от обычной тем, что была... Ой, да ничем не отличалась. Только скафандр носила. И то лишь по праздникам.

И было у бабушки три внука. В детстве они приезжали к ней в гости, играли на её дворе, пили молоко из-под космической роботокорovy.

А ещё бабушка... включала космическую печку, и та пекла им вкусные пирожки. Кроме того, бабушка покупала внукам разные удивительные сладости, типа космических леденцов, взрывающихся во рту, и интереснейшие игрушки.

Внуки выросли. Бабушка хоть и была космической, однако старела как обычная бабушка, её земная предшественница... И хотелось бабушке всё больше внимания...

Однако внуки, наоборот, всё реже к ней заезжали, а потом и вовсе перестали.

И тогда бабушка... нет, не обиделась. Она была очень мудрой бабушкой. Она любила своих внуков и просто хотела их увидеть. И она решилась на маленький обман.

Всем троицам отправила срочное сообщение по всегалактической сети, в котором объявила, что выиграла в лотерею крупную сумму денег, и что ей столько не нужно. Она готова поделиться деньгами, но... только с одним из внуков. С тем, кто лучше всех будет за ней ухаживать до конца её дней.

Все три внука вмиг прилетели к бабушке. Каждый хотел получить денег!

В течение двух лет они старательно ухаживали за бабушкой, выполняли все её прихоти и капризы. И вот наступил такой день, когда бабушка сильно ослабела, так что уже не могла встать с постели. И тогда она сказала:

«Вот и пришёл мой час...»

Внуки стояли у бабушкиной кровати и, видя, что она совсем уже плоха, спросили:

— Бабушка, а помнишь, ты говорила о лотерее...

Бабушка слабо улыбнулась:

— Не было никакой лотереи, — сказала она.

Внуки дружно охнули:

— Как?!

— Я вас обманула. Я не выигрывала деньги. Я это придумала, потому что очень хотела провести время с

вами. Я знала, что просто так вы не приедете, поэтому и решила сказать про лотерею и про то, что отдам её одному из вас. Вы уж простите мне этот маленький обман. Но зато мы прекрасно провели время, и вы порадовали старушку в конце её жизни. Разве это не прекрасно?

Внуки через силу улыбнулись.

— Да, конечно, бабушка...

Улыбка старушки стала чуть заметней. Она обвела всех троих взглядом и, глубоко вздохнув, затихла. Бабушка умерла.

Внуки похоронили бабушку и разъехались по своим делам. Долго они, конечно, возмущались про себя хитростью старушки, да что делать, жизнь не стоит на месте, и прошлого не вернёшь. Со временем эта история забылась да поросла мхом.

...Столетия сменяют друг друга, прогресс бодро шагает по Вселенной, всё развивается, модернизируется, космизируется... И только проблемы у человека разумного в отношениях с его сородичами остаются те же... те же... те же... ре-ре-ре-тр-тр... ой, простите, косморadio заело. Надо бы смазать винтики...

Об опыте проведения Литературного хакатона В рамках VIII Всероссийского литературного фестиваля имени Михаила Анищенко

Начиная свою деятельность, Совет молодых литераторов Союза писателей России обозначил для себя серьёзные, амбициозные задачи, а именно: поиск, объединение, творческое развитие и продвижение молодых талантливых авторов.

Ежегодно через творческие мастерские СМЛ проходит более 500 начинающих литераторов, а по итогам Всероссийских совещаний порядка 40 талантливых писателей получает рекомендации ко вступлению в Союз писателей России.

Почти четырёхлетняя история Совета молодых литераторов показывает, что именно продвижение молодых перспективных авторов и популяризация современной литературы остаются наиболее сложными для решения задачами.

Как показывает практика, зачастую амбициозные молодые авторы считают, что вступление в профессиональный творческий союз или публикация в серьёзном литературном издании непременно помогут им сделать писательскую карьеру и автоматически откроют широкую дорогу к читателю. Однако на практике и сами журналы, и творческие союзы, лишившись некогда государственной поддержки, но не желая играть по «рыночным» правилам, и сами сталкиваются с проблемой выхода к реальному читателю, нуждаются в новых, эффективных решениях.

При этом молодые литераторы, готовые проявлять активность и инициативу в формировании ново-

го (дружелюбного им) литературного пространства, вполне могут стать той силой, которая способна сдвинуть процесс с мёртвой точки. Как ни парадоксально, но отсутствие профессионального статуса «писатель» здесь играет организации на руку! Ведь, по сути, молодые авторы, примыкающие к Союзу, — это представители совершенно разных профессий, носители уникальных знаний и навыков. Среди них есть журналисты и пиарщики, педагоги и психологи, юристы, профессиональные управленцы и так далее... Всех их отличает любовь к литературе и желание реализоваться в литературном творчестве. Отчего же не объединить усилия для совместного поиска решений по «наболевшим» вопросам?

Подобная попытка была предпринята в рамках VIII Всероссийского литературного фестиваля имени Михаила Анищенко. В 2020 году, помимо творческой части внутри фестиваля, был проведён специальный поток для организаторов литературного процесса — инициативных молодых литераторов, которые своими силами устраивают в регионах культурно-массовые мероприятия (фестивали, конкурсы, чтения), работают с начинающими авторами, занимаются издательской деятельностью и т.п. Все они, как правило, уже имеют опыт самостоятельной реализации литературных проектов и, столкнувшись на практике с разного рода трудностями, нуждаются в обмене опытом и экспертной поддержке.

Конкурсный отбор прошли участники из Самары, Уфы, Челябинска, Сыктывкара, Ленинска-Кузнецкого, Нижнего Новгорода, Рыбинска, Липецка, Москвы. Специально для них была организована трёхдневная программа, включающая: круглый стол «Литературная жизнь в регионах», воркшоп «Стратегия развития литературной жизни в регионах», мастер-классы по подготовке грантовой заявки и психологии управления проектами и малыми группами, а также литературный хакатон.

Последнее мероприятие проводилось организаторами фестиваля совместно с Советом молодых литераторов СПР впервые и носило отчасти экспериментальный характер.

По определению хакатон (англ. hackathon от hack «хакер» + marathon «марафон») — это очное мероприятие марафонского формата для разработчиков, во время которого специалисты из разных областей (программисты, дизайнеры, менеджеры) сообща решают какую-либо проблему и создают прототип решения. Сегодня хакатоны успешно используются для решения не только чисто технических проблем из области ИТ, но и социальных, и привлекают широкий круг специалистов из разных областей. Объединяясь в команды, профессионалы взаимоусиливают друг друга и совместно «ломают» голову над эффективным решением поставленной задачи. Соревновательный характер мероприятия позволяет поддерживать мотивацию и активность участников на протяжении всего марафона (как правило, хакатон длится от 6 до 36 часов). Чтобы помочь участникам, на площадке присутствуют представители заинтересованной стороны (компании, администрации и пр.) и менторы-эксперты.

Основной целью литературного хакатона в рамках фестивальной программы было нахождение эффективного и компактного решения проблемы популяризации чтения современной литературы среди молодёжи. При этом в качестве основной технологии, которую участники должны были заложить в основу решения, выступала игрофикация.

Сегодня игрофикация — или применение приёмов, характерных для компьютерных игр, в неигровых процессах с целью привлечения потребителей и повышения их вовлечённости — широко используется в бизнесе, образовании, аналитике и т.д. Эпизодически применяют подобные технологии рекомендательные читательские сервисы и электронные

библиотеки (создают интерактивные книги и книжки-игры, отслеживают читательский прогресс, поощряя «наградами» и «знаками отличия» самых активных читателей и рецензентов и т.д.). Но можно ли процесс чтения связать с игрой на постоянной основе? Как сделать при этом так, чтобы литературный текст не «спорил» с сюжетом игры? Как сделать эту идею «безопасной» и привлекательной для авторов? На эти вопросы и предстояло найти ответы участникам литературного хакатона.

Для погружения в тему игрофикации и знакомства с возможностями технологии была проведена установочная сессия, внутри которой свои мини-лекции прочитали эксперты: профессор, доктор политических наук, автор монографии по теории игр Ветренко Инна Александровна, нарративный директор лаборатории геймификации Сбербанка, автор блога о нарративе в играх Мусина Анна и автор-создатель настольной игры «Преступление и наказание» Куманева Юлия.

Всего было сформировано 5 команд (к участникам организаторского потока пожелала присоединиться часть молодых писателей, приехавших на творческую программу), которые работали над своими проектами в течение 6 часов. А некоторые продолжили «мозголомку» и ночью. На всём марафонном маршруте поддерживали команды и давали им обратную связь менторы-эксперты: председатель Совета молодых литераторов Союза писателей России Андрей Тимофеев, знающий о проблеме популяризации чтения современных авторов не понаслышке, психолог и игротехнолог Екатерина Огарёва, а также программист, увлекающийся созданием гейм-решений, Павел Сахнов.

В финале было презентовано пять проектов, каждый из которых был признан потенциально реализуемым и эффективным. Так, одна из команд предложила к рассмотрению макет настольной карточной

*Участники литературного хакатона
для организаторов литературного процесса
(руководитель Андрей Тимофеев)*

игры, задания которой связаны со знанием современной литературы и азов писательского мастерства. Другая команда предложила целый набор соревновательных компьютерных игр (от литературных кроссвордов до «читательских дуэлей»), победить в которых невозможно, не ознакомившись с произведениями указанных авторов. Две команды предложили сюжетные игровые решения, позволяющие «вплести» произведения современных авторов в основную линию компьютерной игры-новеллы. Путешествуя по мирам современных писателей или раскрывая запутанное преступление, читатель «вынужден» снова и снова обращаться к текстам и открывать для себя новые имена. Немало удивила жюри команда, предложившая использовать популярный голосовой сервис «Алиса» для душевного разговора. По идее инициаторов на эмоциональные запросы пользователей Алиса будет сочувственно отвечать литературными цитатами и предлагать к ознакомлению полные тексты произведений авторов. Работа над прототипом данного решения при поддержке менторов-экспертов

была продолжена участниками команды по завершению программы.

В целом, опыт проведения организационного потока (и хакатона в частности) дал понять, что литературный процесс сегодня (особенно если речь идёт о молодой литературе) — явление живое, динамичное, зачастую требующее нетривиальных форматов и практик. Его участники — молодые литераторы — с одной стороны, перенимают мастерство и впитывают ценности старшего поколения писателей, с другой — открыты для нового опыта и готовы быть активной стороной, меняющей заданные реалии в лучшую сторону.

Екатерина Огарёва,

член Союза писателей России,

член исполкома Совета молодых литераторов

Союза писателей России,

кандидат психологических наук,

доцент СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ

МОЛОДЁЖНАЯ ВОЛНА
Литературно-публицистический журнал
Двадцатый первый выпуск

Адрес редакции:

443001, г. Самара, ул. Самарская, 179, тел.: 333-48-01.
E-mail: litsamara@yandex.ru

Подписано в печать 21.09.2020.

Формат издания 84x108/32.

Объём 18,9 печ.л. Бумага офсетная.

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии
ООО «Слово»

443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1;

тел.: (846) 267-36-82

e-mail: izdatkniga@yandex.ru.